

Федеральное агенство по образованию
Государственное образовательное учреждение
Высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ИЗВЕСТИЯ УрГПУ

ЛИНГВИСТИКА

ВЫПУСК 18
Научное издание

Екатеринбург – 2006

УДК 410 (047)

ББК Ш 100

Л 59

Редакционная коллегия:

Доктор филологических наук, профессор А.П. ЧУДИНОВ (отв. ред.)

Доктор филологических наук, профессор Л.Г. БАБЕНКО

Доктор филологических наук, профессор Т.А. ГРИДИНА

Доктор филологических наук, профессор Н.Б. РУЖЕНЦЕВА

Доктор филологических наук, профессор В.И. ТОМАШПОЛЬСКИЙ

Кандидат филологических наук М.Б. ШИНКАРЕНКОВА

Л 59 Известия УрГПУ. Лингвистика. Выпуск 18./ Урал. гос. пед. ун-т; Отв. ред. Чудинов А.П. – Екатеринбург, 2006. – 241 С.

ISBN 5-7186-0131-3

Общие задачи издания: обмен новейшей информацией в области лингвистики, обсуждение фундаментальных и прикладных проблем языкознания, а также вопросов взаимоотношения языка, культуры и общества. Два основных раздела посвящены политической лингвистике и лингвокультурологии. Сборник предназначен для ученых-языковедов всех специальностей, он может представлять интерес для преподавателей, аспирантов и всех тех, кто интересуется проблемами лингвистики.

УДК 410 (047)

ББК Ш 100

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ИЗВЕСТИЯ УрГПУ. ЛИНГВИСТИКА.

ВЫПУСК 18

Подписано в печать _____ -. Формат 60x84/16.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Усл. печ. л. – _____. Тираж 120 экз. Заказ _____

Оригинал макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета

620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@dialup.uk.ru

Р.С. Статьи выходят в авторском варианте, редакция не несет ответственности за их содержание и оформление.

ISBN 5-7186-0131-3

© Известия УрГПУ. Лингвистика, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Антонова Ю.А. Екатеринбург	Жанр интервью в газетном дискурсе	5
Benoit W.L. Штат Миссури	The functional theory of political campaign discourse	10
Будаев Э.В. Нижний Тагил	Россия, Грузия и страны Балтии в зеркале российских и британских метафор родства	34
Будаев Э.В. Нижний Тагил	Политическая метафора в невербальных семиотических системах	57
Декленко Е.В. Челябинск	Особенности интерпретации концепта «патриот» американскими школьниками	66
Докучаева Р.М. Коми	О смысловых моделях в высказываниях одного политического мониторинга	74
Куданкина О.А. Кемерово	Россия и Германия: сравнительный анализ (на материале российских СМИ)	85
Орлова О.Г. Кемерово	«ЖИТЕЛИ РОССИИ» как структурный компонент концепта «RUSSIA»	92
Светоносова Т.А. Псков	Методика лингвистического исследования ценностей в политическом дискурсе	99
Солопова О. А. Челябинск	Театральная метафора в политическом дискурсе Великобритании	107
Солопова О. А. Челябинск	Метафора «суда» в политическом дискурсе Великобритании	114
Тагильцева Ю.Р. Екатеринбург	Субъективная модальность и тональность в обзорном политическом тексте	122
Шаова О.А. Екатеринбург	Метафорическая модель «Президент России – это Монарх» во французском дискурсе масс-медиа: источники и причины метафорической экспансии	134

РАЗДЕЛ 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Кустова А.Е. Нижний Тагил	Лингвистические и этнографические лакуны французского и русского языков (лингвокультурологический аспект)	147
-------------------------------------	---	-----

Мешкова Т.С. Кемерово	Функции князя в Древней Руси (на материале Новгородской I летописи)	151
Немирова Н.В. Сыктывкар	Прецедентные феномены как средство формирования когнитивных моделей этнических ситуаций в публицистическом тексте	158
Овчинникова Л.Н. Екатеринбург	Диалектная языковая картина мира в социально-культурном аспекте	170
Пименова Е.Е., Пименова М.В. Кемерово	Особенности концептуализации <i>неба</i> и объективация его признаков в произведениях С.А. Есенина	180
Покровская Е.А. Ростов-на-Дону	Роль прозы шестидесятников в становлении языка литературы неклассической парадигмы: тенденция к синтаксическому слиянию	191
Попова Э.Ю. Екатеринбург	Речевой портрет студента глазами самого студента	201
Прокопьева А.А. Екатеринбург	Особенности передачи метафор при переводе произведений В.В. Набокова	206
Устинова Е.В. Ростов-на-Дону	Синтаксические средства выражения идеи неагентивности в модернистском тексте	213
Шустрова Е.В. Екатеринбург	Фитоморфная и зооморфная концептуальная метафора в творчестве Р. Эллисона	221

РАЗДЕЛ 3. ХРОНИКА

Гинниатуллин И.А. Екатеринбург	Хроника. Диссертационный совет К 212.283.05 в 2005 году	230
Пирогов Н.А. Екатеринбург	Хроника. Диссертационный совет Д 212.283.02 в 2005 году	233

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЕЙ.....239

РАЗДЕЛ 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Антонова Ю.А.

Екатеринбург

ЖАНР ИНТЕРВЬЮ В ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ

Теракт в современных масс-медиа освещается при помощи как традиционных жанров (очерк, корреспонденция, интервью, новость и т.д.), так и новых, например – *теракт в прямом эфире*. Влияние жанра на процесс текстообразования и последующее восприятие велико. Речевые жанры используются СМИ как средство воздействия, направленное на борьбу за адресата. Выбор жанра влияния определяется представлениями адресанта о степени воздействия на массовое социально-групповое сознание жанровых схем и образцов. В ходе опросов и анализа материала мы выяснили, что самым частотным является диалогический жанр – интервью, в связи с этим А.К. Михальская отмечает, что диалогичность ситуации считается одним из основных свойств масс-медиального дискурса, а монологичность коммуникации свидетельствует о ее неэффективности.

«Интервью – акт коммуникации, предполагающий диалогическое общение журналиста с респондентом в ситуации последовательного чередования вопросов и ответов, с целью получения информации, мнений и суждений, представляющих общественный интерес» [Ильченко 2003: 10]. Г.С. Мельник и А.Н. Тепляшина говорят о том, что «интервью в современной прессе получило очень широкое распространение, т.к. люди стали раскованнее» [Мельник, Тепляшина 2004: 125]. М.Р. Желтухина отмечает спрос на политическое интервью, объясняя это возросшим интересом к мнению конкретного политика по какому-либо вопросу и к самой личности политического деятеля [Желтухина 2003].

Жанр интервью относится к информационным, а по классификации Н.А. Купиной – к «объективным» [Купина 2000]. Рассматриваемый жанр дифференцируется по двум признакам: количественному соотношению задействованных в беседе лиц и предметно-эмоциональной направленности. По первому выделяются интервью-монолог, интервью-диалог, интервью-полилог, интервью-беседа; по второму – интервью-сообщение, интервью-зарисовка. С.Н. Ильченко выделяет такие виды интервью, как протокольное, информационное, проблемное, интервью-анкета, интервью-портрет [Ильченко 2003: 19-22]. В зависимости от характера интервьюера и характера героя М.К. Барманкулова вы-

деляет две группы интервью: «к первой относятся интервью-информация, интервью-мнение; ко второй – интервью-эмоция, интервью-социологический опрос» [цит. по Мельник, Тепляшина 2004: 126].

Обратимся к субъектной организации текста интервью как к носителю жанра, имеющему важнейшее значение для текстов. Интервью имеет трехсубъектную организацию: автор (журналист), адресат (массовый читатель), интервьюируемое лицо (респондент).

Респондент интервью в ситуации теракта может быть представлен в следующих вариантах: бывший заложник, «альфовец», врач, «звезда», политик (мы выделили самые частотные типы респондентов). От типа респондента зависит и функция интервью (в любых технологиях воздействия важно не столько выявление механизма воздействия на сознание адресата, сколько прогнозирование результатов этого воздействия). Влияние в масс-медиальном дискурсе связывается преимущественно с воздействием на эмоции и подсознание, а не на разум, логическое мышление. Суггестивный момент преобладает над рациональным, а успех коммуникации основан на завоевании симпатии и доверия адресата. «Именно вера – основа риторических манипуляций с людьми» [Михальская 1996: 150].

Если интервьюируемый – бывший заложник: ««Они стреляют в потолок, чтобы успокоить людей» – утверждают первые освобожденные женщины» (КП №166, 2004); «Олег Голуб: «Русские не умеют падать на пол»» (ГП №47, 2002), то основными функциями текста являются: рецептивная, эмотивная, репрезентативная, интегративная. Рецептивная состоит в распознавании и понимании других точек зрения, воздействии языка на формирование различных уровней нашего опыта, благодаря этому повышается чувствительность и восприимчивость адресата. Следующая функция – эмотивная: устанавливается связь с субъективным миром адресанта. Репрезентативная функция «заключается в самопрезентации и психической / коммуникативной разрядке преимущественно посредством тропов» [Желтухина 2003: 199]. Интегративная функция способствует объединению нации перед общим горем, что актуализируется эксплицитными маркерами (*мы, наше, русские люди* и т.д.). Предполагаемой реакцией адресата должно быть формирование общего эмоционального настроения, изменение отношения к говорящему и т.д. Интервьюер и читатель сопереживают участнику событий,

мелкие детали помогают создать наиболее яркий образ захватчика, пробуждают ненависть и презрение.

По количественному соотношению задействованных в беседе лиц интервью с бывшим заложником – это, в основном, интервью-беседы (два человека), по предметно-эмоциональной направленности – интервью-зарисовки (вид интервью, в котором реплики собеседника сопровождаются описанием манеры поведения, выражения лица). Заметим, что для такого типа интервью характерны лирические размышления, широкое использование выразительных средств.

Если интервьюируемый – «освободитель» – участник операции по освобождению заложников (см., напр., статьи «Нам не стыдно глядеть в глаза матерям Беслана» – офицер «Альфы» рассказывает об обстоятельствах гибели своих боевых товарищей» (РГ №203, 2004); «СОРБ шел с черного хода» – Герой России, заместитель командира отряда милиции особого назначения Е.В. Кукарин (РГ №208, 2002); «Командиры «Альфы»: «Чистый бой длился 28 минут» (КП от 1.11.2002)), то в тексте реализуются аналитическая, оценочная, инспиративная *функции*. Аналитическая: специалисты разъясняют ход операции, рассматривают событие в контексте других терактов. Оценочная функция: бойцы дают анализ своим действиям и действиям террористов. Инспиративная функция [Шейгал 2000] воодушевляет нацию на предстоящие великие дела и прославляет традиционные ценности.

По количественному соотношению задействованных в беседе лиц интервью с «освободителем» – это, в основном, коллективное интервью: интервью с аудиторией слушателей, пресс-конференция и т.д. Даже если «освободитель» беседует с журналистом один на один, он все равно представляет целый отряд, т.е. выражает коллективное мнение. По предметно-эмоциональной направленности – это интервью-сообщение (в сокращенном варианте, где представлены наиболее значительные фрагменты разговора). Как правило, такое интервью сопровождается экстралингвистической информацией: схемой места событий, фотографиями и т.д. – читатель может представить, как происходило освобождение.

Нередко собеседником журналиста становится «звезда» – певец, режиссер, актер театра и кино (см. текст «Андрей Кончаловский: «России пора взрослеть» (АиФ №36)). *Функции*, реализуемые в данном тексте, – аналитическая и эвристическая. При

реализации аналитической функции «звезда» дает анализ события в контексте времени бездуховности. Эвристическая функция [Halliday 1973: 17] пытается ответить на вопрос, «почему» в реальности все происходит определенным образом, получить приблизительное представление о причинах. По количественному соотношению задействованных в беседе лиц интервью со «звездой» – это интервью-беседа (два человека); по предметно-эмоциональной направленности – интервью-зарисовка.

Большой интерес у читателей вызывает интервью с политиком, государственным деятелем (см., напр., статьи «Знаки беды: Президент Северной Осетии Александр Дзасохов» (РГ №198, 2004), «У них замкнуло» – председатель Парламента Северной Осетии Таймураз Мамсуров» (РГ №200, 2004), А. Асханов Советник Президента России по делам Чечни: «Отец спас сына и упал замертво...» (АиФ №36, 2004), «Взятка пахнет гексогеном» – Генеральный прокурор РФ Вл. Устинов: куда ведут следы террористов» (РГ №203, 2004)). Функции, реализуемые в данных текстах: интегративная, персуазивная, прогнозирующая, интерпретативная, эвристическая, регулятивная. Интегративная функция в данных текстах является основной – это один из PR-ходов в кризисной ситуации: призыв объединится перед лицом врага. Персуазивная функция также имеет место быть: убеждение проявляется в сочетании усиленной выразительности с усиленной изобразительностью, что способствует созданию эффекта воздействия, убеждения, особой доказательности. Прогнозирующая функция реализуется посредством коррелирования и интерпретации наблюдаемых явлений, даются рекомендации для реакции на события. Интерпретативная и эвристическая функции в данном случае «работают» на имидж политика: в сознании читателя возникает образ «заботливого барина / хозяина». Необходимо отметить регулятивную функцию данных текстов: текст организует и регулирует процессы, воздействует на аудиторию, контролирует общественное мнение – это «главный инструмент социокультурного контроля и управление с помощью языка» [Halliday 1973: 17]. По количественному соотношению задействованных в беседе лиц интервью с политиком – это интервью-беседы (два человека), по предметно-эмоциональной направленности – интервью-зарисовка.

Большой практической значимостью обладают интервью с психологами, врачами (см. тексты «Другая Россия: мы больны пофигизмом» – считает психолог Е. Шестопал (РГ №194, 2004),

«Неоконченная трагедия в слухах и фактах – руководитель столичной службы здоровья А. Сельцовский» (РГ №208, 2002), Детский доктор, профессор Л. Рошаль: Здоровье детей – в душевном покое родителей» (АиФ №37, 2004), «Как жить после Беслана. Т. Дмитриева беседует с читателями РГ» (РГ №197, 2004). *Функции*, реализуемые в данных текстах: *гармонизирующая*, познавательная. Основной *функцией*, реализуемой в данных текстах, является гармонизирующая, релаксирующая: снятие напряженности у адресата, создание непринужденной обстановки; дополняет эту функцию познавательная: установление причинно-следственных связей, определение значения опыта, правильное его группирование – врачи говорят о том, как действовать в подобной ситуации, как справиться с эмоциями. По количеству соотнесению задействованных в беседе лиц интервью с психологами / врачами – это и интервью-беседы, и коллективное интервью (беседа с письмами читателями в руках). По предметно-эмоциональной направленности – это интервью-сообщения.

Анализ фактического материала показал, что субъектная организация текста интервью имеет важнейшее значение для текстов. Нами выявлена прямая зависимость функции интервью от типа респондента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Желтухина М.Р. Тропология суггестивности масс-медиа дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ. – Москва-Волгоград, 2003.
2. Ильченко С.Н. Интервью в журналистском творчестве. – СПб., 2003.
3. Купина Н.А. Агитационный дискурс: в поисках жанров влияния // Культурно-речевая ситуация в современной России, – Екатеринбург, 2000.
4. Мельник Г.С., Тепляшина А.Н. Основы творческой деятельности журналиста. – СПб., 2004.
5. Михальская А.К. Основы риторики. – М., 1996.
6. Руженцева Н.Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе/ Монография – Екатеринбург, 2004.
7. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – Волгоград: Перемена, 2000.
8. Halliday M. Explorations in the Functions of Language. – L., 1973.

Benoit W.L.

Штат Миссури

THE FUNCTIONAL THEORY OF POLITICAL CAMPAIGN DISCOURSE

Many countries have political campaigns for elective office. For example, political campaign debates have been held in many countries, including Australia, Canada, France, Germany, Greece, Holland, Israel, New Zealand, Scotland, South Korea, Sweden, Poland, Taiwan, the Ukraine, and the United States. Political television advertisements have been broadcast in countries around the world, including Britain, France, Germany, Greece, Israel, Italy, Korea, Poland, Russia, Taiwan, Turkey, and the United States. Of course, political systems and election campaigns have some differences. For example, some nations cast votes for candidates; others have a parliamentary system and vote for a political party rather than directly for a candidate. Rules about who can vote, registering to vote, as well as when and how candidates, political parties, and others can campaign also vary from country to country. For example, in South Korea the president is restricted to one term in office and there is no vice president. This aspect of that system of government the importance of incumbency in that country (see Lee & Benoit, 2005). These cross-national differences can be important and we must remain aware that such variations exist. Nevertheless, the basic situation – political candidates, parties, and organizations try to convince enough voters to select me or my political party – ensures some commonalities. Furthermore, as differences in the media systems around the world diminish [Hallin & Mancini, 2005], the comparability of many campaign message forms increases. For example, political debates and television advertising are regulated by laws, but such events can be considered more media events than inherent aspects of the governmental system.

This essay explains the Functional Theory of Political Campaign Discourse, which has been used to analyze political campaign messages in the United States, and, more recently, in other countries (for a more complete discussion, see Benoit, in press). Obviously, this is not the only possible approach to understanding campaign communication, but it is one approach worth considering. There can be no question that political campaign message are instrumental, means to achieve a particular end (obtaining political office) or functional, in nature. Of course, a few candidates who have no realistic change of winning do run for office to publicize an issue, but they are in the mi-

nority. Most candidates use their campaign messages to persuade voters to choose them over opponents. Political campaigns matter – because presidents, prime ministers, and chancellors propose and implement vital policies – and Functional Theory can help understand the messages from viable candidates for office.

AXIOMS

Functional Theory of Political Campaign Discourse is based on six key assumptions. Each of these assumptions will be explained next. Those who are interested in understanding political campaigns can consider these assumptions to decide how well they fit the circumstances in the political systems of interest.

1. Voting Is a Comparative Act

When citizens cast their votes, have a fairly straightforward choice: For which candidate (or political party) shall I vote? This is a choice between two (or more) competing options and it clearly involves a *comparative* judgment. It is unreasonable to expect any candidate or party to be perfect: It is possible that a voter would agree with a candidate or party on many, but not all, issues. Candidates and political parties may have both good and bad points. So, each person is essentially deciding which candidate (or party) seems to be *preferable* on whatever factor matters the most to that person.

2. Candidates Must Distinguish Themselves from Opponents

The first assumption of Functional Theory, that voting is a comparative act, entails the second one: Because voting is a comparative action, candidates must tell voters how they differ from other candidates. If a citizen does not see any difference between two candidates, he or she has no reason to *prefer* one candidate over the other. This means that political candidates who run in contested races must develop and disseminate clear distinctions between themselves and viable opponents.

This does not mean that candidates for elective office must differ on every possible point of comparison. Surely all candidates would want to support a strong national defense, plentiful jobs, low inflation (although they might disagree on the means of achieving some of these goals). For this reason we should anticipate some similarities in the issue positions of the candidates. Still, if voters are to have a basis for choosing *one candidate instead of another*, the candidates must make clear to voters *some* points of distinction.

3. Political Campaign Messages Are Important Vehicles for Distinguishing between Candidates

The first two assumptions lead directly to the third: Candidates

use campaign messages to convey the distinctions among competitors that they chose to emphasize to voters. Some campaign messages reach voters directly, as they listen to a candidate's speech, view a television spot, read a political pamphlet, watch a televised debate, or visit a candidate's webpage. On the other hand, some information from candidate messages (including their press releases) reaches voters through the news media, as journalists report on the campaign (and, of course, other interested people and organizations also disseminate information about the candidates). However, we must realize that research makes it clear that voters cannot always depend on the news media to provide voters with this information. Patterson and McClure (1976) concluded that in the United States in 1972 "during the short period of the general election campaign, presidential ads contain substantially more issue content than network newscasters" (p. 23). It is important to keep in mind three important facts about news coverage of campaigns: (1) the news enacts a gate-keeping function, deciding which ideas from the candidates to pass along to voters and which to ignore, (2) the news media has the opportunity to provide commentary on the candidates' ideas, evaluating the candidates positively or negatively, and (3) the news has a strong tendency to focus on horse race issues (who is ahead, campaign strategy, and campaign events) rather than the candidates' policy positions or qualifications for office (see Farnsworth & Lichter, 2003; Patterson, 1980; Robinson & Sheehan, 1983). The news, in addition to candidate messages, is a way for voters to learn about the candidates and their positions on the issues.

Third, many voters learn about the candidates and their policy positions from other voters in political discussion [Lenart, 1994]. I want to make clear that I do not subscribe to the theory of opinion leaders (Lazarsfeld, Berelson, & Gaudet, 1948), in which a small number of people (the "opinion leaders") take information from candidate messages and the news and then pass that information on to other citizens. Rather, each person in a conversation may have information about the campaign that is not known to the other and they exchange that information in political discussion. Or, perhaps today I tell my friend something he did not know about the campaign and then tomorrow he will tell me something else that I did not know. So, many people learn about the political campaign from interacting with other citizens.

So, voters acquire information about the candidates and the campaign from several sources: candidate messages, news cover-

age of the campaign, messages from other people and groups, and political discussion. Keep in mind that all of these sources are very complex: candidates may give speeches, participate in debates, broadcast television commercials, appear on talk shows, create webpages, and use other messages as well (and note also that candidates can give many different speeches, participate in more than one debate, broadcast multiple TV ads, and so forth). Voters have access to television news (on multiple networks, broadcast, cable, and Internet) and various newspapers and news magazines. A citizen may discuss the campaign with several different people, each with his or her own information and point of view. We must realize that messages from different sources can reinforce each other, contradict one another, or treat different topics. Clearly, the modern political campaign occurs in a highly complex media environment with hundreds of thousands of different messages. Each voter cannot attend to each message, but the information available on candidates for elective office can be very complex (particularly campaigns for higher levels of office, where candidates tend to have more money for messages and the news is more interested in the campaign). I also want to make it clear that I do not assume that all voters (or even most voters) are keenly interested in the campaign, actively seek out information about the candidates and their positions on the issues, critically evaluate information (and the sources of information) and work hard to make a rationale voting decision. Clearly, campaign interest and information seeking about the candidates and parties varies widely from citizen to citizen. Some people never seek out information about the candidates; if they vote, they do so on the basis of whatever information they happen to encounter during the campaign. Nevertheless, campaign messages can inform and persuade voters and clearly merit scholarly attention.

4. Candidates Establish Preferability Through Acclaiming, Attacking, and Defending

Of course, it is not enough for political candidates to be *distinctive* in their messages; they must strive to appear to be different from opponents *in ways that will attract voters*. Popkin (1994) explains that “candidates manage to get a large proportion of the citizenry sorted into opposing camps, each of which is convinced that the positions and interests of the other side add up to a less desirable package of benefits” (p. 8). For example, a statement like “I am the only candidate who wants to eliminate our national defense” would definitely differentiate that candidate from opponents, but this distinc-

tion is not likely to win many votes for that candidate. So, candidates must be distinctive from opponents in ways that make them appear *preferable* to other contenders.

This need for a political candidate to appear preferable to voters means that campaign messages have three potential functions. First, a candidate's message may *acclaim*, or tell voters about his or her good points (see Benoit, 1997). Stressing a candidate's desirable attributes or policies can make that candidate appear preferable to opponents, particularly for citizens who value that attribute or policy. So, one way to increase the impression that one candidate is preferable is to send messages which acclaim, or emphasizes his or her desirable features. Of course, candidates often proclaim the same goals: creating jobs, reducing inflation, protecting the country. An acclaim can make a candidate appear preferable, but it may not do so.

A second potential function of political campaign messages is to *attack* or criticize the opponent. Identifying an opponent's weaknesses or disadvantages is likely to make that candidate appear less enticing to voters (again, particularly with voters who believe the topic of the attack is important). This means that an attack can improve a candidate's *net preferability* by reducing his or her opponent's apparent desirability: The worse my opponent looks, the better I look by comparison (and remember voting is a comparative decision).

Some evidence indicates that voters tend to consider policy attacks more acceptable than character attacks (Johnson-Cartee & Copeland, 1989), so some attacks might be more likely to backfire than others. Other research reports that positive advertisements are just as persuasive as negative ones (Allen & Burrell, 2002; Lau, Sigelman, Heldman, & Babbitt, 1999). Clearly, attacking is an option in a political campaign and it is capable of persuading voters that candidate is preferable. However, research does not support the notion that negative advertising is generally more effective than positive advertising.

Many voters say that they do not like mud-slinging (Merritt, 1984; Stewart, 1975). This does not mean that attacks do not work: Voters may be persuaded to downgrade the target of an attack even though they do not like mudslinging. However, the fact that most voters dislike mudslinging means that attacks have a potential disadvantage which does not apply to acclaims. There could be a backlash from an attack, in which voters dislike the attacker more than they dislike the target of the attack. This possibility may lead candidates to attack

less than they acclaim. Research on presidential television spots (Benoit, 1999) found that one group of candidates who attacked more were those who had trailed their opponents throughout the campaign. So, presidential candidate may attack more when they start to get desperate, when nothing else has allowed them to overtake their opponents.

The third and final possible function of political campaign messages is defense, a statement from a campaign message that refutes an attack (see Benoit, 1995). A timely and suitable defense has the potential to prevent further damage from an attack and it may help restore a candidate's preferability from damage caused by an attack. However, it is important to keep in mind that defenses have several possible disadvantages. First, a response to an opponent's attack could appear to place the candidate on the defensive. Candidates may prefer to appear proactive rather than reactive. Second, attacks are most likely to occur, of course, in areas where a candidate is weakest, so responding to attacks are likely to take a candidate "off-message." Generally it is a good idea for a candidate to spend the most time on topics where he or she is strongest. Third, a candidate must identify an attack before refuting it. Mentioning the attack might remind or inform voters of an alleged weakness of the candidate.

It is worth mentioning that politicians and their advisors understand the basic idea that campaign messages can perform these functions. For example, in 1972, one of President Nixon's aides, H.R. Haldeman, gave this advice for Nixon's reelection campaign: "Getting one of those 20 [percent] who is an undecided type to vote for you on the basis of your positive points is much less likely than getting them to vote against McGovern by scaring them to death about McGovern" (Popkin et al., 1976, p. 794n). So Haldeman realized that Nixon could seek votes by praising himself (acclaiming Nixon's positive points) or by attacking his opponent (frightening them with attacks against his opponent). Another advisor, Vincent Breglio, who worked on Ronald Reagan's successful 1980 presidential campaign, explained that "It has become vital in campaigns today that you not only present all the reasons why people ought to vote for you, but you also have an obligation to present the reasons why they should not vote for the opponent" (1987, p. 34). Clearly, candidate messages can establish preferability through the functions of acclaims, attacks, and defenses.

This means it is reasonable to analyze political campaign dis-

course into statements that *acclaim* oneself, *attack* one's opponent(s), and *defend* oneself from an opponent's attacks. Although these three message functions do not occur with equal frequency, they are all options that candidates have available for use, they each have the potential to increase a candidate's preferability, and all three functions are found in political campaign messages.

5. Campaign Discourse Occurs on Two Topics: Policy and Character

There are only two broad topics that are useful for candidates to try to distinguish themselves from their opponents: They can discuss their *character* (often referred to as "image") and/or their *policy* stances ("issues"). One candidate might try to show himself or herself as a competent and forceful leader. Another might attempt to create the impression that he or she is honest or compassionate. Candidates can also discuss their positions (proposals) or past accomplishments on policy, such as education, jobs, national defense, or crime. In the 2004 Ukrainian political debates, for example, candidates Yanukovych and Yushchenko discussed such policy topics as the economy, wages, prices, and pensions. Policy and character are the two general topics on which candidates can try to establish their distinctiveness.

Some scholars have argued that policy is more important than character. Patterson and McClure (1976) explained that "of all the information voters obtain through the mass media during a presidential campaign, knowledge about where the candidates stand on the issues is among the most vital" (p. 49). Similarly, Hofstetter (1976) observed that "Issue preferences are the key elements in the preferences of most, if not all, voters" (p. 77). Public opinion poll data from 1976 through 2000 indicate that more American voters report that the most important determinant of their vote for president is issues rather than character (Benoit, 2003). Furthermore, Benoit (2003) found that presidential candidates who won, as a group, discussed policy more and character less in their campaign messages. This does not mean that character is unimportant; a substantial number of voters do believe that character is the most important factor in their presidential vote choice. Nevertheless, the evidence suggests that of the two possible topics, policy is more important in American presidential elections than character. Of course, if voters in the U.S. – or in other countries – believed that character was more important than policy, presumably this situation would change and political candidates would be more inclined to emphasize character over policy.

6. A Candidate Must Win a Majority (or a Plurality) of the Votes Cast in an Election

Although this sounds obvious, this proposition has important implications for political campaigns generally and presidential campaigns in particular. First, it is important to realize that a political candidate does not need to persuade everyone that he or she is preferable to opponents. It is neither practical nor necessary to win the support of every citizen in an election. One reason this is important is that some policy positions (e.g., on abortion) will simultaneously attract some voters and repel others. That is, support for many issues is dichotomous. For instance, in 2000 Governor Bush wanted to permit some citizens to invest part of their Social Security in the stock market; Vice President Gore opposed this proposal. Voters were also split on this suggestion, so the presidential candidates could not hope to win the support of all voters on this issue. So, it is important to realize that political candidates do not have to obtain all of the votes cast to win the election.

Second, we must realize that in a very real sense the only citizens who really matter in an election are those who actually vote. So, a candidate does not need the support of *most citizens*, but of *most citizens who actually vote*. Candidates need not try to appeal to citizens who are not eligible to vote or those who choose not to vote (although, of course, one cannot know for certain which citizens will actually vote in the election). For this reason, some public opinion polls report results for only registered voters or likely voters.

Third, American presidential elections are unusual because candidates only need to persuade enough people to win 270 electoral votes. The importance of the Electoral College, and this idea, became obvious in the 2000 American presidential election because Al Gore won the popular vote by over 500,000 votes but lost the election, because George Bush received a majority of the Electoral College votes (Duchneskie & Seplow, 2000). The importance of the Electoral College, and the “winner-take-all” rules that operate in all but two states, has led American presidential candidates in recent elections to campaign more vigorously (e.g., spend more on airing political advertising; schedule more speeches and political rallies) in some states than others. Of course, rules for parliamentary governments, in which citizens vote for parties rather than candidates, are different.

Summary

So, presidential candidates disseminate their campaign messages through various channels or media (such as speeches, television spots, debates, direct mail advertising, radio spots, web pages) hoping to provide information to whoever happens to be paying attention to that medium at the time of the message. Acclaiming, or providing information about a candidate's advantages (desirable issue stands or qualities) works to enhance that candidate's perceived preferability. Attacking, or providing information about an opponent's disadvantages (policy or character) has a tendency to reduce the opponent's perceived preferability. Defending or refuting an attack should help restore a candidate's perceived preferability. These three functions work as an informal form of cost-benefit analysis: When persuasive to the audience, acclaims increase a candidate's benefits, attacks increase an opponent's costs, and defenses reduce alleged costs. Of course, I want to make clear that I do not believe voters assign numerical values to acclaims or attacks or that they perform mathematical operations to make a vote choice (as in traditional cost-benefit analysis). I believe the three functions contribute to global evaluations of candidates. Acclaims, when persuasive, ought to increase the candidate's apparent benefits. Attacks, if accepted by the audience, should add to the target's perceived costs. Defenses, if effective, should reduce the candidate's apparent costs. Finally, the cumulative effects of the messages encountered by voters (from candidates, news, and other sources) containing these three kinds of messages, along with the voters' existing beliefs and values, should eventually determine their vote choice.

This view explains why basic ideas are, and should be, repeated throughout the campaign. For those voters who pay attention throughout the campaign, repetition serves to reinforce the candidate's message with those auditors. On the other hand, candidates disseminate a relatively constant message in hopes that voters who rarely pay attention to the campaign will sooner or later notice their key campaign themes.

ADVANTAGES OF THE FUNCTIONAL APPROACH

The Functional Theory enjoys several important advantages over other approaches to studying political campaign communication. The assumptions of the theory allow it to make predictions about the nature of campaign messages, as we shall see. Political television spots are clearly the most intensely studied form of presidential campaign message, so I will begin by explaining the advantages of the Functional Approach compared with other research on political

advertising. I conceptualize TV ads as performing two functions, as most other research does in studying the nature of political advertising: acclaiming (positive) and attacking (negative). However, functional theory recognizes a third function, defenses, which is ignored in other research. For example, a TV spot for Vice President Richard Nixon in the 1960 campaign began by explaining that the ad contains a clear example of a defense, responding to an attack from the opponent: "President Eisenhower answers the Kennedy-Johnson charges that America has accomplished nothing in the last eight years." This message identifies an attack against Nixon and notes that President Eisenhower will answer that attack. The spot then displayed a video clip from Eisenhower, who observed that "My friends, never have Americans achieved so much in so short a time," clearly denying the accusation identified earlier. This message cannot be really understood by considering it either as a negative or a positive ad; clearly it contains something else. It identifies an opponent's attack and then explicitly rejects that attack. Thus, by looking for defenses as well as attacks and acclaims the Functional Approach provides a more comprehensive understanding of political campaign messages.

Second, unlike most other research, because so many TV spots include multiple statements, we do not classify entire ads as *either* positive (acclaiming) *or* negative (attacking). Some political ads are completely positive or entirely negative, but many other messages are mixed, and that mix is not always 50/50. For example, Kaid and Tedesco (1999) offer this spot from Bill Clinton's 1996 reelection campaign to illustrate of a negative spot:

America's values. The President bans deadly assault weapons; Dole/Gingrich vote no. The President passes family leave; Dole/Gingrich vote no. The President stands firm: a balanced budget, protects Medicare, disabled children; No again. Now Dole resigns, leaves gridlock he and Gingrich created. The President's plan: balance the budget, protect Medicare, reform welfare. Do our duty to our parents, our children. America's values (p. 213; emphasis added).

I italicized the attacks and left the acclaims in plain type in this text. In point of fact, even though this message is presented as an example of a negative ad, twice as many words are devoted to positive than negative ideas (44 to 19). Accordingly, we analyze and classify *each utterance* in a given commercial, providing a more precise picture of *the degree to which* a political spot is positive, nega-

tive, or defensive. This means that a method that classifies this spot as *either* positive *or* negative provides an inaccurate picture of the content of this spot.

Notice that some scholars include a third option for classifying television spots: positive, negative, and comparative (ads that are both positive and negative). However, we know that not every ad which combines acclaims and attacks divides them evenly (e.g., some have 25% or 10% acclaims and 75% or 90% attacks). Using three categories is a little more accurate than using two categories, but my approach of categorizing each remark (theme) as acclaiming, attacking, or defending is still superior.

The same problem, of course, arises with topics as well. Although some commercials are just about policy (issues), or only about character (image), many spots contain a mixture of these two topics. Some past research classifies the topic of ads according to the “dominant focus” of the ad. Other research counts the number of ads that “mention” an issue. Classifying each theme or statement in the ad as either policy or character provides a more accurate measurement of the content of these messages than the approach taken in other research.

Third, much research stops after classifying political spots as either policy (issues) or character (image). Our analysis extends this work by analyzing both policy and character into finer subdivisions than does most current research (I divide policy into past deeds, future plans, and general goals; I split character into personal qualities, leadership qualities, and ideals). Analysis of the 1996 presidential campaign, for example, revealed that Bill Clinton’s television spots were more comprehensive than Bob Dole’s TV ads. Clinton addressed four potential ideas (actually, he addressed more than four ideas; we focus on these particular options to make this point) in his TV spots: Clinton acclaimed his *both* past deeds (accomplishments) *and* his future plans (specific campaign promises), and his ads attacked *both* Bob Dole’s past deeds (failures) *and* his future plans (specific campaign promises). In sharp contrast, Dole’s ads acclaimed his own *future plans* (but rarely praised his *past deeds*), and Dole’s spots attacked Bill Clinton’s *past deeds* (but rarely criticized Clinton’s *future plans*). An analysis that combined past deeds and future plans together could not have detected the differences in their emphases (some research, such as issue ownership theory [see, e.g., Petrocik, Benoit, & Hansen, 2003/2004] examines particular issues such as crime, education, jobs, or national defense).

Fourth, past research adopting the Functional approach (Benoit, Blaney, & Pier, 1998; Benoit et al., 2003) found that during the primaries, campaign messages which attack may have several different targets. In the 2004 primary, for example, Democratic primary TV spots attacked President Bush (and the Republican party), other Democratic candidates, the Washington establishment (*status quo*). Clearly it is important to realize whether Howard Dean was attacking Joe Lieberman, John Kerry, Dick Gephardt (all Democrats) or Republican George W. Bush. However, past research on presidential television advertising employing other approaches ignores the target of attacks in primary campaign messages.

Furthermore, the Functional approach combines analysis of function (acclaim, attack, defend) and topic (policy, character). Some studies of political TV spots only investigate one topic or the other, but not both. Furthermore, studies of other message forms, such as debates or speeches, frequently do not to examine the topic of campaign messages. Thus, the Functional Approach to political campaign research provides a more comprehensive understand of political campaign messages than other research approaches.

Finally, Functional approach has been applied to several different kinds of political campaign messages, such as televised political spots (primary and general), debates (primary and general), talk radio appearances (primary and general), web pages (primary and general), nominating convention speeches (acceptances, keynotes) and news coverage of political campaigns (see Benoit, in press). We have also begun to apply the Functional approach to non-presidential campaign messages in the U.S. (e.g., Airne & Benoit, 2005a, 2005b; Brazeal & Benoit, 2001) as well as to political campaign messages in other countries (Lee & Benoit, 2004, 2005; Wen, Benoit, & Yu, 2004). Most political campaign research focuses on television spots and debates – and predominantly on general election campaign spots and debates – or on Keynote Speeches and Acceptance Addresses. Thus, research from the Functional approach offers insight into a variety of political campaign message forms. It is surprising that the concepts which have been used to study television spots (positive, negative; issue, image) rarely are used in research on other message forms, such as debates or Acceptance Addresses. Our research is systematic and has applied the same method to each message form we analyze, allowing for comparisons across media.

PREDICTIONS AND FINDINGS

Relative frequency of the three functions. As discussed earlier, Functional Theory argues that acclaims have no drawbacks, attacks have one, and defenses have three disadvantages. Thus, it predicts that:

F1. *Candidates will use acclaims more frequently than attacks and attacks more than defenses.*

Research on a variety of candidate message forms over multiple American presidential campaigns has supported this prediction. The data displayed in Table 1 shows that overall, 68% of utterances in these messages are acclaims, 30% attacks, and 3% are defenses. Acclaims ranged from 49% to 85%, attacks varied from 15%-51%, and defenses comprised 0-8% of candidate statements. These three functions were significantly different, and in the predicted direction, in all but one message form (radio ads, in which there was no significant difference between acclaims and attacks). This may have occurred because most radio stations have audiences that are more homogeneous than other media, which would allow candidates to target attacks to those who might be most receptive to them.

This relationship holds true in U.S. non-presidential television spots (ads for local offices, state governor, U.S. House, and U.S. Senate). 69% of these were acclaims (the range was 61%-72%), 31% were attacks (27%-38%), and fewer than 1% were defenses (0.5%-2%; see Table 2). Non-presidential debates in the U.S. conform to this relative emphasis for the three functions: 65% acclaims, 29% attacks, and 5% defenses (Table 3). Research on television spots and debates in other countries (much of it not using Functional Theory, so not including defenses) also reveals this basic relationship: 75% acclaims and 25% attacks (Table 4). Finally, studies of political debates in other countries (Table 5), conform to the same basic pattern: acclaims were 54%, attacks comprised 48%, and defenses constituted 8% of the utterances in these debates. There are a few exceptions (there were a few more attacks than acclaims in the 2004 Ukraine debates); however, this relationship is quite robust across years, level of elective office, message form, and country. Therefore, the evidence suggests that the relative frequency of the three basic functions of political campaign discourse is inherent in the campaign situation.

Functional Theory also makes a prediction about the relative frequency of the discussion of the two topics of political campaign discourse, policy and character. In the U.S., at least, most voters report that policy is a more important factor in their presidential vote than

character (Benoit, 2003). Benoit (2003) also reports that as a group, U.S. presidential candidates who emphasize policy more, and character less, than they opponents are significantly more likely to win elections. Because political candidates monitor voter attitudes, and the majority of U.S. voters consider policy more important in presidential votes than character, Functional Theory predicts:

F2. Presidential candidates will discuss policy more than character.

Table 6 shows that in every U.S. presidential campaign message form studied, policy (54%-78%) is discussed more often than character (22%-46%), 67% to 33% overall. This pattern also occurs in American non-presidential television spots (policy 57%, character 43%) as shown in Table 7. In American non-presidential debates, we also find policy more common than character, 72%-28% (Table 8). Overall, non-U.S. political advertising emphasizes policy over character, 59% o 41%, but in two countries the emphasis was equal (Israel 1992, Korea 2002) and in three character was more common than policy (Greece 1996, Taiwan 2000, and Turkey 1995) as Table 9 indicates. Finally, policy was stressed more than character (78% to 22%) in the non-U.S. political debates studied (Table 10). It is possible these exceptions occurred for one of two reasons: those voters considered character more important than policy and the candidates conformed to their attitudes, or the candidates may have misread public sentiment. Whatever the reason, we must keep in mind that the relative emphasis of policy and character is not as consistent outside the U.S.

Having shown that the basic ideas of Functional Theory can be employed beyond U.S. presidential campaign messages (both to other levels of American campaigns and in other countries), for reasons of space I want to cover other topics in the remainder of this essay more briefly (and I will not discuss some findings, such as the fact that the candidates who are ahead in the preference polls during the primary campaign receive more attacks than less popular candidates; Benoit et al., 2002). Communication can be conceptualized as a process with sources, a context, and media. Functional Theory has investigated each of these communication variables in the context of political campaigns and I will discuss some of that work briefly here.

Source of Political Campaign Messages

Two major political parties, Democratic and Republican, dominate American politics. Although each party, and the candidates who affiliate with these organizations, do respond to voters and historical

events, the parties do have distinct ideologies and this has been found to influence the campaign messages produced in presidential campaigns. Benoit (2004) found that although virtually all candidates discuss policy more than character, Democrats discuss policy even more, and character less, than Republicans. Democrats have a tendency to advocate governmental solutions to problems, which means they are naturally inclined to emphasize policy. Republicans often argue for smaller government and, in fact, discuss policy less than Democrats in campaign discourse. We need research from the functional perspective on the nature of discourse from political parties in other countries.

Another aspect of source is the question of whether a candidate or another person (an anonymous announcer, an "ordinary citizen," or a public figure who endorses the candidate) is talking. Benoit (in press) shows that at the American party nominating conventions, Keynote Speeches (given by surrogates) have more attacks than Acceptance Addresses (given by the nominee). Benoit (1999) found that attacks are more common in presidential TV spots when someone other than the candidate is speaking in the ad. Benoit (in press) also notes that campaign messages sponsored by political parties include more attacks than messages sponsored by the candidates themselves. So, in general, candidates tend to make fewer attacks than other sources in political campaign messages. The theory presumably is that if there is a backlash from the attack (recall the one potential drawback of attacks is that many voters do not like mudslinging), it may damage the surrogate instead of the candidate. Nevertheless, this work has identified two ways in which source variables influence the messages produced by political candidates.

Finally, research from the Functional perspective has begun to contrast messages from candidates with messages from a different kind of source: journalists. Research on presidential primary (Benoit, Hansen, & Stein, 2004) and general (Benoit, Stein, & Hansen, 2004) debates shows that news coverage of these events is more negative than the messages themselves. And, of course, the news obsesses over horse race coverage (who is ahead in the polls, campaign strategy, and campaign events). For treatments of campaign news coverage, see Robinson and Sheehan (1983), Farnsworth and Lichter (2003), and Benoit, Stein, and Hansen (2005).

Context of Political Campaigns

Research from the Functional perspective has examined two contextual variables in political campaigns. In the U.S., candidates

for president must first win the nomination of one of the two major political parties before they have a realistic chance of winning the presidency. This part of the election process is termed the primary campaign. Benoit (in press) reports that American presidential primary campaign messages have fewer attacks, and more acclaims, than messages in the general election campaign. Examination of Table 1 shows, for example, that primary TV spots have more acclaims and fewer attacks than general TV spots (and the same pattern holds true for debates and direct mail brochures in these two phases of the campaign). This probably occurs for two reasons. First, members of the same political party (who are contesting the primary) are likely to have more policy agreement than candidates of different political parties (who contest the general election). So, primary candidates, in general, have fewer policy differences to discuss. Second, the candidate who wins the primary battle wants the support of other candidates of his or her political party – and the voters who preferred those other candidates. This concern was an incentive for John Kerry not to attack Dennis Kucinich, Joe Lieberman, or other Democratic primary candidates, too much. Campaign phase influences the amount of attacking in a political campaign.

Benoit (in press) also reports that primary campaigns emphasize policy less, and character more, than general campaigns (keep in mind most candidates, even in primary campaigns, stress policy; the point here is that policy is emphasized *even more* in general campaigns than in primary campaigns). See Table 6 for data on this point. Again, candidates from the same party, who contest the primary, have fewer policy differences to discuss. Furthermore, candidates in the general election (e.g., President Bush and Senator Kerry in 2004; Vice President Gore and Governor Bush in 2000; President Clinton and Senator Dole in 1996) tend to be better known than many primary candidates (e.g., Dennis Kucinich, Carol Moseley-Braun, or Al Sharpton in 2004). This means candidates have a reason to spend more time introducing themselves to the voters (emphasizing character more in the primary than the general campaign). So, campaign phase also influences the topic of political discourse.

A second contextual variable is incumbency. In many countries (although not South Korea, for example) a president, chancellor, or prime minister is allowed to seek a second office. In the U.S., presidents are limited to two terms in office. However, the Vice President usually seeks the presidency after the president has served two terms in office, and the Vice President usually runs as an incumbent

with experience in the presidency (interestingly, Vice President Dick Cheney has said he would not run for office in 2008 when President George W. Bush's second term is complete). Benoit (in press) reported that incumbents acclaim more, and attack less, than challengers. The key difference between these two groups of candidates is that although both usually have experience in elective office, only the incumbent has experience in the office being sought in the campaign. Unlike senators, for example, presidents have administrative experience. Presidents have national defense and foreign policy experience that governors do not have. So, the incumbent's experience is more relevant than the challenger's experience. Both candidates discuss the incumbent's record more than the challenger's record, but they of course emphasize different aspects. Incumbents acclaim their own past deeds (successes) more than they attack the challengers' past deeds (failures); challengers attack the incumbents' past deeds more than they acclaim their own past deeds. So, whether the candidate is an incumbent, has a record in the office being sought, can influence the nature of political campaign discourse.

Medium

I also want to briefly consider potential influence from campaign medium. Table 1 shows that American presidential debates (both primary and general) have more defenses than any other medium studied. This probably occurs for several reasons. Functional theory suggests that debates have three potential drawbacks and candidates generally use relatively few defenses. However, one drawback does not apply to debates: everyone watching the debate just heard the attack which provoked a defense. This means that, unlike in other media, the candidate using defense does not have to worry that he or she will inform or remind voters of a potential weakness: the audience will have just seen the attack. Furthermore, although presidential candidates do prepare for debates, it may be more difficult to resist the urge to respond to an attack. Other message forms, such as TV spots and Acceptance Addresses, do not have an opponent who attacks before the candidate speaks in the ad or speech. Those messages are carefully scripted – with few defenses. But in the heat of debate candidates may be unable to stop from refuting attacks, even though defenses have several drawbacks. This finding suggests that there can be differences between messages given in different media.

CONCLUSION

The Functional Theory of political campaign discourse was de-

veloped and initially applied to American presidential campaign discourse. However, it has since been applied to discourse in campaigns for other levels of office in the United States (e.g., governor, senator) and in other countries. We must keep in mind that there can be important differences between elections in different countries. As mentioned earlier, there cannot be a true incumbent candidate in South Korea because the president is limited to a single term and there is no vice president in that country. Research on Israeli political debates (Benoit & Sheafer, 2006) found differences between incumbents and challengers except in 1988. However, in 1984 the vote was very close and the leader of each party served as Prime Minister for two years between the 1984 and 1988 elections. This meant that both candidates were, essentially, incumbents in 1988.

Clearly, political campaigns, including speeches, TV spots, debates, and, in recent years, other media such as candidate webpages, are being used around the world for elections. Functional theory can help understand the nature of these campaign messages. Clearly, more work needs to be done to extend this theory and improve our understanding of the messages which help voters select the leaders of their countries.

Table 1. *Functions of U.S. Presidential Campaign Discourse*

	Acclaims	Attacks	Defenses
Primary TV Spots (1952-2004)	4123 (72%)	1544 (27%)	56 (1%)
Primary Debates (1948-2004)	12525 (64%)	6084 (31%)	818 (4%)
Primary Brochures (1948-2004)	7776 (85%)	1361 (15%)	7 (0.08%)
Acceptance Addresses (1952-2004)	2193 (77%)	652 (23%)	20 (1%)
Keynote Speeches (1960-1996)	474 (50%)	463 (49%)	12 (1%)
General TV Spots (1952-2004)	3454 (59%)	2339 (40%)	71 (1%)
General Debates (1960, 1976-2004)	4050 (57%)	2501 (35%)	604 (8%)
General Brochures (1952-2000)	8036 (70%)	3393 (39%)	48 (0.4%)
General Radio Spots (1972-1992, 2000)	429 (49%)	454 (51%)	0
Total	43060 (68%)	18791 (30%)	1636 (3%)

Table 2. *Functions of U.S. Non-Presidential TV Spots*

Spots	Acclaims	Attacks	Defenses
-------	----------	---------	----------

US Senate 1980-2000	541	2355 (66%)	1145 (34%)	22 (0.6%)
US House 1980-2000	438	1905 (68%)	867 (31%)	15 (0.5%)
US Congress 1998	29	114 (61%)	68 (37%)	4 (2%)
Governor 1974-1998	488	1444 (72%)	544 (27%)	16 (0.8%)
Local 1998-2000	70	279 (71%)	111 (28%)	5 (1%)
Total	1566	6097 (69%)	2735 (31%)	62 (0.7%)

$\chi^2(df=2) = 6169.24, p < .0001$

Benoit (2000), Brazeal & Benoit (2001), Pier (2002)

Table 3. *Functions of U.S. Non-Presidential Debates*

	Acclaims	Attacks	Defenses
U. S. Senate Debates 1998-2004	1803 (61%)	848 (29%)	297 (10%)
U. S. Governor Debates 2000-2004	3007 (68%)	1309 (30%)	94 (2%)
Total	4810 (65%)	2157 (29%)	391 (5%)

$\chi^2(df=1) = 4034.35, p < .0001$

Senate debates: Benoit, Brazeal, & Airne (2006)

Governor debates: Airne, Benoit, & Brazeal (2006)

Table 4. *Functions of Non-U.S. Political TV Spots*

	Acclaims	Attacks	Defenses
France 1988	75%	25%	—
Germany 1992	68%	32%	—
Italy 1992	85%	15%	—
Britain 1992, 1997	69%	31%	—
Israel 1992	58%	42%	—
Korea 1963-1992	67%	33%	—
Poland 1995	93%	7%	—
Turkey 1995	89%	11%	—
Greece 1996	71%	29%	—
Russia 1996	72%	28%	—
Taiwan 1996	81%	19%	—
Subtotal†	75%	25%	—
Taiwan 2000	63%	35%	3%
Korea 2002	72%	27%	1%

*These samples included newspaper advertisements as well as TV spots.

Chang (2000), Kaid (1999), Kaid and Holtz-Bacha (1995), Lee and Benoit (2004); Tak, Kaid, and Lee (1997), Wen, Benoit, and Wu (2004)

†Percentages of spots reported by authors converted into number of spots for statistical analysis: $\chi^2(df=1)=146.84, p<.0001$.

Table 5. *Functions of Non-U.S. Political Debates*

	Acclaims	Attacks	Defenses
France, 1988, 1995	716 (61%)	386 (33%)	66 (6%)
Israel, 1984, 1988, 1992, 1996, 1999	165 (50%)	124 (38%)	38 (12%)
South Korea, 1997, 2002	1044 (55%)	668 (35%)	180 (10%)
Taiwan, 2004	320 (49%)	303 (46%)	35 (5%)
Ukraine, 2004	256 (43%)	290 (48%)	52 (9%)
Total	2501 (54%)	1771 (38%)	371 (8%)

$\chi^2(df=2) = 1514.06, p < .0001$

Benoit & Klyukovski (2006), Benoit & Sheafer (2006), Benoit, Wen, & Yu (2006), Choi & Benoit (2006).

Table 6. *Functions of U.S. Presidential Campaign Discourse*

	Policy	Character
Primary TV Spots (1952-2004)	3066 (54%)	2601 (46%)
Primary Debates (1948-2004)	12734 (78%)	5875 (22%)
Primary Brochures (1948-2004)	5660 (62%)	3424 (38%)
Acceptance Addresses (1952-2004)	1558 (55%)	1287 (45%)
Keynote Speeches (1960-1996)	509 (54%)	410 (46%)
General TV Spots (1952-2004)	3581 (59%)	2212 (41%)
General Debates (1960, 1976-2004)	4885 (75%)	1666 (25%)
General Brochures (1952-2000)	8742 (76%)	2687 (24%)
General Radio Spots (1972-1992, 2000)	474 (57%)	409 (43%)
Total	41209 (67%)	20571 (33%)

Table 7. *Topics of U.S. Non-Presidential TV Spots*

	Spots	Policy	Character
--	-------	--------	-----------

US Senate 1980-2000	541	1930 (55%)	1570 (45%)
US House 1980-2000	438	1403 (51%)	1370 (49%)
US Congress 1998	29	120 (66%)	62 (34%)
Governor 1974-1998	488	1308 (66%)	666 (34%)
Local 1998-2000	70	229 (59%)	161 (41%)
Total	1566	4990 (57%)	3829 (43%)

$\chi^2(df=1) = 152.84, p < .0001$

Benoit (2000), Brazeal & Benoit (2001), Pier (2002)

Table 8. *Topics of U.S. Non-Presidential Political Debates*

	Policy	Character
U. S. Senate Debates 1998-2004	1813 (70%)	794 (30%)
U. S. Governor Debates 1994-2004	3166 (73%)	1150 (27%)
Total	4979 (72%)	1944 (28%)

$\chi^2(df=1) = 1328.64, p < .0001$

Senate debates: Benoit, Brazeal, & Airne (2006)

Governor debates: Airne, Benoit, & Brazeal (2006).

Table 9. *Topics of Non-U.S. TV Spots*

	Policy	Character
France 1988	100%	0
Germany 1992*	31%	69%
Germany 1994	69%	31%
Italy 1992	71%	29%
Britain 1992, 1997	88%	12%
Israel 1992	50%	50%
Korea 1992*†	65%	35%
Poland 1995	66%	34%
Turkey 1995	33%	67%
Greece 1996	42%	58%
Russia 1996	58%	42%
Subtotal‡	59%	41%
Taiwan 2000	32%	68%
Korea 2002	50%	50%

*These samples included newspaper ads as well as TV spots.

†This study included a third category, combination, which is excluded here.

Kaid (1999), Kaid and Holtz-Bacha (1995), Lee and Benoit (2004); Tak, Kaid, and Lee (1997), Wen, Benoit, and Yu (2004)

‡Percentages of spots reported by authors converted into number of spots: $\chi^2(df=1)=47.42, p<.0001$.

Table 10. *Topics of Non-U.S. Political Debates*

	Policy	Character
France, 1988, 1995	981 (89%)	121 (11%)
Israel, 1984, 1988, 1992, 1996, 1999	222 (77%)	67 (23%)
South Korea, 1997, 2002	1443 (84%)	269 (16%)
Taiwan, 2004	372 (60%)	251 (40%)
Ukraine, 2004	333 (61%)	213 (39%)
Total	3351 (78%)	921 (22%)

$$\chi^2(df=1) = 1381.1, p < .0001$$

Benoit & Klyukovski (2006), Benoit & Sheafer (2006), Benoit, Wen, & Yu (2006), Choi & Benoit (2006).

References

1. Airne D., & Benoit W.L. (2005a). 2004 Illinois U.S. Senate debates: Keyes versus Obama. *American Behavioral Scientist*, 49, 343-352.
2. Airne D., & Benoit W.L. (2005b). Political television advertising in campaign 2000. *Communication Quarterly*, 53, 473-492.
3. Airne D., Benoit W.L., & Brazeal L.M. (2006). *A functional analysis of gubernatorial political debates*. Unpublished manuscript.
4. Allen M., & Burrell N. (2002). The negativity effect in political advertising: A meta-analysis. In J.P. Dillard & M. Pfau (Eds.), *The persuasion handbook: Developments in theory and practice* (pp. 83-96). Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
5. Benoit P.J. (1997). *Telling the success story: Acclaiming and disclaiming discourse*. Albany: State University of New York Press.
6. Benoit W.L. (1995). *Accounts, excuses, apologies: A theory of image restoration strategies*. Albany: State University of New York Press.
7. Benoit W.L. (1999). *Seeing spots: A functional analysis of presidential television advertisements from 1952-1996*. New York: Praeger.
8. Benoit W.L. (2000). A functional analysis of political advertising across media, 1998. *Communication Studies*, 51, 274-295.
9. Benoit W.L. (2003). Presidential campaign discourse as a causal factor in election outcome. *Western Journal of Communication*, 67, 97-112.
10. Benoit W.L. (2004). Political party affiliation and presidential campaign discourse. *Communication Quarterly*, 52, 81-97.
11. Benoit W.L. (in press). *Communication in political campaigns*. New York: Peter Lang.

12. Benoit W.L., Brazeal L.M., & Airne D. (2006). *A functional analysis of U.S. senate debates, 1998-2004*. Unpublished manuscript.

13. Benoit W.L., Blaney J.R., & Pier P.M. (1998). *Campaign '96: A functional analysis of acclaiming, attacking, and defending*. New York: Praeger.

14. Benoit W.L., Hansen G.J., & Stein K.A. (2004). Newspaper coverage of presidential primary debates. *Argumentation and Advocacy*, 40, 246-258.

15. Benoit W.L., & Klyukovski A. (2006). *A functional analysis of 2004 Ukrainian political debates*. Unpublished manuscript.

16. Benoit W.L., McHale J.P., Hansen G.J., Pier P.M., & McGuire J.P. (2003). *Campaign 2000: A functional analysis of presidential campaign discourse*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield.

17. Benoit W.L., Pier P.M., Brazeal L.M., McHale J.P., Klyukovski A., & Airne D. (2002). *The primary decision: A functional analysis of debates in presidential primaries*. Westport, CT: Praeger.

18. Benoit W.L., & Sheaffer T. (2006). *A functional analysis of Israeli Prime Ministerial debates*. Unpublished manuscript.

19. Benoit W.L., Stein K.A., & Hansen G.J. (2004). Newspaper coverage of presidential debates. *Argumentation and Advocacy*, 41, 16-26.

20. Benoit W.L., Stein K.A., & Hansen G.J. (2005). *New York Times coverage of presidential campaigns, 1952-2000*. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 82, 356-376.

21. Benoit W.L., Wen W-C., & Yu H-T. (2006). *A functional analysis of 2004 Taiwanese political debates*. Unpublished manuscript.

22. Brazeal L.M., & Benoit W.L. (2001). A functional analysis of Congressional television spots, 1986-2000. *Communication Quarterly*, 49, 436-454.

23. Chang C. (2000). Political advertising in Taiwan and the U.S.: A cross-cultural comparison of the 1996 presidential election campaigns. *Asian Journal of Communication*, 10, 1-17.

24. Choi Y.S., & Benoit W.L. (2006). *A functional analysis of French and South Korean political debates*. Unpublished manuscript.

25. Duchneskie J., & Seplow, S. (2000, December 15). Gore's vote lead totals 540,435. *Philadelphia Inquirer*, p. A1.

26. Farnsworth, S.J., & Lichter S.R. (2003). *The nightly news nightmare: Network television's coverage of U.S. presidential elections, 1988-2000*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield.

27. Hallin D.C., & Mancini P. (2004). *Comparing media systems:*

Three models of media and politics. New York: Cambridge University Press.

28. Hofstetter C.R. (1976). *Bias in the news: Network television coverage of the 1972 election campaign*. Columbus, OH: Ohio State University Press.

29. Johnson-Cartee K.S., & Copeland G. (1989). Southern voters' reactions to negative political ads in the 1986 election. *Journalism Quarterly*, 66, 888-893, 986.

30. Kaid L.L. (1999). Comparing and contrasting the styles and effects of political advertising in European democracies. In L.L. Kaid (Ed.), *Television and politics in evolving European democracies* (pp. 219-236). Commack, NY: Nova Science.

31. Kaid L.L., & Holtz-Bacha, C. (1995). Political advertising across cultures. In L.L. Kaid & C. Holtz-Bacha (Eds.), *Political advertising in Western democracies* (pp. 206-227). Thousand Oaks, CA: Sage.

32. Lau R.R., Sigelman L., Heldman C., & Babbitt P.R. (1999). The effectiveness of negative political advertising: A meta-analytic assessment. *American Political Science Review*, 93, 851-876.

33. Lazarsfeld P.F., Berelson B., & Gaudet H. (1948). *The people's choice: How the voter makes up his mind in a presidential campaign* (2nd ed.). New York: Columbia University Press.

34. Lee C., & Benoit W. L. (2004). A functional analysis of presidential television spots: A comparison of Korean and American ads. *Communication Quarterly*, 52, 68-79.

35. Lee C., & Benoit W.L. (2005). A functional analysis of the 2002 Korean presidential debates. *Asian Journal of Communication*, 15, 115-132.

36. Lenart S. (1994). *Shaping political attitudes: The impact of interpersonal communication and mass media*. Thousand Oaks, CA: Sage.

37. Merritt S. (1984). Negative political advertising: Some empirical findings. *Journal of Advertising*, 13, 27-38.

38. Patterson T.E. (1980). *The mass media election: How Americans choose their president*. New York: Praeger.

39. Patterson T. E., & McClure R. D. (1976). *The unseeing eye: The myth of television power in national politics*. New York: Putnam.

40. Petrocik J.R., Benoit W.L., & Hansen G.L. (2003-2004). Issue ownership and presidential campaigning, 1952-2000. *Political Science Quarterly*, 118, 599-626.

41. Pier P.M. (2002). *He said she said: A functional analysis of*

differences between male and female political campaign messages. Unpublished dissertation, University of Missouri.

42. Popkin S.L. (1994). *The reasoning voter: Communication and persuasion in presidential campaigns* (2nd ed.). Chicago: University of Chicago Press.

43. Popkin S.L., Gorman J., Smith J., & Phillips C. (1976). Comment: toward an investment theory of voting behavior: What have you done for me lately? *American Political Science Review*, 70, 779-805.

44. Robinson M.J., & Sheehan M.A. (1983). *Over the wire and on tv: CBS and UPI in campaign '80*. New York: Russell Sage.

45. Stewart C.J. (1975). Voter perception of mud-slinging in political communication. *Central States Speech Journal*, 26, 279-286.

46. Tak J., Kaid L.L., & Lee S. (1997). A cross-cultural study of political advertising in the United States and Korea. *Communication Research*, 24, 423-430.

47. Wen W.-C., Benoit W.L., & Yu T.-H. (2004). A functional analysis of the 2000 Taiwanese and U. S. presidential spots. *Asian Journal of Communication*, 14, 140-155.

© Бенуа Л. Уильям, 2006

P.S. Перевод статьи размещен на сайте
www.cognitive.narod.ru

Будаев Э.В.

Нижний Тагил

РОССИЯ, ГРУЗИЯ И СТРАНЫ БАЛТИИ В ЗЕРКАЛЕ РОССИЙСКИХ И БРИТАНСКИХ МЕТАФОР РОДСТВА

Когнитивно-дискурсивный подход к исследованию метафоры конституирует необходимость апелляции к ментальным и экстралингвистическим факторам при экспликации закономерностей функционирования метафорических моделей. Сопоставительное исследование метафорических моделей с учетом диалектического взаимодействия согласованных с определенной культурой концептуальных структур и экстралингвистической среды функционирования метафор позволяет «отчетливее дифференцировать «свое» и «чужое», случайное и закономерное, «общечеловеческое» и свойственное только тому или другому национальному дискурсу» [Чудинов 2003: 32].

Одним из первых к анализу концептуальной метафоры родства в политическом дискурсе обратился Дж. Лакофф (1991),

показав, что во время кризиса в Персидском заливе на арабов большее влияние оказывали метафоры родства, репрезентирующие кризис как внутрисемейные отношения старшего (Ирак) и младшего (Кувейт) братьев, в которые вмешивается посторонний (США), чем метафоры администрации США, апеллирующие к другим исходным понятийным областям. Впоследствии Дж. Лакофф обратился к исследованию американского внутриполитического дискурса, выделив две модели семьи, лежащие в основе политического дискурса консерваторов (Модель Строгого Отца) и либералов (Модель Воспитывающего Родителя) (1996: 2005), а А. Ченки (2004) подтвердил это экспериментально на примере анализа метафор Дж. Буша и А. Гора в дискурсе предвыборных дебатов. К исследованию метафор родства обращался С. Хайден (2003), рассмотревший политическую эффективность метафор с исходной понятийной областью «Семья». Метафоры брака в американском политическом дискурсе рассмотрены Д.Ф. Ханом (2003), а в публикации В. Коллер (2002) в рамках критического дискурс-анализа представлен анализ корреляции метафор бракосочетания с метафорами войны в экономическом дискурсе.

Ряд исследований концептуальной метафоры «Европа / Евросоюз – это семья» было проведено европейскими лингвистами. Так, Й. Цинкен (2002) показал, как при осмыслении вступления Польши в Евросоюз метафоры родства использовались в польском политическом дискурсе для привнесения иронических или негативных смыслов (Польша метафорически представлялась молодым и бедным кавалером, неудачно сватающимся к не молодой, но богатой даме (Европе), которая не желала делить имущественную общность и предпочитала свободные связи; поляки представлялись бедным родственниками, с которыми никакой добрый дядюшка не захочет делиться своими сбережениями и т.п.). В исследовании Х. Келли-Холмс и В. О'Реган (2004) показано, как в период двух ирландских референдумов (результаты первого препятствовали оформлению расширения Евросоюза), в немецкой прессе метафоры любовных отношений между Германией и Ирландией резко изменились на негативные образы. Ирландцы обвинялись в желании закрыть дверь перед двоюродными братьями и оставить их на пороге, Германия и Евросоюз представлялись в образе терпеливого родителя, а Ирландия метафорически концептуализировалась как непредсказуемый подросток или испорченный ребенок.

Метафоры родства представлены в словарях русской политической метафоры периода перестройки [Баранов, Караулов 1991; 1994]. Когнитивно-дискурсивный анализ метафорической модели с исходной понятийной сферой «Родство» в российском политическом дискурсе 1991-2000 гг. проведен А.П. Чудиновым (2001). В другой работе А.П. Чудинова (2003) показано, что при характеристике положения дел во время войны в Югославии в российских СМИ постоянно использовалась не характерная для западных СМИ концептуальная метафора РУССКИЕ И СЕРБЫ – БРАТЬЯ. К рассмотрению различных аспектов функционирования концептуальных метафор со сферой-источником «Семья» в политическом дискурсе обращались Н.В. Багичева (2000), Э. Сандикиоглу (2000), И. ван дер Валк (2001), О.А. Шаова (2005).

Как отмечает А.П. Чудинов, метафора родства широко использовалась в политической речи Российской империи, была унаследована советским и российским политическим дискурсом [Чудинов 2001, 2003]. Не вдаваясь в историко-культурологический анализ, следует отметить, что, вероятно, исторические причины этого феномена следует искать в многовековом патриархальном укладе российского общества, не меньшую роль, по видимому, сыграли и религиозные традиции (в православной церкви, например, до сих пор существует правило называть присутствующих братьями и сестрами, священника батюшкой и т.д.). Христианские истоки метафоры родства в западноевропейском (польском и немецком) политическом дискурсе усматривает Й. Цинкен (2002). Специальных исследований концептуальной метафоры со сферой-источником «родство» в британском политическом дискурсе, по нашим данным, не проводилось. Однако есть основания считать, что эта метафорическая модель имеет свою историю и в британской политической речи. Например, в обзорной статье лондонской Таймс от 1 января 1901 г. о международном положении Великобритании на рубеже веков США метафорически представляются как дочерняя (daughter) нация, колонисты Канады и Австралии номинируются братьями (brothers), братской (brotherly) колонией называется Новая Зеландия и т.п. (The Times, 01.01.1901).

Как показывают исследования, метафора родства обладает мощным прагматическим потенциалом, служит средством пере-концептуализации политической картины мира, категоризации мира политики по оппозиции свой/чужой. С изменением полити-

ческой действительности категориальная сетка этой оппозиции смещается, что неизбежно отражается и на функционировании метафор родства в политическом дискурсе.

В настоящем сопоставительном исследовании в качестве сфер-мишеней для метафорической проекции из сферы-источника «Родство» наряду с Россией были выбраны Грузия, Латвия, Литва и Эстония. Если учитывать, что количество метафор в политическом дискурсе возрастает в периоды кризисов (как доказано в Landsheer 1991), а после распада СССР именно Грузия и страны Балтии не вошли в СНГ и в дальнейшем с этими республиками возникали регулярные разногласия с Россией по самым разнообразным вопросам международных и внутриполитических отношений, то при сопоставлении британских и российских метафор родства применительно к этим сферам-мишеням можно ожидать наибольшие расхождения.

Материалом для нашего исследования послужили метафорические контексты из около 1000 текстов российских и британских СМИ (2000-2005 гг.). В большинстве контекстов и в российском и британском политическом дискурсе метафорические выражения, посвященные осмыслению постсоветской действительности Латвии, Литвы и Эстонии, актуализировались по отношению к прибалтийскому региону в целом (*Латвия, Литва и Эстония; страны Балтии; прибалтийские республики; Lithuania, Latvia and Estonia; the Baltic states* и т.п.), что свидетельствует о синкретичном характере репрезентации прибалтийских республик в сознании многих россиян и британцев. В связи с этим отдельный подсчет метафорических контекстов для каждой республики был невозможен, поэтому при анализе частотности эти постсоветские республики объединены в сферу-мишень «Страны Балтии».

Рассмотрим ведущие фреймы метафорической модели с исходной понятийной сферой «Родство».

Фрейм «Кровное родство»

Слот «Семья в целом»

В российском политическом дискурсе как члены единой семьи регулярно представляются жители России, восточнославянские народы, сторонники одного политического курса, некоторые народы бывшего СССР. Ср.: *Наши [восточнославянские] народы объединяют общие исторические корни, судьба, культура и религия. Мы – единая семья* (В. Путин / Труд-7 04.05.2000). *К началу 90-х годов большой семье советских народов стало,*

мягко говоря, неуютно жить (И. Рыбкин / АиФ, №24, 2003). Это как в семье – ссоры по поводу детей и имущества являются поводом для взаимного общения, даже на повышенных тонах. Если же все поделено – разговаривать не о чем (С. Шахрай / АиФ, №50, 2003).

Единой семьей могут номинироваться коллеги по роду деятельности, социальному статусу. Ср.: *Я не очень был взволнован тем, что ночевал на ранчо у Буша. Он должен был сам думать, что будет, если он пустил к себе бывшего сотрудника разведки. Но и сам Буш – сын бывшего главы ЦРУ. Так что мы были в семейном кругу* (В. Путин / КП, 23.04.2004).

К этому же слоту примыкают пересекающиеся с криминальной сферой-источником (непрототипические) метафоры *клан* и *семья*. Как отмечает А.П. Чудинов, в политической речи конца XX века эти метафоры «стали обозначать мафиозную группу, по существу преступную банду, связанную, помимо прочего, и родственными отношениями» (Чудинов 2001: 80). Отметим, что в рассматриваемый период частота этих «криминальных» метафор несколько снижается по мере нахождения В.В. Путина у власти. Востребованными оказались криминальные варианты метафор родства и для осмысления грузинской действительности. Ср.: *Президенты приходят и уходят. «Семья» – вечна.* (Е. Баюн / МК, №28. 2000). *Ситуация меняется тяжело, многие кланы и сегодня имеют своих в Госдуме и Совете Федерации, но все-таки государственный интерес теперь звучит как более важный, чем интересы олигархии* (Ю. Строганов / Труд-7, №190, 07.10.2004). *Он [Путин] не оказывает предпочтение ни одному клану* (А. Будберг / МК, №6, 2000).

Иная метафорическая картина представлена в британских СМИ. Для британского политического дискурса метафора семьи достаточно характерна, но доминирующая британская концептуальная метафора «Европейский Союз (Европа) – это семья». Ни Грузия, ни Россия в состав европейской семьи не входят, и метафоры семьи для осмысления российской и грузинской действительности не актуализируются. Более того, Россия представляется не семьей народов, а их тюрьмой, наследницей Советской империи, от власти которой некоторые народы уже освободились, а некоторые до сих пор находятся в составе России в качестве «пленных народов» (*captive nations*). Исключением из вышесказанного является небольшое количество непрототипических метафор *clan* (клан) и *family* (семья), привносящих нега-

тивные (криминальные) смыслы в осмысление действительности постсоветских России и Грузии. В британских СМИ российская и грузинская политическая и экономическая элиты концептуализируются как далекие от демократических образцов Европы системы закрытых и коррумпированных кланов. Ср.: *In the Byzantine intrigues of the Kremlin 'court', they have managed to replace the remnants of Boris Yeltsin's **clan**, popularly known, mafia-style, as **The Family*** (A. Leslie / *The Daily Mail*, 12.11.2003). В византийских интригах кремлевского двора они умудрились вытеснить остатки **клана** Бориса Ельцина, широко известного под мафиозным названием **Семья**. Indeed, **clan-based** administrations in the Abkhazia, South Ossetia and Adzharia regions largely reject the central government's writ, whoever is in charge (*The Guardian*, 25.11.2003). Действительно, **клановые** администрации в Абхазии, Южной Осетии и Аджарии почти полностью игнорируют предписания центрального правительства, кто бы его не возглавлял.

Совершенно иначе складывается метафорическая картина при осмыслении постсоветской действительности Латвии, Литвы и Эстонии. Преодолев трудности «советской оккупации» (*Soviet occupation*), свободные народы возвращаются в европейскую семью (и одновременно в общеевропейский дом) после долгих лет «вынужденного расставания». Ср.: *But Estonia, Latvia and Lithuania consider Nato membership intrinsic to being accepted back into the **western family of nations***. (G. Sander / *The Financial Times*, April 8, 2000). Для Эстонии, Латвии и Литвы вступление в НАТО очень важно, потому что это означает **возвращение в западную семью народов**].

*The accession of Lithuania, Latvia and Estonia restores the once captive nations of the Soviet empire to their place as full members of **Europe's political family** after half a century of exclusion* (A. Evans-Pritchard / *Daily Telegraph*, 01.05.2004). *Принятие Литвы, Латвии и Эстонии в ЕС возвращает после полувекового перерыва некогда пленные нации Советской империи на свое место в качестве полноправных членов **европейской политической семьи***.

*The faces of the new Europe 24 men in suits and just one woman; All smiles as EU **family** grows, but tensions still simmer*. (J. Cusick, D. Fraser / *Sunday Herald* 02.05.2004). Лица новой Европы – 24 мужчины в костюмах и всего одна женщина; все улыбаются, потому что **семья ЕС растет** (заголовок).

*The leaders of the new 25-nation European Union pose for their next "family photo" at this weekend's summit in Dublin's Phoenix Park... (S. Castle / The Independent, 30.04.2004) Лидеры нового, состоящего из 25 наций Европейского Союза позируют для очередной «**семейной фотографии**» на проходящем на этой неделе саммите в дублинском Феникс-парке ...*

*For the new member states – Cyprus, the Czech Republic, Malta, Poland, Hungary, Slovakia, Slovenia, Latvia, Lithuania and Estonia – **joining this family** meant sharing important aspects of national sovereignty and undertaking real reform (The Guardian, 17.04.2003). Для новых государств ЕС – Кипра, Чехии, Мальты, Польши, Венгрии, Словакии, Словении, Латвии, Литвы и Эстонии – **присоединиться к этой семье** означало поступиться важными аспектами своего суверенитета и предпринять реальные реформы.*

*Однако и противники расширения европейской семьи использовали в британской прессе метафорические аргументы рассматриваемой сферы-источника. Ср.: *I am afraid that we may be inviting them into a **bad family**... For many the importance lies in the strong feeling of union. But the larger the family the greater the challenge* (K. Eturautti / BBC News, 30.04.2004). **Боюсь, что мы приглашаем их в неблагополучную семью...** Для многих главное значение расширения заключается в сильном чувстве единения. Но чем больше семья, тем больше проблем.*

*В британских СМИ родственные связи обнаруживаются между народами прибалтийских и других европейских государств. Как семья могут рассматриваться экономические структуры. Ср.: *I feel a **kinship** with Finns and Estonians. We know each other. And now we need each other.* (K. Wohlgemuth / The Financial Times, 08.04.2000). **Я чувствую, что между финнами и эстонцами есть родство. Мы знаем друг друга. А теперь мы нужны другу.***

*The third big Latvian bank, Unibank, is also part of the nascent SEB-Swedbank **family** (R. Behr / The Financial Times, 18.04.2001). Третий по величине банк в Латвии Унибанк также является частью рождающейся **семьи** шведского банка СЕБ.*

Слот «Родители и дети»

*В России глава государства традиционно номинируется отцом. Как отмечает А.П. Чудинов, если Горбачев был *отцом перестройки*, то Ельцина называли *дедом* или *дедушкой* (Чудинов 2001: 80). Метафора родства используется и по отношению к*

президенту В.В. Путину, но его снова номинируют *отцом* и *батькой*. Свои метафорические *отцы* и *батьки* обнаруживаются и в субъектах Российской Федерации. Ср.: *Другое дело, в какой мере обращение Путина к народу являлось блефом и пиаром, и в какой мере – искренним воззванием “отца нации” к гражданам* (А. Велисов / *Завтра*, №39, 2004). *К тому же считаем, что некорректно в пылу эмоций называть себя «батькой»*. Напоминаем, «*батька*» у нас один. А если вы, Анатолий Борисович, хотите им стать, то тогда точно будете недолго «бежать впереди паровоза» (В. Язев / Информационный избирательный бюллетень). *Вот только на позапрошлой неделе я писал про антисемитский дебют курского губернатора А.Михайлова, а на прошлой неделе уже выступил ветеран антисемитизма краснодарский батька Н. Кондратенко* (А. Инин / *Труд-7*, 07.12.2000). *Каждый из отцов-губернаторов (президентов) считает, что именно его избрали правильно* (Г.Сатаров / *Новая газета*, №70, 2004).

Нередко метафора *отца* в российском политическом дискурсе используется в иронических контекстах. Ср.: *Ну, а вершиной поистине отеческой заботы г-на Саакашвили о не признающих его осетинах стало заявление Тбилиси о готовности выплачивать пенсии в Осетии* (В. Тетекин / *СР*, N77, 10.06.2004). *Его роль придуманная, почти дедушка Ленин. Ну просто отец нации, Ганди отдыхает* (Н. Высоцкий / *АиФ*, №9, 2004) (О Путине).

Также метафора родства (*отец, мать, дочь, сын, дети*, а в проблемных ситуациях *мачеха, пасынок* и др.) актуализируется для отображения отношений государства и граждан, федеральной власти и субъектов федерации, взаимоотношений других субъектов политической и экономической деятельности применительно к российской и грузинской действительности. Часто метафора родства служит средством для выражения причинно-следственных отношений. Ср.: *У Федерации по определению не может быть «пасынков» и «любимчиков»*. Субъект большой он или маленький должен рассчитывать на защиту, *отеческое отношение* этого государства, в состав которого он входит (П. Волостригов / *КП*, 07.04.2004). *Компартия стала мачехой для Шандыбина* (П. Злобин / *АиФ*, №48, 2003). *Живописуя суровые 90-е годы, «отец приватизации» признался в интервью: «Нам приходилось выбирать между бандитским коммунизмом и бандитским капитализмом»* (О. Шаповалов /

КП, 19.11.2004). *Война его мать* (В. Шурыгин / Завтра, №3, 18.01.2000). *У нас уже сейчас работают «дочки» западных банков* (А.Крашанов / АиФ, №5, 2003). *А Шеварднадзе все его политические «сыновья» элементарно «кинули»* (А. Фролов / СР, N132, 25.11.2003).

Согласно традиционным российским представлениям родство – основание для финансовой помощи, родители помогают детям, дети должны проявлять уважение к старшим и даже в случае конфликтов кровные родственники остаются «своими». Ср.: *Хакамада – сукин сын, но это наш сукин сын*. (К. Ремчуков / АиФ, №4, 2004). *Я не против Санкт-Петербурга, готов сам взять мастерок и пойти помогать реставраторам, но считаю, что деньги лучше занимать у мамы с папой, а не у старухи-процентщицы* (С. Шойгу / АиФ, №23, 2004) (т.е. у внутренних, а не у внешних инвесторов). *Мама – нефть* (Ю. Храмова / КП, 30.11.2004).

В других случаях прототипические отношения между старшими и младшими родственниками могут служить сферой-источником для иронического осмысления политических событий. Ср.: *Основой действий Саакашвили является его убеждение, что и Абхазия, и Южная Осетия — неотъемлемые части Грузии и его историческая миссия в том, чтобы вернуть этих заблудших младших родственников в лоно родительского дома* (В. Тетекин / СР, N74, 03.06.2004).

Примечательно, что потенциал метафоры родства позволяет использовать русскую концептуальную метафору ЗЕМЛЯ – ЭТО МАТЬ (вариант *матушка-Россия*) и противникам продажи земли, и ее сторонникам. Ср.: *Сказав однажды, что земля – достояние Бога, он своим авторитетом на долгие годы благословил в России всяких швондеров, которые и сейчас орут над ухом, что земля – это мать, а матерью не торгуют. А что, отцом-хлебом торговать, значит, можно?* (Д. Аяцков / КП, 25.11.12.2004).

Также в российских СМИ востребованы метафоры деда (дедушки) и внуков. По-прежнему дедом называют Б.Н. Ельцина, свой дед есть в Грузии (Э.А. Шеварднадзе). Накладывает специфику и полиэтничность российского государства: президента Татарстана М. Шаймиева называют Бабаем («дед» по-татарски). Ср.: *Если бы не «дедушка Ельцин», не было бы ни «внучка» Немцова, ни Явлинского, ни Гайдара. Элита и вела себя, как «внучек», – капризничала, требовала «титьку», устраивала*

семейные «оры» (В. Костиков / АиФ, №51, 2003). Я абсолютно уверен, что Кремль уже договорился с **Бабаем** (М. Ростовский / МК, №47, 2000). Скоро он стал председателем парламента, но благоразумно ушел в отставку. Очевидно, предчувствовал, что «**дед**» скоро станет «**козлом отпущения**» (А. Угланов / АиФ, №48, 2003) (Об Э.А. Шеварднадзе).

В британских СМИ слот представлен традиционными для британского дискурса метафорами *parent company* – материнская (букв. родительская) компания, *offspring* – дочерняя компания (букв. отпрыск), *father* – отец (отцом принято называть основателя организации). Ср.: *There are threats of legal action from disgruntled minority shareholders in Yukos, the **parent** company* (M. Moore / Daily Telegraph 18.12.2004). *Существует угроза, что рассерженное меньшинство держателей акций Юкоса, **материнской** компании, на законных основаниях устроят акцию протеста. All are free-market democracies, fulfilling the dream of the founding **fathers** of the European union* (A. Evans-Pritchard / Daily Telegraph, 01.05.2004). *Все эти государства демократии со свободными рыночными отношениями, что вполне согласуется с мечтами **отцов-основателей** Евросоюза.*

Для британской прессы характерно рассматривать отношения между государством и его гражданами как отношения родителей и детей. Ср.: *A **son of Mother Russia**, a patriot, yes, and one, thank God, whose impetuosity stopped short of hitting the nuclear button in the middle of some wild vodka binge* (J. Sweeney / The Guardian, 02.01.2000). ***Сын Матери России, патриот, пожалуй, и человек, чья импульсивность, поблагодарим Бога, чуть не привела его к тому, чтобы нажать ядерную кнопку в разгар одной из буйных попок с водкой*** (О Ельцине). *Famous **sons** and **daughters**: Rudolf Tobias (composer), Jaan Kaplinski (poet), Markko Martin (rally driver) and Carmen Kass (supermodel)* (T. Templeton / The Observer, 11.04.2004). *Знаменитые **сыновья** и **дочери** [Эстонии]: Рудольф Тобиас (композитор), Яаан Каплински (поэт), Маркко Мартин (автогонщик), Кармен Касс (супермодель).*

Большое внимание британские журналисты уделяют вопросам российской армии, особенно «дедовщины», что способствовало появлению в английском языке своеобразных неологизмов *ded*, *dedushka* и необычного значения для английского слова *grandfather*. Ср.: *Military service in Russia is obligatory and lasts two years; the first-year recruits are typically bullied by the second-year*

ones who are known as the **deds** or **grandfathers** (A. Osborn / The Independent 21.10.2004). В России военная служба принудительная и длится два года; призывников первого года обычно запугивают солдаты второго года, известные как **деды** или **дедушки**. After three years of research and more than 100 interviews with victims, Human Rights Watch, based in New York, said the problem of violent initiation ceremonies - known as *dedovshchina* or "rule of the **grandfathers**" – had reached horrific levels and was sapping morale and undermining combat readiness (A. Osborn / The Independent 21.10.2004). После трех лет расследований и проведения интервью с более чем сотней жертв, базирующаяся в Нью-Йорке организация по надзору за правами человека, объявила, что проблема насильственных церемоний по инициации солдат – известных как *дедовщина* или «правление **дедов**» – достигла ужасающих масштабов и подрывает мораль и боеготовность армии.

В британском политическом дискурсе для метафорического представления политического, культурного сотрудничества государств и инвестирования средств одного государства в экономику другого используется метафора *to adopt* (усыновить, удочерить). Внутри европейской семьи британские журналисты устанавливают подобные метафорические родственные связи между Латвией, Литвой, Эстонией и скандинавскими странами, в то время при концептуализации международных и внутригосударственных отношений России и Грузии подобных родственных связей не обнаруживается. Ср.: *The Finnish-Estonian reconciliation has, in turn, inspired the other richer Nordic nations to "adopt", invest in, and bond with their neighbours to the east. Much as Finland has "adopted" Estonia, so Sweden has done with Latvia, and Norway and Denmark with Lithuania* (G. Sander / The Financial Times, 08.04.2000). В свою очередь финско-эстонское восстановление дружественных отношений воодушевило другие богатые нации к «удочерению», инвестированию и установлению прочных связей с соседями на востоке. Подобно тому, как Финляндия **удочерила** Эстонию, Швеция **удочерила** Латвию, а Норвегия с Данией – Литву.

Слот «Братья и сестры»

В российском политическом дискурсе метафоры слота востребованы для концептуализации отношений между гражданами государства, субъектами политической деятельности. Для нашего исследования особый интерес представляют метафорические

контексты, отражающие национальные представления о «родстве» между различными народами. Наиболее часто братьями для русских оказываются восточнославянские (украинцы, белорусы) и южнославянские народы (сербы, македонцы, болгары). Ср.: *Трагедии Боснии, Хорватии и Косова, жертвами которых стали наши братья-сербы, не должны повториться* (В. Теткин / СР, N77, 10.06.2004). *Наших братьев-украинцев тоже выпустили, ибо внешний мир считает их русскими* (А. Сафарин / СР, N50, 15.04.2004). *Будущую Россию в союзе с братской Белоруссией мы видим свободным многонациональным государством с многоукладной экономикой* (Г. Зюганов / Завтра, №6, 08.02.2000). *Гасить горечь, как всегда, помогают русские "братушки", великодушно вернувшие на свой рынок болгарские овощи* (А. Тулеев / Незав. газ., 03.06.2003).

Отметим, что не всегда славянская общность – гарантия метафорического братства. Иногда коррективы в метафоры родства вносит историческая память народа или политическая ситуация. Так, судя по материалам настоящего исследования, в число современных русских братьев не попадают западные славяне, после вступления Болгарии в НАТО болгары также выпадают из числа метафорических братьев, а после «оранжевой революции» украинцы все чаще номинируются как *бывшие братья* и т.п. Ср.: *Украина ушла на Запад. Таков главный итог выборов в еще недавно братской стране* (С. Юрьев / КП, 28.12.2004). *Болгары входили в фашистский блок, воевали против наших братьев-сербов на Балканах, а также снабжали табакот вермахт* (В. Теткин / СР, 03.03.2005).

Помимо отношений с восточнославянскими *родственниками* часто как *братские* рассматриваются отношения русских и грузин. В данном случае отголосок брежневской метафоры о дружной семье советских народов перекликается с исторической памятью о многовековых дружественных взаимоотношениях России и Грузии, конфессиональной общностью (вероятно, по этому же принципу метафора применяется к армянам) и представлениями о «правильном» соотношении политического влияния России и других государств на политическую жизнь в Грузии. Обнаруживаются «родственные» связи и между отдельными российскими и грузинскими политиками. Ср.: *От кого Россия должна была стать независимой? От своих братьев – белорусов, украинцев, грузин?* (И. Полозков / АиФ №24 2003). *И, наконец, "национальные интересы" России в том, чтобы не под-*

рывать исторические, **братские** отношения грузин и русских (А. Проханов / Завтра №33 2004). Однако российско-грузинские отношения, на мой взгляд, всегда носили очень теплый характер, строились **по-братски** (В. Рчеулишвили / Независимая газета 07.04.2003). Мы с Асланом Ибрагимовичем считаем друг друга **братьями** и большими друзьями, и, конечно, в трудную минуту мы хотим быть рядом (Ю. Лужков / АиФ, 16.03.2004).

В российском политическом дискурсе метафоры родства достаточно распространены и для осмысления отношений между различными народами, живущими как на территории России, так и Грузии. Ср.: *Чечены и ингуши – это **братские** народы, исконно живущие вместе* (А. Кадыров / АиФ №48 2003). *Ваш враг — не Россия и не абхазские и осетинские **братья**, а тот, кто и сегодня сталкивает вас в братоубийственной гражданской войне* (И. Гиоргадзе / Завтра №3 18.01.2000).

При этом метафора родства нехарактерна для титульных наций Латвии, Литвы и Эстонии. Все немногочисленные зафиксированные метафорические выражения включают в себя те или иные средства нейтрализации прототипических смыслов метафор родства (*бывшие/вчерашние/почти братья*, само слово *братья* берется в кавычки и т.п.) и привнесения саркастических смыслов. Ср.: *С Россией не считаются не только такие страны, как США, с которой еще вчера она имела военный паритет, но и мелкие странишки вроде **вчерашней «братской»** советской республики Латвии, нагло заставляющей русское население этой страны забыть свои корни*. (В. Чурилов / СВ N25 26.03.2004). *Наплеватьством на самих себя мы провоцируем соответствующее отношение к нам соседней, прежде всего ближайшей, еще вчера бывших нам **почти братьями и сестрами*** (А. Тулеев / Незав. газ. 03.06.2003) (О странах Балтии).

Разумеется, это не относится к русским меньшинствам, проживающим в прибалтийских странах, которые по-прежнему остаются для россиян *братьями и сестрами*. Ср.: *После принятия этого закона один из латвийских политиков публично называл сотни тысяч наших соотечественников «идиотами», оскорбив не только наших **братьев и сестер** в Латвии, но и Россию* (Г. Зюганов / СР N18 07.02.2004).

Нередко экономические льготы, предоставляемые Россией постсоветским республикам, представляются как помощь *стар-*

шего брата младшим братьям. В рассматриваемый период на постсоветском пространстве все чаще появляется еще один брат – США, но в отличие от России (старшего брата), его чаще называют **большим братом**. Ср.: *Россияне заплатят за младших братьев... Содержать армию «совместных» чиновников тоже придется «старшему брату»* (МК №6 2000). Пару недель назад в Риге состоялась некая сходка с участием представителей прибалтийских и скандинавских государств. Не смогли, разумеется, обойтись и без «**большого брата**» – американцев (В. Тетекин / СР 16.03.2004). Поэтому грузины всегда приезжают в Москву вовсе не в качестве **бедных родственников**. Вторая причина их самоуверенности — надежная поддержка «**большого брата**» – США, рассматривающих Грузию как плацдарм для антироссийских действий в Закавказье и, одновременно, как поставщика пушечного мяса для колониальной войны в Ираке (СР N105 12.08.2004).

К периферии рассматриваемого слота можно отнести метафоры *братки* и *братаны*, номинирующие представителей преступных сообществ. Ср.: *Герои «Бригады» просто отдыхают по сравнению с патриотизмом наших **братков*** (А. Марьясов / КП 28.12.2004).

В британских СМИ метафорическое представление постсоветского пространства прямо противоположное. Если в российской метафорической картине политического мира у России и Грузии немало родственников, а развертывание концептуальной метафоры «Европа – это семья» относительно прибалтийских республик для российской прессы нехарактерно, то в британской картине политического мира у России и Грузии нет ни внешнеполитических, ни внутривнутриполитических братьев или сестер, в то время как у латышей, литовцев и эстонцев обнаруживаются метафорические родственники в Европе. Ср.: *Some call it the new Baltic renaissance, or the resurgent **Baltic Brotherhood*** (G. Sander / The Financial Times, 08.04.2000). *Некоторые называют это Балтийским ренессансом или возрождающимся **Балтийским Братством*** (о сотрудничестве стран Балтии со скандинавскими странами).

*But there is an undoubted enthusiasm for some of the new **sister cities*** (L. Freedman / The Financial Times 01.05.2004). *Тем не менее, наблюдается очевидный интерес к некоторым новым городам-сестрам* (О туристическом и инвестиционном интересе к прибалтийским городам).

*EU and European monetary union, about which the Baltic Ten also differ, have brought as much turmoil to the Baltic region as **brotherly love** (The Financial Times 11.05.2000). ЕС и Европейский валютный союз, с которыми у Балтийской Десятки мнения также расходятся, привнесли в балтийский регион немало замешательства, но не в меньшей степени укрепили и **братскую любовь**.*

***Brotherly Finns** are also helping to train the Estonian military and police forces, supplying funds and expertise for the clean-up of the Soviet-abused Estonian environment – including the Baltic itself – and training Tallinn's tiny bureaucracy for its future duties as a member of the European Union (G. Sander / The Financial Times 08.04.2000). **Братья** финны также помогают тренировать эстонские военные силы и полицию, проводят экспертную оценку доставшегося Эстонии от СССР загрязнения окружающей среды – в том числе и самого Балтийского моря – и выделяют средства на ее очистку, обучают немногочисленных таллинских чиновников, как исполнять свои обязанности, после того как Эстония станет членом Евросоюза.*

Фрейм «Родство по супружеству»

Слот «Муж и жена»

*Для российского политического дискурса характерно представлять отношения власти и страны в понятиях предсвадебных отношений, бракосочетания и супружеской жизни. Аналогичные метафорические сценарии востребованы и для концептуализации отношений между государствами. Ср.: *Сейчас обе стороны вполне официально заявили о том, что в обозримом будущем вопрос о присоединении России к ЕС на повестке наших двусторонних отношений стоять не будет. И те и другие, похоже, испытали при этом явное облегчение, поскольку ранее чувствовали себя как бы **впопыхах «помолвленными», но неготовыми к брачному союзу** как неизбежному следствию предварительного уговора. Итак, тема **«брака»** на сегодня и даже на завтра неактуальна (К. Косачев / Незав. газ. 10.11.2004). **Новый депутат – как новый муж** (Т. Пекарева / КП 16.04.2004). При этом жутко **ревнуют**: «Вы, русские, уж, пожалуйста, наше мясо берите, а не из Австралии. И на трубы мы вам скидку сделаем больше, чем Германия». Из Москвы в Киев летят ответные телеграммы: «Тогда и вы на туркменский газ и азербайджанскую нефть не засматривайтесь». Но раз **ревнуем**, значит, не дружба у нас получается, а самая на-**

стоящая любовь (А. Седов / КП 19.11.2004). ... какое хамство позволил себе тот же Сванидзе в своем черно-сизом «Зеркале» по отношению к единственному верному союзнику России: «Лукашенко вел себя, как смазливая молодуха с **пожилым мужем** — счета на стол!» (А. Бобров / СР N26-27 28.2.2004).

К сожалению, предвыборные обещания политиков нередко расходятся с их деятельностью после избрания на государственные должности. Очевидно, по этой причине в российской прессе власть регулярно обещает жениться, но обещаний не исполняет. Подобный сценарий отношений актуализируется и для осмысления международных отношений. Ср.: *Ведь предыдущие правительства **обещали жениться**, но обещания заморозили* (С. Репов / АиФ №20 2004). **Обещать – не жениться**. *Вы сами верите в то, что весной будет отменена поправка Джексона-Вэника?* (С.Бабаева / Изв. 03.12.2003).

В британской прессе денотативной областью применения метафор бракосочетания являются поглощение и слияние компаний, вступление в политическую организацию, отношения между государствами. Как уже отмечалось, в британской прессе метафоры родства преимущественно актуализированы как вариант концептуальной метафоры «Европа – это семья». В рассматриваемом слоте продолжается развертывание этой концептуальной метафоры: принятие стран Балтии в Евросоюз и НАТО регулярно концептуализировалось через метафоры бракосочетания, радостного и торжественного события со свадебным пиром, оркестром и т.п. Ср.: *A **marriage feast*** (M. Stanhope / Western Mail 20.04.2004). **Свадебный пир** (заголовок статьи о расширении Евросоюза).

*After years of **courtship** and **intense deliberation**, 15 **grooms** and 10 **brides** are set to walk down the aisle towards union. But their **vows** will not be those of **emotional and spiritual togetherness**. Rather they will be along the lines of economic and political **matrimony**, as the 15 states of the current European Union embrace ten of their closest eastern and Mediterranean neighbours. The date is set for May 1 this year, with the three Baltic countries of Estonia, Latvia and Lithuania, the central and eastern European countries of Poland, Hungary, the Czech Republic, Slovakia and Slovenia, and the two small Mediterranean countries, Cyprus and Malta, all taking part in one of the world's largest **marriages**. Some 75 million citizens will be **in attendance**, swelling the EU to almost 450 million inhabitants* (M. Stanhope / Western Mail 20.04.2004). *После нескольких*

лет ухаживаний и напряженного обдумывания 15 женихов и 10 невест готовы пройти по проходу между церковными рядами навстречу брачному союзу. Однако их клятвы не будут свидетельствовать о чувственном и духовном единении. Правильнее будет назвать это экономическим и политическим **супружеством**, потому что 15 государств Евросоюза **заключают в объятия** 10 ближайших восточноевропейских и средиземноморских соседей. Дата назначена на 1 мая этого года. Три балтийских государства (Эстония, Латвия и Литва), восточно- и центральноевропейские государства (Польша, Венгрия, Чешская Республика, Словакия и Словения) и две маленьких средиземноморских страны (Кипр и Мальта) примут участие в одном из самых грандиозных мировых **бракосочетаний**. **Ожидается** около 75 миллионов **гостей**, вместе с которыми население стран Евросоюза увеличится почти до 450 миллионов человек.

*There is even a brave new Finnish-Estonian Symphony Orchestra to **set the new marriage to music** (G. Sander / The Financial Times 08.04.2000). Есть даже новый превосходный финско-эстонский симфонический оркестр, чтобы **сыграть на этой новой свадьбе** (т.е. свадьбе Финляндии и Эстонии).*

Нередко страны Балтии и скандинавские страны метафорически представляются как насильно разлученные на долгий срок супруги (*estranged*). Ср.: *However, for the half century after the second world war – when formerly free Estonia became the Estonian SSR, while Finland kept its independence and its capitalistic way of life - the Finnish and Estonian peoples were **estranged** (G. Sander / The Financial Times 08.04.2000). Однако на протяжении полувека после Второй мировой войны, когда свободная Эстония стала Эстонской ССР, а Финляндия сохранила независимость и капиталистический путь развития, эстонский и финский народы **проживали раздельно**.*

Противники расширения Евросоюза находили свои метафорические аргументы. Так, вступление стран Балтии и других восточноевропейских государств в ЕС представлялось как брак без любви (*loveless marriage*), брак по расчету (*marriage of convenience*), что отражало опасения британцев по поводу понижения уровня их благосостояния (в результате притока дешевой рабочей силы, финансовых затрат Великобритании как члена ЕС на расширение организации и т.п.). Ср.: ***A loveless marriage that could end in tears*** (A. Evans-Pritchard / Daily Telegraph

17.04.2003). **Брак без любви, который может закончиться слезами** (заголовок).

*This is a **marriage of convenience, not love** (N. Dudley / Financial News 27.04.2003). Это брак по расчету, а не по любви*

*Despite the glowing rhetoric yesterday, the reunion of East and West Europe is less a **love match** than a **marriage of convenience**, carried out on the cheap for an extra pounds 5.5 billion a year... Never before has the union faced a **marriage on such unequal terms**, with per capita income in the Baltic states only a third of EU levels (A. Evans-Pritchard / Daily Telegraph 17.04.2003). Несмотря на вчерашнюю пылкую риторику воссоединение Восточной и Западной Европы скорее **брак по расчету**, чем **брак по любви**, осуществленный по дешевке за дополнительные 5.5 миллиардов фунтов стерлингов в год... Никогда прежде Евросоюз не стоял перед лицом **брака на таких неравных условиях**: доход на душу населения в прибалтийских республиках составляет только треть от аналогичного показателя для стран Евросоюза (A. Evans-Pritchard / Daily Telegraph 01.05.2004).*

Противники расширения Евросоюза находили и другие метафорические аргументы, актуализирующие соответствующие компоненты фреймового знания. Согласно принятым нормам количество невест должно равняться количеству женихов, а так как с одной стороны 15 стран-супругов, а с другой только 10, то прибалтийские республики вступают в полигамный брак (*polygamous union*). Ср.: *So, the stage is set. The **brides and grooms await nervously at the altar** for one of the largest, **polygamous unions** of our time. For Britain's farmers and growers, the effects of the **marriage** may go unnoticed in the short term* (Western Mail 23.04.2004). *Итак, место действия готово. **Невесты и женихи нереничают у алтаря в ожидании заключения одного из самых многочисленных по составу полигамных союзов** нашего времени. В ближайшее время британские фермеры и садоводы могут и не почувствовать последствия такого брака.*

Период после вступления в Евросоюз, характеризующийся экономическими льготами для новых государств, метафорически представлялся как медовый месяц (*honeymoon*). Ср.: *New members also benefit from a **honeymoon period**. In the early years new entrants get the maximum gains from the removal of trade barriers, together with an influx of foreign investment... The **honey-***

moon period after entry more than three decades ago was pretty disastrous (D. Smith / Sunday Times 05.06.2005). *К тому же новые члены Евросоюза извлекают выгоду из **медового месяца**. В первые годы они наряду с потоками внешних инвестиций получают максимальные доходы от устранения торговых барьеров... **Медовый месяц** после вступления в Евросоюз был просто бедственным.*

Слот «Развод»

Как и в отношениях между людьми, между государствами, субъектами политической и экономической деятельности случаются разводы, иногда мирные, иногда не обходится без скандала. Ср.: «ЮКОС» *официально объявил о **разводе** с «Сибнефтью»* (М.Игнатова / Известия 18.12.2003). ***Развод** и с той, и с другой партией не обошелся **без скандала** и претензий на лидерство* (С. Фадеев / АиФ №9 2004). *России был выгоден **мирный развод** по чехословацкому варианту и невыгоден – насильственный раздел Украины* (С. Марков / КП 30.11.2004).

Также метафоры развода актуализировались и в британских СМИ. Согласно логике сферы-источника для того, чтобы вступить в новый брак, необходимо развестись со старым супругом. Этот сценарий регулярно актуализировался в британских СМИ для осмысления вступления прибалтийских стран в ЕС и НАТО: прежде чем прибалтийские республики смогут вступить в новый брак (Евросоюз и НАТО) им необходимо развестись с бывшим супругом (Россией). Ср.: *He hates the fact that countries with considerable Russian minorities, such as Estonia, Latvia and Lithuania, are entirely **divorced** from Russia, and knows that the puppet state of Belarus is likely to be the next to break away* (S. Heffer / The Daily Mail 25.02.2005). *Ему ненавистен тот факт, что страны, в которых живет значительное количество русских – Эстония, Латвия и Литва – окончательно **оформили развод** с Россией и то, что марионеточная Беларусь, вероятно, будет следующей.*

*If last week's ceremony in Washington to welcome seven new members to Nato had been a **marriage service** there would have been a **loud objection from the back of the church*** (I. Mather / Scotland on Sunday 04.04.2004). *Если бы проходившая на прошлой неделе в Вашингтоне церемония, посвященная вступлению семи новых членов в НАТО была **венчанием**, то из **глубины церкви раздалось бы громкое возражение** [России].*

Межкультурные различия в концептуальных структурах двух

наций неизменно находят отражение в метафорах: рассмотренные материалы показывают, что прототипические сценарии бракосочетания в британской и российской картинах мира заметно отличаются. Судя по детальной структурированности сферы-источника «венчание», для британцев бракосочетание – это церковное таинство. Во время венчания жених и невеста идут к алтарю по проходу между церковными рядами (в англиканской церкви), дают клятву верности и духовного единения, а в глубине церкви может найтись человек, неожиданно выкрикивающий возражение. В российском сознании прототипический сценарий бракосочетания скорее связан с гражданскими процедурами в загсе. Оценочные смыслы метафор этого слота свидетельствуют о российско-британских параллелях в отношении к традиционным семейным ценностям: в британском обществе во всех проанализированных контекстах негативно оценивается брак по расчету, брак без любви. Тем более осуждаются полигамные браки.

Метафоры родства рельефно демонстрируют воздействие политических событий на метафорическую картину политического мира. В рассматриваемый период прибалтийские республики проводили активную политику по вступлению в Евросоюз и НАТО (в сознании многих россиян со времен холодной войны сохранилось представление о НАТО как о враждебном России военном блоке), а в 2004 стали полноправными членами этих организаций. В рассматриваемый период большие разногласия между Россией и прибалтийскими республиками возникали и по отношению к вопросу о русских меньшинствах в этих странах. Если в период перестройки (по данным словаря А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова) в российской прессе Латвия, Литва и Эстония назывались *сестрами*, между прибалтийскими и другими народами СССР обнаруживались *братские* связи, хотя уже и предвиделся *бракоразводный процесс*, то в анализируемый период использование метафор родства применительно к прибалтийским республикам нехарактерно (немногочисленные метафоры родства сохранились в виде реликтов, лишенных прототипических смыслов сферы-источника). Однако метафоры родства по-прежнему востребованы в российской прессе для концептуализации российской и грузинской действительности. Грузинские правительства также неоднократно выражали готовность вступить в НАТО и ЕС, но решение этого вопроса относится больше к перспективе, а ситуация с отношениями народов Грузии и Рос-

сии, очевидно, представляется несколько иной по сравнению с ситуацией в прибалтийских республиках.

Наоборот, в британском политическом дискурсе прибалтийские республики регулярно представляются дочерьми, братьями, невестами, словом, родственниками и полноправными членами европейской семьи, а у России и Грузии современных метафорических родственников не обнаруживается. В представлении британцев страны Прибалтики вступили в дружественные организации и стали «своими», Грузия все еще далека от образцового демократического государства (т.е. от европейской семьи), в ней правят «коррупцированные кланы», на территории Грузии находится российский военный контингент и др. Сама Россия не только не входит в европейскую семью, но и представляется скорее тюрьмой народов, нежели единой семьей, что в частности нередко находит отражение в регулярном непонимании между британскими и российскими политиками по этническим вопросам.

Как показывает анализ, доминирующим критерием при выявлении метафорического родства между народами является политическая ситуация и востребованные эмотивные смыслы, а апелляция к конфессиональным, языковым, антропологическим, культурно-историческим и другим факторам служит средством акцентирования метафоры, увеличения ее аргументативного потенциала (к примеру, по языковому и антропологическому критериям латыши и литовцы «ближе» к русским, чем грузины).

Наглядное представление о варьировании частотности метафор родства в обеих прессах в зависимости от сферы-мишени представлено в таблице (в % от общего количества метафор).

	Сфера-мишень «Россия»	Сфера-мишень «Грузия»	Сфера-мишень «Страны Балтии»
Британская пресса	0.8	0.7	8.9
Российская пресса	5.4	4.6	1.2

В российской прессе количество метафор родства от общего количества метафор, актуализированных для осмысления постсоветской российской действительности, составило 4.3%, соответственно для Грузии – 5.4%, а для стран Балтии только 1.3%. В британской прессе метафоры родства востребованы при концептуализации прибалтийских республик (8.9%) и почти не используются (большинство зафиксированных метафор актуали-

зируют непрототипические смыслы) для осмысления двух других сфер-мишеней.

Полученные результаты свидетельствуют о взаимодополняющей эвристичности когнитивного и дискурсивного подходов к метафорическому анализу (хотя это разделение подходов довольно условно, учитывая, что наиболее распространенный в отечественной лингвистике вариант дискурс-анализа, идущий от Т. ван Дейка, конститутивно когнитивный). В когнитивном аспекте сопоставление метафорических моделей позволяет выявить культурно обусловленные концептуальные различия (например, различия в типизированном представлении о бракосочетании в сознании россиян и британцев), но не всегда приводит к достоверным выводам на предмет выявления национальных предпочтений в апелляции к определенной исходной понятийной сфере. Например, при сопоставительном исследовании метафор родства в российской и британской прессе только на примере сферы-источника «Прибалтийские республики» напрашивается вывод о том, что британцы в гораздо большей степени предпочитают осмыслять политическую действительность в понятиях родства, чем россияне, а исследователь этой же метафорической модели на примере России и Грузии получит совершенно противоположные результаты. Метафора родства, обнаруживая мощный прагматический потенциал к переконцептуализации политической действительности и категоризации мира политики по оппозиции свой-чужой, очень «чувствительна» к социально-политической ситуации и востребованным этой ситуацией эмотивным смыслам. На концептуальном уровне метафора родства достаточно характерна для обеих лингвокультур, но ее актуализация в дискурсе характеризуется значительными корреляциями с экстралингвистическими факторами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. – М.: Институт русского языка АН СССР, 1991.
2. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. – М., 1994.
3. Багичева Н.В. Россия – мать или мачеха? (Метафорическое моделирование образа Родины) // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т.5. – Екатеринбург, 2000.
4. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография / Урал. гос. пед. ун-т.

– Екатеринбург, 2003.

5. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2001.

6. Шаова О. А. Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация (на материале французских газет в сопоставлении с российскими). Дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005.

7. Cienki A. Bush's and Gore's language and gestures in 2000 US presidential debates: A test case for two models of metaphors // Journal of Language and Politics. 2004. Vol. 3. №3.

8. Hahn D.F. Political Communication: Rhetoric, Government, and Citizens / 2nd ed. –New York: New York University, 2003.

9. Hayden S. Family Metaphors and the Nation: Promoting a Politics of Care through the Million Mom March // Quarterly Journal of Speech. 2003. Vol. 89. №3.

10. Kelly-Holmes H., O'Regan V. "The spoilt children of Europe". German press coverage of the Nice Treaty referenda in Ireland // Journal of Language and Politics. 2004. Vol. 3. №1.

11. Koller V. "A Shotgun Wedding": Co-occurrence of War and Marriage Metaphors in Mergers and Acquisitions Discourse // Metaphor and Symbol. 2002. Vol. 17. №3.

12. Lakoff G. Don't Think Of An Elephant! Know Your Values and Frame the Debate: The Essential Guide for Progressives. – White River Junction, VT: Chelsea Green Publishing, 2004.

13. Lakoff G. Metaphor in Politics. An open letter to the Internet from George Lakoff // www.philosophy.uoregon.edu/metaphor/lakoff-1.htm – 1991.

14. Lakoff G. Moral Politics: What Conservatives Know That Liberals Don't. – Chicago: University of Chicago Press, 1996.

15. Landsheer Ch. de. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach // Communication and Cognition. 1991. Vol. 24. №3/4.

16. Sandikcioglu E. More metaphorical warfare in the Gulf: Orientalist frames in news coverage // Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective / ed. A. Barcelona. – Berlin and New York: Mouton de Gruyter, 2000.

17. Valk I. van der. Political Discourse on Ethnic Issues, a Comparison of the Right and the Extreme-Right in the Netherlands and France (1990-1997). Paper for the ECPR-conference, Grenoble, 6-11 April, 2001 // <http://www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions>

/paperarchive/grenoble/ws14/valk.pdf. – 2001.

18. Zinken J. Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition. Dissertation zur Erlangung der Würde eines Doktors im Fach Linguistik. – Bielefeld: Universität Bielefeld, 2002. © Будаев Э.В., 2006

Будаев Э.В.

Нижний Тагил

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В НЕВЕРБАЛЬНЫХ СЕМИОТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

С момента возникновения теории концептуальной метафоры исследователи политической семиотики по вполне понятным причинам сосредоточили внимание на выявлении концептуальных метафор, объективированных в вербальном виде. Вместе с тем определение онтологического статуса концептуальной метафоры поставило закономерные вопросы о корреляциях когнитивных структур со всем семиотическим пространством политической коммуникации. Внимание исследователей все чаще начинают привлекать и другие, невербальные источники данных о политических метафорах (карикатуры, агитационные плакаты, картины, жесты и др.). Как отмечает Эль Рефайе, «механизмы, лежащие в основе метафоры, существуют в сознании независимо от языка», более того, невербальные феномены «иногда способны передавать сложное сообщение в более непосредственной и сжатой форме, нежели язык» [El Refaie 2003: 76].

Анализ невербальной политической метафоры имеет некоторую традицию, и в современных исследованиях уже можно выделить несколько подходов к выбору материала и анализу этого вида политической метафоры: исследования невербальной политической метафоры, сопоставление вербальной и невербальной метафоры, изучение метафор в креолизованных текстах.

Уже обращение к визуальному ряду в исторической перспективе показывает, что многие концептуальные политические метафоры имеют давние традиции не только на вербальном уровне. Как отмечает М. Луома-ахо, в XVI веке при составлении географических карт Европа и другие континенты представлялись в форме человеческого тела. Примечательно, что соответствие между географическими районами и частями тела зависело от составителя и часто содержало в себе ту или иную политическую идеологию. Например, в Космографии Мюнстера (1588)

Европа изображалась в виде королевы, стоящей на Азии, Испания была ее короной, а Богемия – сердцем (для достижения идеологического эффекта пришлось расположить королеву горизонтально). Эта визуальная политическая метафора многократно воспроизводилась на фасадах зданий в период владычества Габсбургов и приносила естественную перспективу в рассмотрение такого геополитического мировидения [Luoma-aho 2002: 74].

Лидирующее место в исследовании невербальных политических метафор занимают работы по метафорам в политической карикатуре. Карикатуры рассматриваются не только как средство критики, но и как значимый источник данных о взаимоотношениях между людьми, политическими событиями и властью. Как отмечает М. Даймонд, исследователи привыкли рассматривать политическую карикатуру как графическую работу и средство сатиры, однако «низведение политических карикатур до юмора и сатиры неверно, так как сатира и юмор не обязательные элементы карикатуры», карикатуры следует рассматривать как «политические знаки», особенно в неевропейской культуре [Diamond 2002: 252]. На важную связь между визуальным рядом и политической метафорой указывали и российские лингвисты. Как отмечал А.Н. Баранов, политические метафоры «часто дают начало сериям карикатур, основанным на метафорических следствиях». Таким образом, визуальный ряд рассматривался как одна из форм существования политических метафор [Баранов 1991: 192].

Систематические исследования визуальных метафор в американской политической карикатуре начинаются с 80-х годов прошлого века [Buell, Maus 1988; DeSousa, Medhurst 1982] и, хотя в этот период авторы не акцентировали внимание на сравнении вербальных и невербальных метафор, уже первые результаты показали, что между этими уровнями политической семиотики наблюдаются регулярные корреляции. Так, Э. Буелл и М. Маус, изучив метафоры в политических карикатурах предварительных выборов 1988 года в США, пришли к выводу о том, что в них доминирует метафора лошадиных скачек [Buell, Maus 1988: 849], что согласуется с наблюдениями исследователей английской вербальной метафоры. Дж. Эдвардс [Edwards 1995], один из ведущих специалистов по визуальной политической метафоре, проанализировав метафорические кластеры в американских карикатурах времен президентской кампании 1988 года,

обнаружила, что в этих карикатурах очень распространена метафора «преуменьшения» (metaphor of diminishment). Например, кандидата в президенты можно изобразить в виде карлика, которому нужно приложить немало усилий, чтобы соперничать с оппонентом, или в образе ребенка, тем самым подчеркивая, что он не готов занимать такой ответственный пост. Наоборот, высокий рост и крепкое телосложение – визуальный аналог политической власти.

Исследования метафор в политических карикатурах направлены на выявление ролей приписываемых политикам [Benoit et al 2001; Seymour-Ure 2001], на анализ визуальных образов внешнего врага [Diamond 2002; Edwards 1993; Gamson, Stuart 1992]. Особенно большой интерес исследователей привлекают метафоры в карикатурах, изображающих кандидатов в президенты в предвыборный период [Buell, Maus 1988; DeSousa, Medhurst 1982; Edwards 1995, 1997, 2001; Sena 1985]. Исследователи сходятся во мнении, что метафоры в политической карикатуре отражают индивидуальную интерпретацию событий, но эта интерпретация несет на себе отпечаток национального коллективного сознания. Визуальные метафоры напоминают об общих ценностях, имплицитно их поддерживают и воспроизводят. Такие исследования показывают, что в политической карикатуре политики могут представляться клоунами, спортсменами и акробатами так же часто, как и в вербализованных метафорах политического дискурса. В связи с этим исследователи приходят к выводу о том, что визуальная метафора столь же значимый источник данных об общественном сознании, как и вербальная метафора [Edwards 1993, 1995, 1997, 2001; El Refaie 2003; Morris 1993].

Исследователи политического дискурса показали, что для осмысления международных отношений метафора ГОСУДАРСТВО – ЭТО ИНДИВИД и расширенный вариант ГОСУДАРСТВА – ЭТО СООБЩЕСТВО ЛЮДЕЙ часто реализуется в виде метафор ГОСУДАРСТВО-НАСИЛЬНИК и ГОСУДАРСТВО-ЖЕРТВА. Подобная метафорическая логика подразумевает еще и наличие ГОСУДАРСТВА-ЗАЩИТНИКА, что часто используется как средство оправдания военного вмешательства в международный конфликт [Чудинов 2003; Bates 2004; Lakoff 1991; Rohrer 1995]. Метафора «насильника» используется не только для описания военной агрессии, но и для формирования негативного образа в мирный период, что удалось в прямом смысле показать

финской исследовательнице Й. Валениус (2000). Й. Валениус исследовала, как Финляндия и Россия представлялись в 100 финских пропагандистских карикатурах 1908-1914 гг., когда в Финляндии, находившейся в составе Российской империи, были отменены многие автономные привилегии. На многих карикатурах была изображена финская девушка (персонификация Финляндии), которая подвергается сексуальным домогательствам и насилию со стороны зловещего русского мужика или казака (персонификация России). Примечательно, что русский мог изображаться в виде человека со смуглой кожей или даже в образе негра-каннибала, что должно было подчеркнуть, что в отличие от российского образа, белая финская девушка – не азиатка, а европейка. По мнению исследовательницы, это обстоятельство обособлено действием еще более общей метафоры *света и тьмы* (light-dark metaphor), согласно которой «свои» ассоциируются со светом, а этнически «чужие», в данном случае русские, представляются как порождение *тьмы*. Иногда на таких карикатурах появлялись защитники, например, бегущие на помощь Финляндии мужчины в европейских колпаках.

Исследователи вербальных метафор в политическом дискурсе неоднократно указывали на то обстоятельство, что политики часто стремятся дегуманизировать политического противника или внешнего врага с помощью различных метафорических образов – от дикаря и насильника до жестокого зверя и микроба. К похожим выводам приходят исследователи невербальной политической метафоры. Например, С. Кин, опираясь на методологию юнгианской школы психоанализа, обратился к анализу архетипа тени в политической агитации и пропаганде. Как отмечает С. Кин, во всем мире «для дегуманизации врага используется стандартный набор образов» [Keen 1986: 13]. Автор показывает, что на агитационных плакатах и в политических карикатурах 20 века противоборствующие стороны во всех крупных военных конфликтах изображали друг друга с помощью дегуманизирующих метафор. Карикатуры Вьетконга изображали США в образе «бумажного тигра», нацистские карикатуры изображали советских людей дикарями и варварами, на американских плакатах второй мировой войны немцы и японцы обычно изображались насильниками. Суммировав выводы, С. Кин пришел к выводу, что наиболее распространенные невербальные метафорические образы для врага это насильник, зверь, рептилия, насекомое, микроб, смерть, безликая орда или враг Бога.

Подобные исследования позволяют получать интересные выводы и показывают, что многие невербальные политические метафоры имеют аналоги в метафорических выражениях политического дискурса. Однако наибольший интерес представляют работы, авторы которых сопоставляют вербальные и невербальные политические метафоры в рамках одного исследования. Это позволяет достоверно проследить, как при осмыслении определенных событий концептуальная политическая метафора реализуется на вербальном и невербальном уровнях политической семиотики.

В этом отношении очень показательным исследованием является работа Б. Бергена [Bergen 2004]. Для определения корреляций между вербальной и невербальной политической метафорикой Б. Берген проанализировал метафорические образы в политических карикатурах, появившихся в течение недели после событий 11 сентября 2001 года. Изучив 219 политических карикатур, Б. Берген сопоставил их с метафорами, связанными с политическим нарративом «Террористические атаки 11 сентября 2001 года», из банка данных Дж. Лакоффа. Согласно Дж. Лакоффу, в осмыслении этих событий доминировали несколько концептуальных метафор: ГОСУДАРСТВО – ЭТО ИНДИВИД, АМОРАЛЬНЫЕ ЛЮДИ – ЭТО НИЗШИЕ ЖИВОТНЫЕ, 11 СЕНТЯБРЯ – ЭТО ПЕРЛ-ХАРБОР и СКАЗКА О СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЕ. Как оказалось, в политических карикатурах этого периода доминировали метафорические образы, выявленные Дж. Лакоффом. Как демонстрирует Б. Берген, террористы изображались в образе тараканов, а Усама бен Ладен в образе огромной крысы, что соотносилось с концептуальной метафорой АМОРАЛЬНЫЕ ЛЮДИ – ЭТО НИЗШИЕ ЖИВОТНЫЕ. Соответственно США часто представлялись в виде человека (дяди Сэма), которому в спину воткнули нож с надписью «terrorism», но который остался жив и готов к мщению. На другой карикатуре из шляпы человека-США идет дым и т.п. Также очень распространенной оказалась метафора 11 СЕНТЯБРЯ – ЭТО ПЕРЛ-ХАРБОР. Например, на одной из карикатур был изображен окутанный дымом Нью-Йорк, а изображение сопровождалось прецедентной цитатой адмирала Ямамото, произнесенной им после атаки на Перл-Харбор. На другой карикатуре изображены башни Мирового торгового центра, которые тонут в океане, словно разбомбленный корабль, а в небе летит самолет, из которого доносятся крики «Terror!» (созвучные крикам «Tara!», с которыми японские летчики времен

второй мировой начинали воздушную атаку).

Метафорическая СКАЗКА О СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЕ могла отражаться с помощью образа средневекового рыцаря с американскими символами на щите, который сражается против дракона с надписью «terrorism». При этом у дракона видны в основном когти и зубы, что отражает трудность борьбы с невидимым противником.

Вместе с тем, в неамериканских карикатурах эта сказка о справедливой войне часто представлялась иначе. Например, на одной из карикатур Дж. Буш изображался в одежде крестоносца с огромной, закрывающей глаза короной на голове, который с трудом волочит по земле огромный меч. Очевидно, что в сознании многих людей образ крестоносца не связан с универсальным смыслом восстановления справедливости, что и использовал автор карикатуры для привнесения сатирического смысла.

Таким образом, Б. Бергену удалось показать, что в основе осмысления определенных политических событий, как в вербальных политических метафорах, так и в политических карикатурах лежат одни и те же концептуальные метафоры, что является значимым подтверждением первичности ментальной природы метафоры, которая объективируется на разных уровнях политической семиотики.

Другим источником сведений о политической концептуальной метафоре являются жесты политиков в их сопоставлении с метафорическими выражениями.

Дж. Лакофф [Lakoff 2004] выделил во внутривнутриполитическом дискурсе США две модели со сферой-источником «Семья». Согласно *Модели Строгого Отца* дети рождаются плохими, потому что стремятся делать то, что им нравится, а не то, что правильно, поэтому нужен сильный и строгий отец, который может защитить семью от опасного мира и научить детей различать добро и зло. От детей требуется послушание, а единственный способ добиться этого – наказание. Модель устанавливает прямую взаимосвязь дисциплины и морали с благополучием. *Модель Воспитывающего Родителя* несет смысл гендерной нейтральности: оба родителя в равной степени ответственны за воспитание детей. Дети рождаются хорошими, а задача родителей воспитать их таким образом, чтобы они могли улучшать мир и воспитывать других. Анализируя развертывание этих моделей применительно к различным вопросам внутренней политики (налоги, образование и др.), Дж. Лакофф соотносит политиче-

ское доминирование консерваторов с использованием *Модели Строгого Отца*, а неудачи либералов связывает с особенностями актуализации *Модели Воспитывающего Родителя*.

Экспериментальное исследование по проверке гипотезы Дж. Лакоффа о том, что в основе «левого» и «правого» американского политического дискурса лежат две метафорические модели семьи, провел А. Ченки [Cienki 2004]. На материале текстов из предвыборных теледебатов Дж. Буша и А. Гора (2000 г.) А. Ченки и его коллега независимо друг от друга анализировали две группы выражений: собственно метафоры и метафорические следствия (entailments), апеллирующие к моделям Строгого Отца (SF) и Воспитывающего Родителя (NP). Как показал анализ, Дж. Буш в четыре раза чаще использовал метафоры модели SF, чем А. Гор. В свою очередь А. Гор в два раза чаще апеллировал к метафорам модели NP. Проанализировав метафорические следствия, А. Ченки указывает, что Дж. Буш опять же в 3.5 раза чаще обращался к модели SF. Вместе с тем исследование показало, что частотность обращения к модели NP у обоих оппонентов была очень близкой с небольшим перевесом у А. Гора (у Дж. Буша – 221, у А. Гора 241). Эти результаты А. Ченки сопоставил с анализом жестов оппонентов и пришел к выводам, что жесты Дж. Буша и А. Гора сильно различаются и соотносятся у Дж. Буша с моделью SF, а у А. Гора с моделью NP. При этом различия в апелляции к моделям семьи на паралингвистическом уровне оказались еще более показательными, чем на вербальном. Следует отметить, что, излагая результаты, автор не приводит бесспорных критериев соотнесения жестов с концептуальными метафорами двух анализируемых моделей, однако представленные в данном исследовании материалы наводят на мысль о том, что «жестовые» метафоры менее контролируемы, а потому более показательны.

Еще один подход к исследованию визуальных метафор – анализ корреляций между компонентами креолизованных текстов (т.е. текстов, состоящих из двух частей: вербальной и визуальной). Как показывают такие исследования, в основе вербальных и визуальных метафор лежат по существу одни и те же модели, но креолизация дает возможность не просто сложить, а значительно преумножить потенциал каждого из названных компонентов текста. Примером такого подхода может служить раздел в диссертации Н.М. Чудаковой (2005). Исследовательница проследила различные виды взаимодействия между вербаль-

ными метафорами из концептуальной области «Неживая природа» и иконическими компонентами креолизованных текстов и показала значимость визуального ряда в метафорическом представлении политической действительности. В частности было продемонстрировано, что между метафорической системой и видеорядом креолизованного текста возникают или отношения взаимозависимости, при которой интерпретация визуальной части определяется доминирующей метафорической моделью в тексте, или отношения взаимодополнения, при котором изображение с метафорическим образом понятно без слов и может существовать самостоятельно

Н.М. Чудакова подчеркивает также тесную связь визуальных метафор с национальной культурой. Например, в современных СМИ широко представлен визуальный ряд традиционной русской концептуальной метафоры «гибель – это пропасть». Среди других концептуальных метафор из сферы-источника «Неживая природа», давших начало сериям карикатур, автор выделяет следующие: *дорога* (выбор дальнейшего пути развития), *земля и поле во время пахоты* (Россия), *солнце* (президент, власть, законодательство), *тучи* (опасность), *дождь* (неприятности), *горы* (политики), *термометр* (измерение народного недовольства), *зонтик* (защита) и т.д. Ключевые темы изображений чаще всего связаны с тем или иным абстрактным понятием, представляющим наибольшую сложность и основания для разнообразных интерпретаций. Н.М. Чудакова отмечает, что благодаря двойному смыслу, возникающему при взаимодействии в креолизованном тексте знаний и оценок, актуализированных концептуальной метафорой и визуальным рядом данной метафоры, создается особая образность, усиливающая воздействие текста на адресата.

В диссертации Т.С. Магеры (2005) рассматривается взаимодействие языковой и иконической составляющих современного политического плаката. Автор подчеркивает, что плакат должен воздействовать прежде всего на подсознательную сферу, а поэтому очень важна его символическая составляющая и единство метафорического образа.

Как показывает обзор, изучение невербальной политической метафоры становится способом верификации постулата о когнитивной природе метафоры, дополняет результаты исследований вербальной метафорики и способствует более глубокому пониманию той роли, которую метафора играет в осмыслении и

конструировании политической действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М., 1991.

2. Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов). Автореф. дис... к.ф.н. - Барнаул, 2005.

3. Чудакова Н.М. Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000-2004 гг.). Дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005.

4. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003.

5. Bates B. Audiences, Metaphors, and the Persian Gulf War // *Communication Studies*. 2004. Vol. 55.

6. Benoit W.L., Klyukovski A.A., McHale J.P., Airne D. A fantasy theme analysis of political cartoons on the Clinton-Lewinsky-Starr affair // *Critical Studies in Media Communication*. 2001. Vol. 18 (4).

7. Bergen B. To Awaken a Sleeping Giant: Cognition and Culture in 23 September 11 Political Cartoons // *Language, Culture, and Mind* / ed. M. Achard, S. Kemmer. Stanford: CSLI, 2004.

8. Buell E.H., Jr., Maus M. Is the pen mightier than the word? Editorial cartoons and 1988 presidential nominating politics // *Political Science and Politics*. 1988. Vol. 21(3).

9. Cienki A. Bush's and Gore's language and gestures in 2000 US presidential debates: A test case for two models of metaphors // *Journal of Language and Politics*. 2004. Vol. 3. №3.

10. DeSousa M.A., Medhurst M.J. Political cartoons and American culture: Significant symbols of campaign 1980 // *Studies in Visual Communication*. 1982. Vol.8.

11. Diamond M. No laughing matter: Post-September 11 political cartoons in Arab/Muslim newspapers // *Political Communication*. 2002. Vol.19(2).

12. Edwards J.L. Metaphors of enmity in Gulf War political cartoons // *The Ohio Speech Journal*. 1993. Vol. 30.

13. Edwards J.L. Wee George and the seven dwarfs: Caricature and metaphor in campaign '88 cartoons // *INKS: Cartoon and Comic Arts Studies*. May, 1995.

14. Edwards J.L. Political cartoons in the 1988 presidential campaign: Image, metaphor, and narrative. New York: Garland, 1997.

15. Edwards J.L. Running in the Shadows in Campaign 2000:

Candidate Metaphors in Editorial Cartoons // American Behavioral Scientist. 2001. Vol. 44. №12.

16. El Refaie E. Understanding visual metaphor: The example of newspaper cartoons // Visual Communication. 2003. Vol.2(1).

17. Gamson W.A., Stuart D. Media discourse as symbolic contest: The bomb in political cartoons // Sociological Forum. 1992. Vol.7(1).

18. Keen S. Faces of the Enemy: Reflections of the Hostile Imagination. New York: Harper and Row, 1988.

19. Lakoff G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf. <http://metaphor.uoregon.edu/lakoff-l.htm>

20. Lakoff G. Don't Think Of An Elephant! Know Your Values and Frame the Debate: The Essential Guide for Progressives. White River Junction: Chelsea Green Publishing, 2004.

21. Luoma-aho M. Europe as a Living Organism: Organicist Symbolism and Political Subjectivity in the New Europe. Diss. for DPh. Newcastle: University of Newcastle, 2002.

22. Morris R. Visual rhetoric in political cartoons: A structuralist approach // Metaphor and Symbolic Activity. 1993. Vol. 8(3).

23. Rohrer T. The Metaphorical Logic of (Political) Rape: The New Wor(l)d Order // Metaphor and Symbolic Activity. 1995. Vol. 10. №2.

24. Sena J.F. A picture is worth a thousand votes: Geraldine Ferraro and the editorial cartoonists // Journal of American Culture. 1985. Vol.8.

25. Seymour-Ure C. What future for the British political cartoon? // Journalism Studies. 2001. Vol.2(3).

26. Valenius J. Ethnic Bodies. Visual Representations of Finland and Russia in the Early 20th Century Finland // Body Gender Subjectivity: Crossing Disciplinary and Institutional Borders. 4th European Feminist Research Conference. Bologna, 2000.

© Будаев Э.В., 2006

Декленко Е.В.

Челябинск

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОНЦЕПТА «ПАТРИОТ» АМЕРИКАНСКИМИ ШКОЛЬНИКАМИ

(по материалам ассоциативного эксперимента)

Патриотизм представляет собой общезначимую ценность, которая в каждом лингвокультурном пространстве маркируется в соответствии с особенностями национального дискурса. Анализ интерпретации концептов «патриот», «патриотизм» на синхрон-

ном срезе позволяет установить преимущество данного концепта в сознании носителей языка, определить значимость патриотизма в иерархии американских ценностей и проследить то, как под влиянием экстралингвистической реальности формируется патриотический дискурс подрастающего американского поколения.

В течение 2001-2002 учебного года нами был проведен ассоциативный эксперимент среди американских старшеклассников (141 человек, из которых 91 девушка и 50 юношей), учащихся в возрасте от 13 до 18 лет средних школ г. Норт Брукфилд и г. Лестер штата Массачусетс. Выбранный для проведения эксперимента отрезок времени охватывает период после событий 11 сентября, когда в сознании американцев впечатление о пережитом шоке и ужасе были пиком всех эмоций. Этим во многом объясняется чрезмерно эмоциональный подход к изложению своего мнения по предложенной проблеме, поскольку удар, нанесенный по США, застал нацию врасплох и пошатнул ее статус защищенной и неприкосновенной державы. Национальная трагедия активизировала патриотические чувства американцев, заставив ощутить потребность в выражении этих чувств посредством вербальных и невербальных коммуникативных действий и задуматься о важности концептов «патриотизм», «патриот», «страна» в национальном самосознании.

В рамках данной статьи мы ограничимся рассмотрением особенностей интерпретации концепта «патриот», которому была посвящена часть эксперимента, а именно следующие вопросы: ***In your opinion who is a patriot?*** (Кто, по вашему мнению, является патриотом?), ***Why or why not do you consider yourself a patriot?*** (Почему вы считаете или не считаете себя патриотом?), ***Are there patriots in other countries?*** (Есть ли патриоты в других странах?).

Целью вопроса ***In your opinion who is a patriot?*** (Кто, по вашему мнению, является патриотом?) было определить, кем, по мнению респондентов, является патриот. Мы пытались установить как в рамках традиционного определения («тот, кто любит свою страну, выступает в ее интересах и готов ее защищать») данный концепт мыслится представителями американского лингвокультурного пространства. При рассмотрении ассоциативных реакций мы классифицировали ответы по следующим показателям:

- интерпретация концепта на личностном, локальном, на-

циональном и глобальном уровнях;

- конкретизация патриота-субъекта (прецедентные имена, профессии);
- характеристики патриота (абстрактные понятия, отражающие эмоции, чувства, качества и конкретные понятия, выражающие действия патриота по отношению к своей стране);
- маркированность концепта «патриот» в американском национальном дискурсе.

В общей сложности, по мнениям респонденты разделились на несколько групп: одни рассматривают концепт «патриот» в общечеловеческом, мировом масштабе (62,6%), другие сопрягают его исключительно с американской нацией (34,2%), небольшой процент опрошиваемых затрудняется дать какой-либо ответ (3,2%).

Концепт «страна» находится в центре внимания большинства опрошиваемых. В связи с этим под «патриотом» понимается человек, который любит свою страну, гордится ею, готов за нее сражаться и умереть, отстаивает ее интересы. По мнению респондентов, деятельностное выражение любви к своей стране проявляется через ряд поступков, способствующих ее процветанию. Лексемы и словосочетания, употребленные по отношению к концепту «страна», объединены общим смыслом любви, заботы и защиты: *admire* (восхищаться), *believe in* (верить), *be with* (быть (со страной)), *care* (заботиться), *do good things for* (делать добрые дела), *fight for* (сражаться за), *help out* (помочь в затруднительном положении), *live for* (жить для), *love* (любить), *make it a better place* (улучшать), *respect* (уважать), *save* (спасти), *serve and protect* (служить и защищать), *show appreciation* (выразить благодарность), *stand up for* (защищать), *value the rights* (ценить права). Одним словом, патриот готов сделать что угодно для своей страны – *a person who will do anything for their country* и защищать ее интересы независимо от того, как расцениваются ее действия – *stand up for their country regardless of what it does*.

Анализ интерпретации концепта «патриот» позволяет выстроить иерархию «личность – общество – страна – человечество», в рамках которой респондентами мыслится данный концепт. На личностном уровне для патриота важно верить в себя и в значимость своей национальной идентичности: *[A patriot is someone] who believes in themselves and the importance of their nationality* (анкета №121, школьница, 16 лет). Отстаивание лич-

ных интересов оказывается таким же важным, как и защита интересов страны: *[A patriot is] any person who stands up for his country and what they believe in* (анкета №102, школьница, 16 лет). Как член общества, патриот проявляет добропорядочное отношение к другим людям: *[A patriot is the one] helps someone no matter how small it is* (помогает ближнему независимо от значимости поступка) (анкета №24, школьница, 13 лет). Патриотичным считается не только любить свою страну, сражаться за нее, восхищаться ею или просто «жить для нее», но и также критиковать действия правительства.

Среди самых распространенных действий патриота стремление бороться, сражаться и воевать за свою страну – *to fight for one's country* (10%), а точнее за ее свободу: *[A patriot is] a person that is willing to fight for its freedom* (анкета №38, школьник, 14 лет). Для 7% респондентов в одинаковой степени важно пойти на жертвы и оказать поддержку своей стране. Одними из главных характеристик патриота выступают гордость (10%) и любовь (7%) к своей стране, которые некоторыми респондентами используются в сочетании с лексемами *strong* (сильный) и даже *extreme* (чрезмерный).

Данный вопрос анкеты неизбежно способствует тому, что в сознании опрошенных происходит разделение концепта «страна» на концепты «любая страна» и «Америка». Это становится очевидным благодаря использованию респондентами выражения *our country* (наша страна) и имени собственного *America* (Америка). В таком случае патриот готов на все только ради Америки: *[A patriot is] a person who will do anything for America* (анкета №31, школьник, 13 лет), *anyone with pride in our country* (любой, кто гордится нашей страной) (анкета №81, школьница, 15 лет) и верит только в американцев: *someone who believes in Americans* (анкета №17, школьница, 13 лет). Трактовка патриота как гражданина Соединенных Штатов, любящего свою страну и делающего все, чтобы ей помочь, – *a citizen of the US who tries their best to help and loves this country* (анкета №56, школьница, 14 лет), определенным образом суммирует предыдущие ответы. Логично предположить, что в сознании многих носителей языка такое определение станет устойчивым: «патриот – это гражданин Соединенных Штатов». Глобальность «американского» концепта «патриот» проявляется в причислении к патриотам всех американцев, отдающих дань уважения государственному флагу и стране: *everyone [is a patriot] because we all respect our flag and*

our country (анкета №35, школьница, 14 лет). Обнадеживающе звучит ответ, в котором не только патриоты-американцы способны проявлять любовь к своей стране: [*A patriot is] someone who is from not necessarily America that shows love for their country every day* (анкета №22, школьница, 13 лет).

Языковые единицы *our* (наш / наша), *America* (Америка), *Americans* (Американцы), *Constitution* (Конституция), а также ставшее прецедентным слово *ideals* (идеалы), употребляемое по отношению к принципам, зафиксированным в Конституции США, лексемы *red, white, blue* (красное, белое и голубое) (цвета американского флага – Е.Д.) и словосочетание *Revolutionary War* (Война за независимость) свидетельствуют о специфичности понимания универсального концепта «патриот» представителями американского лингвокультурного пространства.

Американская языковая специфика проявляется и в трактовке патриота как определенного субъекта или субъектов. Все респонденты характеризуют патриота как любого человека, индивида, гражданина, действующего в интересах своей страны. Однако гораздо важнее оказываются ассоциации патриота с конкретной личностью или группой людей.

Конкретизируя концепт «патриот», респонденты задействуют компоненты национального дискурса, относящиеся к военной, государственной, политической, спортивной, бытовой сферам. Патриотом, в первую очередь, считается президент США Дж. Буш младший за то, что «пытается держать страну под контролем после трагедии 11 сентября» (*for trying to keep the country under control after September 11*) (анкета №61, школьник, 14 лет). В американском патриотическом дискурсе концепты «патриот» и «президент» стали тождественными. Настоящими патриотами считаются военнослужащие (*army soldiers, the military*) и люди, отдающие свои жизни в войнах и сражениях за Америку и ее процветание: [*A patriot is] someone who has fought and done something that has changed America for the better* (анкета №92, школьница, 15 лет). Не меньшую роль в патриотическом дискурсе играют ветераны, которые участвовали в решающих для независимости Америки войнах, и «отцы-основатели», составители Декларации независимости. В период после 11 сентября респонденты выделяют не только американских солдат, которые несут службу в странах Ближнего Востока, но пожарных и полицейских, которые активно помогают в ликвидации последствий террористического акта «на домашнем фронте». На личностном

уровне патриотом может считаться родственник, отдавший жизнь во Вьетнамской войне (анкета №129, школьник, 17 лет).

Локальный патриотизм юных респондентов проявляется в причислении к патриотам игроков одноименной команды Новой Англии по американскому футболу (*New England Patriots*) и всех жителей Новой Англии, северо-восточной части США, откуда родом большинство опрашиваемых. Причем, сочетание патриотического и спортивно-игрового дискурсов не имеет гендерных различий: как юноши, так и девушки отдают одинаковое предпочтение любимой футбольной команде.

Несмотря на юный возраст, некоторые школьники выносят резкие оценочные суждения в адрес своих соотечественников. Так, патриот должен проявлять свои чувства к Америке истинной любовью, гордостью, борьбой за свою страну, но не демонстрацией наклеек в виде государственного флага США на бампере своего автомобиля: *[A patriot is] not someone with a flag bumper sticker that only has it on their car because it is the right thing to do* (анкета №13, школьница, 13 лет). В то же время признается, что сегодня в США не так уж и много истинных патриотов: *Today's world in the United States lacks actual patriots. Instead we have only left a shell of what a patriot should be, a memory* (Сегодняшней Америке не хватает настоящих патриотов; осталась лишь оболочка, воспоминание о том, кем должен быть настоящий патриот) (анкета №29, школьница, 13 лет).

Вопрос ***Why or why not do you consider yourself a patriot?*** (Почему вы считаете или не считает себя патриотом?) мы задали с целью определить позицию самих респондентов в патриотическом дискурсе. Полученные данные свидетельствуют о том, что 70% респондентов считает себя патриотами Америки, 18% думают, что не достойны ими называться, 4,5% считает себя таковыми лишь отчасти, 4,5% затрудняется ответить, 3% респондентов оставили данный вопрос без ответа.

Основная часть респондентов интерпретирует свои действия и отношения в контексте функций патриота в универсальном смысле: *[I consider myself a patriot because I] love my country* (Я считаю себя патриотом, потому что люблю свою страну), *support my country* (оказываю поддержку своей стране), *am willing to fight/to die for my country* (готов сражаться/умереть за свою страну), *show pride in my country* (горжусь своей страной), *believe in my country* (верю в свою страну/доверяю своей стране), *respect my country* (уважаю свою страну).

Причины, по которым респонденты считают себя патриотами, следующие: 1) привязанность к месту жительства, желание жить только в Америке; 2) гордость за свою национальную идентичность; 3) почтительное отношение к флагу, стране и людям; 4) чувство долга перед страной; 5) чувство долга перед обществом; 6) желание сражаться и умереть за свою страну; 7) вера в национальные ценности и личные права.

При рассмотрении данного вопроса наибольший интерес представляют реакции, в которых респонденты затрудняются назвать себя патриотами, а также те, на которые дается ответ «да и нет». Отрицательные ответы были даны по следующим причинам: 1) отсутствие возможности сражаться и отдать жизнь за свою страну; 2) неспособность сделать что-либо значительное для страны или оказать ей помощь; 3) отсутствие чувства гордости по отношению к своей стране; 4) несогласие с действиями американского правительства и критика чрезмерного проявления патриотизма; 5) формальный подход к национальным символам; 6) ограничения по возрасту; 7) сдержанность чувств; 8) особенности личного мировоззрения и поведения.

Причины двойственного восприятия концепта «патриот» во многом схожи с перечисленными выше. Категории «отчасти» и «затрудняюсь ответить» находятся в равных отношениях. С одной стороны, респонденты утверждают, что гордятся своей страной и дарованными им свободами, с другой признают, что своими действиями, а, точнее, их отсутствием, не заслужили называться патриотами: *I do and I don't. I love my country and take pride in being an American, but haven't really done anything to be considered a «patriot»* (анкета №92, школьница, 15 лет). Есть подростки, которые не осознают сущность концепта «патриот»: *I am not sure, there are many definitions of a [word] patriot* (я не уверена, у слова «патриот» много толкований) (анкета №76, школьница, 15 лет) или же рассматривают его в широком и узком смыслах. Высокая степень сомнения проявляется и в рассуждении о способности защитить свою страну, когда преобладает чувство страха перед ужасами войны: *I don't know if I would be the first person to jump up and go to war. I'd be scared* (Я не знаю смог бы оказаться в числе первых, чтобы пойти на войну. Я бы испугался) (анкета №132, школьник, 18 лет). Некоторые респонденты признают, что еще не до конца осознали роль Америки в мире, и поэтому им сложно выразить какое-либо мнение.

Задавая вопрос ***Are there patriots in other countries?*** (Есть

ли патриоты в других странах?), мы прослеживаем то, как респондентами мыслится концепт «патриот» в целом: оказывается ли он «замкнутым» в исключительно американском лингвокультурном пространстве, или же носители языка признают его глобальную общечеловеческую природу.

Прежде всего, в группу коммуникативно-некомпетентных респондентов, то есть отрицающих или сомневающих в существовании патриотов в других странах, входят школьники в возрасте от 13 до 16 лет. Респонденты старше 17 лет единогласно дают положительные ответы, зачастую сопровождая их пояснениями. В таблице показано процентное соотношение реакций опрашиваемых: Таблица 1

Есть ли патриоты в других странах

Да	Нет	Возможно	Не знаю	Без ответа
84%	6%	6,4%	2,6%	1%

Многие положительные ответы вызывают интерес своей неординарностью. Они мотивированы тем, что 34% респондентов мыслят концепт «патриот» исключительно в рамках американского патриотического дискурса. Такой подход отразился в неправильном понимании респондентами самого вопроса, который они восприняли как «Есть ли американские патриоты в других странах?» В результате получены следующие ответы: *Yes, because some people could have moved from the U.S. to another country* (Да, потому что некоторые могли переехать из США в другую страну) (анкета №25, школьница, 13 лет); *Yes, but they are soldiers from the U.S. or people that are loyal to their country* (Да, но они американские солдаты или те, кто предан своей стране) (анкета №42, школьник, 14 лет). Причину такого концептуального дуализма можно усмотреть в национальном эгоцентризме и чрезвычайной мобильности, как одних из доминантных черт американского менталитета, которые верно подмечает Г.Д. Гачев, рассуждая об особенностях национальных менталитетов русских и американцев: «Американец – всеприживающийся, в отличие от пуповинно-вросшего в землю свою русского [...] Американцу *ubi bene ibi patria* (где хорошо – там родина). Русскому же *ubi patria ibi bene* (где родина – там хорошо)» [Гачев 1997: 97].

Интеллектуальная ограниченность некоторых носителей языка подтверждается словами одного из школьников: *Patriot is an American term, but if someone is on a trip elsewhere, then it is so* (Патриот – это американское понятие, но, если человек путешествует по другим странам, то его тоже можно считать патриотом)

(анкета №61, школьник, 14 лет). Около 5% респондентов предполагают, что другие народы имеют отличное от «американского» звуковое и смысловое обозначение концепта: *Yes, except they are not called patriots* (Да, но они не называются патриотами) (анкета №28, школьница, 13 лет).

В целом, интерпретация концепта «патриот» большинством носителей языка не отличается от его традиционной трактовки. Осмысление концепта как исключительно американского феномена объясняется некоторыми доминантными чертами национального менталитета и ценностными установками, принятыми в данном лингвокультурном пространстве: замкнутостью на интересах и проблемах внутри страны, почитанием ключевых символов национального дискурса, а также восприятием трагедии 11 сентября в глобальном масштабе. Концепт «патриот» рождает ассоциации с конкретной личностью или группой людей. Таким образом, респонденты определяют роль той или иной фигуры в патриотическом дискурсе на личностном, локальном и национальном уровнях. Особенности национального менталитета способствуют тому, что в американской картине мира ставится знак равенства между концептами «патриот» и «американец». Подобное сращение объясняется не только этноцентризмом и некоторой интеллектуальной ограниченностью, но и влиянием глобализации, стремлением видеть мировое сообщество сквозь призму идеалов и принципов, на которых основано американское государство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Америка в сравнении с Россией и Славянством. – М.: Паритет, 1997. – 680 с.

© Декленко Е.В., 2006

Докучаева Р.М.

Коми

О СМЫСЛОВЫХ МОДЕЛЯХ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ ОДНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА

Политическая коммуникация, будучи одной из ведущих сфер общения, привлекает внимание не только самих политиков, граждан, но и исследователей. Исследователи выделяют три основных способа политической коммуникации: а) коммуникация через СМИ, б) коммуникация через организации, в) коммуникация через неформальные контакты. Независимые СМИ обеспе-

чивают население достоверной и актуальной информацией, участвуют в формировании и выражении общественного мнения, способствуют эффективности диалога между различными социальными группами. Считается, что СМИ играют роль своеобразных арбитров в политических баталиях, в том числе с участием известных политиков [Брицкий 2001: 103].

По мнению С.Г. Климовой и Т.В. Якушевой, люди составляют мнение, как правило, не о самом политике, а о его образе, предлагаемом СМИ [Климова, Якушева 2000: 66]. Представить образ политика журналистам, исследователям помогают проводимые опросы, интервью, мониторинги общественного мнения, тестирование, круглые столы, др. При поддержке того или иного политика определяющую роль играют бессознательные факторы его восприятия. «Фиксируемые в результате тестирования проявления внутренней психологической структуры лидера являясь мини-образами бессознательных тенденций, действующих в глубинах его психики и детерминирующих многие аспекты его социально-политической деятельности» [Шелекасова 2000: 130]. Так, исследуя бессознательные факторы восприятия россиянами Президента РФ, ученые использовали метод ассоциации образа Путина с животными, цветами и запахами [Шестопал, Пищева, Гикавый, Зорин 2004: 20].

Особого внимания исследователей заслуживают глубинные тенденции в восприятии обществом ведущих политиков, например: представления россиян об образе «идеального» президента, в том числе на фоне актуальных проблем электората; оценка россиянами деятельности Путина как президента РФ, степень влияния президента на ситуацию в стране.

Образ Президента РФ представляют как российские СМИ, так и СМИ региональные. Например, еженедельник «Зырянская жизнь», издаваемый в Республике Коми (далее – РК), предлагает выразить свое отношение к Президенту Путину и его инициативам. Газета сообщает, что в телеграмме, направленной 7 октября на имя Президента России, Глава РК Владимир Торлопов поздравил Владимира Путина с 52–летием и пожелал ему здоровья и уверенности в осуществлении инициатив. Далее следует вопрос: «ВЫ БЫ ЧТО ПОЖЕЛАЛИ ГОСПОДИНУ ПУТИНУ?» (ЗЖ 11.10.2004). В другом номере ЗЖ пишет: «Президент России Владимир Путин выступил с инициативой об отмене принципа избираемости глав субъектов РФ путем всеобщего голосования жителей регионов. Господин Путин считает, что избирать

их должны законодательные собрания регионов по его предложению. ГОСПОДИН ПУТИН ВЫБЕРЕТ ЛУЧШЕ НАС?» (ЗЖ 20.09.2004). Предлагает определить эффективность одной из инициатив Президента Путина также еженедельная газета «Молодежь Севера» (далее МС), издаваемая в РК.

– Президент Путин на очередном заседании Госсовета в Калининграде высказался за введение государственной монополии на производство спирта, поскольку ежегодно от употребления некачественной алкогольной продукции гибнет около 40 тысяч человек. ПОМОЖЕТ ЛИ ЭТА МЕРА ПРЕСЕЧЬ ПРОИЗВОДСТВО «ПАЛЕННОЙ» ВОДКИ? (МС, 07.07.2005).

Побудительная функция, функция воздействия на адресата, как и в других жанрах данной сферы общения, реализуется и в политическом мониторинге, хотя предпочтительно косвенными средствами. Выказывание коммуникатора (адресанта) в этом жанре направлено не только на то, чтобы его смысл стал достоянием адресата, но и сигналом-побуждением к реакции на текущую коммуникативную ситуацию.

Нас интересуют смысловые модели высказываний в одном из политических мониторингов, опубликованном в газете «МС».

Феномен смысла ученые ассоциируют и со словом как языковой единицей (Ю.Д. Апресян, Е.В. Падучева, Г.И. Кустова, Е.В. Рахилина, Н.Ю. Шведова, Е.В. Урысон, Е.Ю. Яценко, Г.А. Золотова, Н.С. Валгина, А.Л. Новиков, М.Ю. Федосюк; И.Н. Горелов, К.Ф. Седов) и с предложением (Н.Д. Арутюнова, Е.Н. Соловьева, В.А. Белошапкина, Н.Л. Шубина).

Смыслы-слова, смыслы-предложения, создавая смысловое пространство, презентуются в языке высказыванием. Формирует смысловое поле высказывания взаимодействие данных смысловых компонентов [Мельчук 1974: 438]. Смысловые компоненты при этом соотносятся с субъектом и объектом, их свойствами, статусом и функцией; действиями и состояниями, отношениями; с пространственно-временным континуумом. Так, в качестве «участников» создания смыслового пространства могут выступать глагольные лексемы восприятия, перемещения, др. [Дочкаева 2004: 99].

Ассоциируется феномен смысла, прежде всего и в большей степени, с текстом. Текст, по мнению Н.С. Валгиной, представляет собой объединенную по смыслу последовательность вербальных (словесных) знаков, основными свойствами которой являются связанность и цельность [Валгина 2004: 12]. Смысло-

вое объединение словесных знаков в тексте органично реализуется в процессе коммуникации. В сфере собственно коммуникации, – считает Н.Ю. Шведова, – создаются сложные смысловые целостности благодаря взаимодействию смыслов. М.Ю. Лотман замечает, что текст ведет себя подобно личности, т.е. выступает активным участником общения благодаря своей смыслообразовательной способности. Опираясь на коммуникативную функцию языка, О.Л. Каменская отмечает, что термин «смысл» целесообразно использовать лишь по отношению к реципиенту: смысл – «воспринятая реципиентом семантика» [Каменская 1990: 40]. При этом «речевой акт рассчитан на определенную модель адресата» (Н.Д. Арутюнова). Удовлетворение пресуппозиции адресата одно из важнейших условий эффективности коммуникативного акта, свидетельство совпадений не только базовых знаний о мире, смысловых установок коммуникатора и реципиента, но и смысловых моделей их речевых высказываний [Докучаева 2003: 35].

В данной статье мы делаем попытку ответить на следующие вопросы: в чем состоит специфика смысловых моделей высказываний субъекта (коммуникатора) и объекта (адресата) в одном из политических мониторингов, опубликованном в тридцатом номере «МС» от 28.07.2005, как соотносится смысловая структура этих высказываний.

Заметим, что функцию субъекта выполняет коллективный коммуникатор – сама газета «МС», функцию адресата выполняют депутат Госсовета РК, уполномоченный по правам человека в РК, председатели общественных движений, политических партий, др. Высказываниям адресатов в мониторинге предшествует вводка – высказывание субъекта (коммуникатора). Роль субъекта речевого высказывания состоит в том, чтобы ввести в интерпретацию данной коммуникативной ситуации информацию, смыслы, которые станут для объекта мотивом совершения действия, необходимого субъекту [Денисюк 2004: 178].

Представим речевое высказывание субъекта и смысловую структуру этого высказывания.

– На прошлой неделе на встрече с правозащитниками Президент Путин заявил, что не допустит финансирования из-за рубежа политической деятельности в Российской Федерации. Однако федеральное законодательство уже запрещает пожертвования политическим партиям от иностранных граждан и государств, но многие правозащитные организации получают гранты

из-за рубежа. ТАК ЧЕГО ЖЕ ДОБИВАЕТСЯ ПРЕЗИДЕНТ?

Смыслы, вводящие информацию в интерпретацию данной коммуникативной ситуации.

1. "Президент Путин считает, что правозащитная деятельность является аналогичной деятельности политических партий". Презентуется данный смысл следующими ключевыми лексемами, сочетаниями лексем: Президент Путин заявил, правозащитники, политическая деятельность. Заявить – сообщить о чем-либо (в административные органы), в данном случае сообщить общественной организации (МАС).

2. "правозащитная деятельность финансируется из-за рубеж» Презентуется данный смысл предикативным блоком: правозащитные организации получают гранты из-за рубежа. Гранты – один из способов поощрения в денежном выражении (МАС). Из-за рубежа – из заграницы, а не из России.

3. "финансирование деятельности правозащитных организаций из-за рубежа противоречит федеральному законодательству" Презентуется указанный смысл предикативными составляющими, построенными по принципу структурного параллелизма: Президент Путин не допустит финансирования политической деятельности из-за рубежа. Федеральное законодательство уже запрещает пожертвования политическим партиям от иностранных граждан и государств. В составе предикативных составляющих функционируют лексемные блоки, связанные ассоциативно: Президент Путин, федеральное законодательство; связанные синонимическими отношениями в условиях контекста: не допустит финансирования, запрещает пожертвования; метонимическими отношениями: политическая деятельность, политические партии; из-за рубежа, от иностранных граждан и государств.

4. "инициатива Президента Путина имеет определенную цель, которая неизвестна субъекту" Указанный смысл презентуется имплицитно.

Смыслам, вводящим информацию в интерпретацию данного общения, противопоставлен коммуникативный смысл: цель иницируемого Президентом Путиным политического акта известна объекту, и объект сможет проинформировать об этом субъекта. С помощью коммуникативного смысла, по мнению Е.В. Денисюк, субъект определяет и аргументирует его и свои коммуникативные характеристики, характеристики обстановки взаимодействия.

Представим высказывания адресатов и смысловую структуру этих высказываний.

Высказывание 1.

– Составители доклада Президента явно что-то перепутали. Не надо путать политические партии с общественными организациями. Правозащитники работают на добровольных началах и только в самых редких случаях получают какие-то гранты из-за рубежа. Но, видимо, в аппарате Президента имеют смутное представление о правозащитных организациях. Что, на мой взгляд, неправильно. Государство должно больше внимания уделять правозащитникам, и тогда им не потребуются помощь из-за рубежа.

Смыслы, вводящие информацию в интерпретацию данной коммуникативной ситуации.

1. "правозащитная организация – организация общественная"

2. "деятельность этих организаций могла бы систематически финансироваться из-за рубежа, так как этого не делает государство"

3. "необходимость реализации инициативы Президента Путина не имеет никаких оснований"

Высказывание 2.

– Убеден, что к правозащитным организациям высказывание Путина не относится. Поэтому финансирование от разных неправительственных фондов и даже государств не прекратится.

Смыслы, вводящие информацию в интерпретацию данной коммуникативной ситуации.

1. "правозащитные организации – организации общественные"

2. "финансировать эти организации необходимо"

3. "инициатива Президента Путина является несостоятельной"

Высказывание 3.

– Господин Путин уже всего добился по укреплению своего политического режима, ведущего к тоталитарному контролю и свертыванию дискуссии в обществе. Последние его высказывания – это уже заключительный аккорд, клятвенное заверение в том, что он не свернет с избранного им пути. Надо быть готовым к тому, что пропасть между властью и обществом будет увеличиваться

Смыслы, вводящие информацию в интерпретацию данной коммуникативной ситуации.

1. "инициатива Президента Путина не является конструктивной для развития демократических тенденций в России".

2. "инициатива Президента Путина могла бы способствовать укреплению позитивных отношений между властью и обществом".

Высказывание 4.

– Дело в том, что в цивилизованных странах есть четкая граница между политической и неполитической деятельностью. Но в авторитарном режиме, который создал Владимир Владимирович Путин, область политики настолько расширена, что даже нынешнюю ситуацию с воркутинской правозащитницей Людмилой Жоровлей можно считать политикой. То есть у нас недемократическое государство и всякая деятельность, которая не нравится власти, может попасть в категорию политики. А со стороны Путина – это очередной наезд на правозащитное движение.

Смыслы, вводящие информацию в интерпретацию данной коммуникативной ситуации.

1. "Россия – страна нецивилизованная, поэтому в ней не разграничиваются политическая и неполитическая деятельность, а правозащитная деятельность квалифицируется как политическая".

2. "правозащитная деятельность не устраивает власть".

3. "инициатива Президента Путина – это свидетельство неприятия правозащитной деятельности".

Высказывание 5.

– Общественные организации не должны заниматься коммерческой деятельностью, так как природа общественных организаций иная, чем у партий. Более того, лично я не знаю примеров финансирования международными фондами НПО. Другое дело, что сегодня при желании под политику подвести можно все. Позиция Путина может обернуться борьбой с организациями, неудобными и неприятными для властей и чиновников, но нужными обществу и людям.

Смыслы, вводящие информацию в интерпретацию данной коммуникативной ситуации.

1. "правозащитные организации – организации некоммерческие, общественные, поэтому они не финансируют себя"

2. "Президент Путин считает правозащитные организации политическими организациями",

3. "правозащитные организации не финансируются международными фондами"

4. "инициатива Президента Путина носит деструктивный характер, так как она не стимулирует деятельность правозащитной организации"

Высказывание 6.

– А он добивается очень правильной цели, потому что тот, кто заказывает музыку, тот и девочку танцует. Правозащитные организации не должны финансироваться ни зарубежными фондами, ни государствами. Иначе они не будут независимыми.

С другой стороны, любая организация не может существовать без средств – необходимо оплачивать аренду помещения, связь; деньги нужны на элементарные нужды, те же канцпринадлежности. И вот эти расходы должен оплачивать бюджет. Если организация зарегистрирована в Минюсте, она представляет смету расходов, которые затем и возмещает государственная казна. Но это должно быть полностью независимое финансирование, чтобы никакой чиновник влиять и оказывать на правозащитников какое-либо влияние.

Смыслы, вводящие информацию в интерпретацию данной коммуникативной ситуации.

1. "правозащитная организация – организация общественная, независимая, поэтому она не должна финансироваться в соответствии с федеральным законодательством".

2. "правозащитная организация – организация некоммерческая, поэтому она должна финансироваться из казны государства при определенных условиях, не противоречащих федеральному законодательству".

3. "Президент Путин добивается, чтобы статус правозащитной организации в области финансирования соответствовал федеральному законодательству"

Сравним смысловую структуру высказываний участников данной коммуникативной ситуации и представим результаты нашего сравнения в приведенной ниже таблице.

Субъект (коммуникатор)	Адресат
1. "Президент Путин считает, что правозащитная деятельность является аналогичной деятельности политических партий"	"Правозащитная организация – организация общественная" "Правозащитная организация – организация общественная" "правозащитная организация – организация неполитическая"

	<p>"Правозащитная организация – организация неполитическая"</p> <p>"Правозащитная организация – организация общественная, некоммерческая, поэтому она не финансирует себя"</p> <p>"Правозащитная организация – организация общественная, независимая, поэтому она не должна финансироваться в соответствии с федеральным законодательством"</p>
<p>2. "правозащитная деятельность в России финансируется из-за рубежа"</p>	<p>"Правозащитная деятельность не финансируется из-за рубежа, за исключением некоторых грантов"</p> <p>"Финансировать правозащитную деятельность необходимо"</p> <p>Нет реакции на заявление Президента</p> <p>"Правозащитная деятельность финансируется из-за рубежа, так как эта деятельность некоммерческая"</p> <p>"Правозащитная деятельность должна финансироваться из казны государства при определенных условиях, не противоречащих федеральному законодательству"</p>
<p>3. "финансирование деятельности правозащитных организаций из-за рубежа противоречит федеральному законодательству"</p>	<p>Финансирование деятельности правозащитных организаций из-за рубежа противоречит федеральному законодательству</p> <p>Финансирование деятельности правозащитных организаций из-за рубежа не противоречит федеральному законодательству</p> <p>Смысловой компонент нулевой</p> <p>Финансирование деятельности правозащитных организаций из-за рубежа не противоречит фе-</p>

	деральному законодательству Смысловой компонент нулевой Финансирование деятельности правозащитных организаций из- за рубежа противоречит феде- ральному законодательству
4. "инициатива Президента Путина имеет определен- ную цель, которая неиз- вестна субъекту (коммуни- катору)"	"Необходимость реализации инициативы Президента Путина не имеет никаких оснований" "инициатива Президента Путина является несостоятельной" "инициатива Президента Путина могла бы способствовать укреп- лению позитивных отношений между властью и обществом" "инициатива Президента Путина не является конструктивной в контексте развития демократиче- ских тенденций в России" "инициатива Президента Путина свидетельствует о нежелании власти финансировать правоза- щитную деятельность" "инициатива президента Путина носит деструктивный характер, так как она не стимулирует дея- тельность правозащитной орга- низации"

Сравнительный анализ смысловой структуры высказываний участников коммуникативной ситуации показал, что смысловые модели высказывания адресатов определенным образом детерминируются смысловой моделью высказывания субъекта (коммуникатора).

Детерминированными полностью оказались те смысловые модели высказываний адресатов, которые соотносились с такими составляющими смысловой структуры высказывания субъекта (коммуникатора):

а) "Президент Путин считает, что правозащитная деятельность является аналогичной деятельности политических партий," при этом составляющие смысловой структуры высказываний адресатов имеют альтернативную смысловую загрузку

ность;

б) инициатива Президента Путина имеет определенную цель, которая неизвестна субъекту (коммуникатору), при этом составляющие смысловой структуры высказываний адресатов приобретают негативно-оценочный характер (инициатива Президента Путина является несостоятельной, ...не является конструктивной в контексте развития демократических тенденций в России, инициатива Президента Путина носит деструктивный характер, так как она не стимулирует деятельность правозащитных организаций и др.).

Детерминированными частично оказались те смысловые модели высказываний адресатов, которые соотносились с такими составляющими смысловой структуры высказывания субъекта (коммуникатора);

а) правозащитная деятельность в России из-за рубежа, при этом составляющие смысловой структуры высказываний адресатов разнообразные (финансировать эту деятельность необходимо, она должна финансироваться из казны государства при определенных условиях, не противоречащих федеральному законодательству, правозащитная деятельность не финансируется из-за рубежа, за исключением некоторых грантов и др.);

б) финансирование деятельности правозащитных организаций из-за рубежа противоречит федеральному законодательству и др.

Степень загруженности смыслом исследуемых моделей в высказываниях адресатов мотивируется не только полным или неполным совпадением смысловых установок участников данной коммуникации, но и соотносённостью каждого адресата с политическим пространством: так, авторами наиболее загруженных смысловых моделей высказываний оказались уполномоченный по правам человека в РК, депутат Государственного Совета РК, председатель движения «За социальную справедливость». Авторами менее загруженных смысловых моделей оказались председатель общественной организации «Защитим себя» и председатель коми генеалогического общества «Древо рода».

Таким образом, исходной позицией для создания исследуемых смысловых моделей в указанном жанре является коммуникативная ситуация, предполагающая: наличие участников коммуникации, наличие политического пространства, в котором функционирует коммуникативный акт, «бытие» субъекта и объ-

екта в одном и том же политическом пространстве. Отличие исходной позиции смысловых моделей высказываний адресатов заключается в том, что они детерминированы смысловой структурой высказывания субъекта (коммуникатора).

ЛИТЕРАТУРА

1. Валгина Н.С. Теория текста. – М., 2004.
2. Докучаева Р.М. Об одной смысловой модели // Проблемы лингвистического образования. Материалы IX Всероссийской конференции и актуальные проблемы филологического образования: «наука – вуз – школа». Ч.1. – Екатеринбург, 2003.
3. Докучаева Р.М. Репрезентация смыслового пространства глагольными лексемами // Символ в системе культуры. Символические миры. Знаковые системы. Сборник научных статей, – Сыктывкар, 2004.
4. Каменская О.Л. Текст и коммуникация. – М., 1990.
5. Климова С.П., Якушева Т.В. Образы политиков в представлениях россиян // Политические исследования, 2000, №6.
6. Мельчук И.А. Об одной лингвистической модели типа «смысл – текст» // Уровни представления языковых высказываний. – Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1974, №5.
7. Оценка личностных качеств российских политических лидеров: проблемы измерений и интерпретации. Круглый стол // Политические исследования. 2001, №1.
8. Шелекасова Н.П. Бессознательные аспекты имиджа политического лидера // Политические исследования, 2000, №4.
9. Шестопал Е.Б., Пищева Т.Н., Гикавый Е.М., Зорин В.А. Образ В.В.Путина в сознании российских граждан // Политические исследования, 2000, №3.

© Докучаева Р.М., 2006

Куданкина О.А.

Кемерово

РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ (на материале российских СМИ)

Данная работа выполнена в русле лингвокультурологической проблематики, которая активно разрабатывается в последние годы. В русском языке, в условиях кардинальных политических и социально-экономических изменений на протяжении XX века, тема контактов между Германией и Россией открывает возможности для глубокого анализа в разных аспектах. Культура другой страны всегда воспринимается через призму своих национальных ценностей и особенностей характера. Для носителей рус-

ского языка характерно противопоставление, выражаемое посредством местоимения «наш», с одной стороны, и различных слов со значением «не наш», с другой. Отграничение «своего» от «чужого», «другого» создает своеобразие и необходимую ограниченность каждой культуры. По словам М.В. Воронцовой, «воспринимая чужую культуру в сравнении со своей собственной, мы, конечно, даем определенную интерпретацию этой чужой культуре, «измеряем» чужое через призму нам уже хорошо известного и пережитого, того, что существует в нас порой на неосознанном уровне, т.е. через призму своей собственной культуры» [Воронцова 1998: 74]. Позиция «свой – чужой» помогает увидеть, с одной стороны, себя, а с другой стороны, интерпретировать, правда, не всегда с объективной точки зрения, чужую культуру. В настоящее время активно разрабатываются исследования по восприятию одного народа глазами другого на материале русского языка (см. работы О.Г. Орловой, О.А. Куданкиной, О.А. Урусовой).

Материалом исследования послужили синтаксические конструкции с семантикой сравнения, собранные методом сплошной выборки из центральной российской периодики. Период изучения газетных публикаций охватывает 1998-2005 годы; за это время произошло много событий, важных как для российской, так и для немецкой действительности. Явления из жизни Германии широко и достаточно регулярно освещаются в центральных российских газетах.

О том, что носители русского языка оценивают реалии из жизни Германии и / или немцев, свидетельствует не только собранный для исследования фактический материал (фрагменты газетных публикаций), но и русские пословицы. Например: *Русский немцу задал перцу; Что русскому – здорово, то немцу – смерть; Немец своим разумом доходит, а русский – глазами; Немец хитер: обезьяну выдумал* [Даль 1997].

Изучение Германии и России на материале публицистических текстов представляется полезным и важным для понимания процессов социального познания. Периодическая печать – один из источников информации при получении новых знаний. Влияние газеты неуклонно и чрезвычайно быстро растет, «захватывая, наряду с двумя новыми, но столь же могущественными средствами массовой коммуникации, – радио и телевидением, миллионы и миллионы людей. (...) газета – не только важнейший источник информации, но и мощное средство убежде-

ния и воспитания масс, коллективный агитатор, пропагандист и организатор» [Костомаров 1999: 9].

Основной целью СМИ, в том числе российской периодики, является передача информации. Основу информации в СМИ составляют сообщения о фактах и комментарии или оценки. В идеале СМИ должны сообщать обо всех возможных фрагментах действительности. На деле объем информации всегда ограничен. Л.Ю. Буянова и В.Ю. Мезенцева отмечают, что принципиальное отличие публицистического слова заключается «в большой роли в нем эмоционального, приобретающего в рамках газетно-публицистического стиля оценочный характер» [Буянова, Мезенцева 2005: 84]. О.Г. Орлова говорит о том, что «самая первая особенность печатных СМИ, бросающаяся в глаза – это их публичность, общедоступность и общезначимость, отсюда вытекает требование стандартизированности языка» [Орлова 2005: 31]. Наше общество на данном этапе развития можно назвать «информационным обществом, так как роль информации в сегодняшнем мире настолько велика, что человек вряд ли будет чувствовать себя хорошо и сознавать себя как личность, если лишит его возможности следить за происходящими событиями у себя в стране или за рубежом» [Санцевич 2003: 62]. СМИ призваны отражать реальные события, происходящие в окружающем нас мире. Они «моментально фиксируют стремительно меняющуюся картину окружающего мира подобно гигантскому зеркалу, которое отражает все вокруг» [Добросклонская 2000: 17].

Одним из способов воздействия на читателя является прямое или косвенное выражение оценки. Как отмечают исследователи, в «прессе биполярность оценочного поля четко сохраняется. Оценочность любого журналистского произведения тяготеет к позитивной или негативной стороне» [Мартыненко 2003: 81]. «Положительное оценивание факта, события, явления наделяет описываемое явление характеристиками «своего»: за норму, идеал, положительное обществом принимается свои культурные образцы. Негативно оцениваемое наделяется характеристиками «чужого» [Орлова 2005: 33]. Объективность преподносимой информации определяется социальной значимостью факта и обезличенным отношением к нему. Оценочность выражается прежде всего в лексике: «в сравнительно большой частотности качественно-оценочных по семантике прилагательных и существительных, эмотивов, в характере метафоризации; в отборе

фразеологии; в особенностях использования синтаксических средств» [Буянова, Мезенцева 2005: 84]. По мнению Н.А. Санцевич, «СМИ предполагает не столько отражение окружающей действительности, сколько ее оценку и интерпретацию, которые способствуют созданию определенного идеологического фона» [Санцевич 2003: 72]. Оценку или оценочное отношение можно рассматривать как один из видов модальности, который сопровождает языковые выражения. Оценочная модальность – это «связь, устанавливаемая между ценностной ориентацией говорящего или слушающего и обозначаемой реалией, оцениваемой положительно или отрицательно по какому-либо основанию в соответствии со «стандартом» бытия вещей или положения дел в данной картине мира, лежащим в основе норм оценки» [Вольф 1985: 76].

Газетный материал формируется в значительной мере за счет новостийной информации. Любое событие, любая ситуация, по той или иной причине привлечшие внимание журналистов, могут быть представлены на страницах газеты. Иерархия новостей по степени важности устанавливается обычно объемом и расположением информации: наиболее существенная информация, как правило, более объемна и располагается на первой полосе.

Г.Я. Солганик в статье «О новых аспектах изучения языка СМИ» пишет о том, что в настоящее время «остро актуальными становятся такие аспекты, как язык СМИ и мышление, язык СМИ и общество, язык СМИ и культура, политика, идеология» [Солганик 2000: 32]. Далее автор описывает картину мира, создаваемую публицистикой: «современная картина мира, творимая публицистикой, дробна, фрагментарна, мозаична. Динамизм, изменчивость, по-видимому, главные ее свойства. Современная публицистика видит мир как непрерывно изменяющийся, как бы уменьшающийся в размерах» [там же: 34]. «Следует заметить, что в обществе языку СМИ традиционно отводится негативная роль. Сила и преимущество публицистики, занимающей в языке СМИ важное место, – в прямом воздействии на адресата, аудиторию. Развивая литературный язык, язык СМИ способствует и развитию культуры» [там же: 38].

Оценка может выражаться как открыто – словами «плохо», «хорошо» и их синонимами, – так и завуалировано, через модальную рамку слова, оценочные суффиксы, прагматическую рамку высказывания. Многие «прямые» оценки могут быть вос-

приняты как оскорбление. Поэтому часто авторы газетных публикаций стремятся к косвенному, как бы «смягченному» выражению оценки. В оценке слова любого языка следует принимать во внимание «и социальную значимость словесного знака, и его нормативный ранг, и даже его роль как факта и фактора культуры» [Колесов 1999: 112]. Стремление все оценить, «приписать всему определенное качество – это неотъемлемое качество русского менталитета, отражающееся и в языковом сознании, и в коммуникативном поведении русских» [Иванова 2005: 213].

Оценки могут изменяться не только от человека к человеку, но и у одного и того же человека или субъекта с течением времени. Объект, оцениваемый некоторым субъектом положительно в настоящий момент, может стать через некоторое время безразличным для него или даже отрицательным. Н.Д. Арутюнова отмечает, что для того, чтобы оценить объект, человек должен «пропустить» его через себя» [Арутюнова 1998: 181]. «Оценивается то, что нужно (физически и духовно) человеку и Человечеству. Оценка представляет человека как цель, на которую обращен мир. Ее принцип – «Мир существует для человека, а не человек для мира». Мир представляется оценкой как среда и средство для человеческого бытия. Более всего и наиболее точно оцениваются человеком те средства, которые ему нужны для достижения практических целей. Оценка целеориентирована в широком и узком смысле» [там же: 191].

Один из способов выражения оценки в газетных публикациях – сравнение. Сопоставление либо противопоставление России и Германии, по всей видимости, объясняется необходимостью оценивать «свое» и «чужое» с точки зрения определенных эталонов и норм поведения, принятых в нашей культуре. Любое сравнение состоит в уподоблении одного предмета другому на основе общности признаков.

Соотнесение тех или иных реалий немецкой и российской действительности представлено в публицистике различными языковыми средствами (морфологическими, синтаксическими). К морфологическим средствам относятся, например, предлоги: «*Немецкие общаги значительно отличаются от наших*» (Иностр. 2000 №4: 21). С помощью союза: «*Германия, конечно, хорошая страна, но рынки там еще похуже наших*» (Иностр. 04.06.02: 43).

Наряду со служебными частями речи сопоставление может выражаться с помощью глаголов (что встречается достаточно

часто): «Нельзя, разумеется, серьезно сравнивать среднее предпринимательство в Германии с его вековыми традициями и всем укладом и мелкий российский бизнес, покачивающийся на никак не крепнущих ногах» (Тр., 04.12.02, с.4); «Если сравнить экономические показатели Германии и России...» (Изв., 21.03.2001, с.3).

Отношение к происходящему в Германии может выражаться в русском языке грамматическими средствами, например, сравнительной степенью наречий, прилагательных: «Средняя продолжительность жизни в Германии на 12-14 лет выше, чем в России» (Тр., 09.10.98, с.10); «В Германии большую, чем у нас, роль играет «документ о профессии»» (Тр., 15.10.98, с.5); «Порядок в Германии чище, чем в России» (Иностр., 27.02.01, с.12); «Немецкие божьи и попрошайки буржуазнее наших» (Иностр., 12.11.98, с.7).

Сравнение России и Германии может выражаться двумя самостоятельными предложениями, следующими друг за другом. Например: «Если в России дети или родственники оформили старика в пансионат, это означает, что они хотят от него избавиться. В Германии, наоборот, многие старики мечтают о том, чтобы попасть в пансионат, и очень горды, если дети их туда пристроили» (Иностр., 04.11.98, с.43); «Германия заставляет отказаться от нашего традиционного представления о поликлинике. Большинство врачей там практикует в одиночку» (Иностр., 05.08.98, с.12). Также сравнение реализуется в русском языке в рамках сложного предложения: «Если Россия, как говорили, самая читающая страна в мире, то Германия, похоже, самая печатающая» (Иностр., 20.09.99, с.6).

Таким образом, сравнение, как один из способов выражения оценки, репрезентировано в русском языке (на материале российской периодики) различными средствами (морфологическими, синтаксическими, грамматическими). Использование сравнений обогащает публицистику, придает ей особую выразительность. В большинстве примеров в основе сравнения лежат зрительные ассоциации. Семантика высказывания в целом носит положительную окраску. Интерпретируя чужую действительность через свою, оценивая реалии Германии, носители русского языка сравнивают эту страну со своей. При сравнении чаще положительную оценку получают фрагменты из жизни Германии и немцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, собы-

тие, факт. – М.: Наука, 1988. – 388 с.

2. Буянова Л.Ю., Мезенцева В.Ю. Публицистический дискурс как аспект моделирования языковой картины мира // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: Сб. научных трудов. Вып. 2 / Отв. ред., сост. Т.В. Симашко; Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Архангельск: Поморский ун-т, 2005. – С.84-87.

3. Воронцова М.В. Немцы... Они другие...// Вестник МГУ. – Сер. 19. – Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 1998. – №4. – С. 67-76.

4. Даль В. Словарь пословиц русского народа. – М., 1984.

5. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиа-текстов. – М.: МАКС Пресс, 2000. – 288 с.

6. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985. – 226 с.

7. Иванова Г.Ф. Проблемы оценочной интерпретации действительности // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: Сб. научных трудов. Вып. 2 / Отв. ред., сост. Т.В. Симашко; Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Архангельск: Поморский ун-т, 2005. – С. 212-216.

8. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». – СПб.: Златоуст, 1999. – 368 с.

9. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. – СПб., 1999. – 320 с.

10. Мартыненко Н.Г. Оценка в журналистском тексте // Язык и власть. Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. проф. М.А. Кормилицыной. – Саратов: Саратовск. ун-т, 2003. – С. 80-87.

11. Орлова О.Г. Актуализация концепта «Russia» в американской публицистике. Дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2005. – 234 с.

12. Санцевич Н.А. Моделирование вариативности языковой картины мира на основе двуязычного корпуса публицистических текстов. Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 245 с.

13. Солганик Г.Я. О новых аспектах изучения языка СМИ // Вестник МГУ. – Серия 10. Журналистика. – 2000. – №3. – С. 31-38.

© Куданкина О.А., 2006

Орлова О.Г.
Кемерово

«ЖИТЕЛИ РОССИИ»

КАК СТРУКТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ КОНЦЕПТА «RUSSIA» (на материале дискурса еженедельника «NEWSWEEK»)

Целью настоящей статьи является описание одного из структурных компонентов концепта «RUSSIA» на материале дискурса еженедельника «NEWSWEEK» – субфрейма «жители России». В исследовании заложено представление о том, что современный медиа-дискурс не «объективно» отражает реальность, а некоторым образом моделирует её, опираясь на существующие в национально-культурном менталитете единицы – концепты. Материал исследования – американский журнал новостей (ньюсмэгэзин) – является типичным образцом окополитического медиа-дискурса и может рассматриваться в качестве источника для изучения американской картины мира в целом и в частности – представления американцев о российском народе. Ценностные представления американской культуры имеют особую значимость для современной цивилизации в связи с их повсеместной экспансией. В процессе культурной глобализации для любого современного социума жизненно важно осознавать, какие стереотипы и представления о нем, порождаемые и поддерживаемые СМИ, бытуют в сознании среднего американца.

Исходя из системного представления модели концепта, обозначим место субфрейма в его структуре. Концепт «RUSSIA» – это иерархическая система, в которой более мелкие компоненты (слоты и субфреймы) входят в более крупные (фреймы). Кроме этого, концепт «RUSSIA» отражает фрагмент мира, означенный в языке как «RUSSIA», «путем отображения его пиков» [Почепцов 1990], т.е. путем отображения наиболее актуальных его сторон. Актуализация тех или иных компонентов структуры концепта в определенном дискурсе может быть выявлена посредством статистического анализа признаков, формирующих их [см. Орлова 2005].

Субфрейм «жители России» выделяется как особая структура, отражающая неотъемлемую часть картины мира любого этноса, связанную с осознанием присутствия в мире человека как индивидуума или как группы индивидуумов. «В действительности, краеугольным камнем в дискурсе каждой культуры является

наряду с понятием «кто-то» понятие «люди». Во всех языках есть понятие «люди» и это понятие нельзя свести к простому множеству человеческих индивидов. Понятие «people» как социальная категория утвердилось в качестве неотъемлемого ком-

понента концептуализации человеком мира» [Кетесова, Маханова 1999: 40]. Действительно, прежде всего, мы люди и живем среди людей, поэтому изучение представлений о самих себе, транслируемых СМИ, и рассмотрение этих представлений в качестве концептуальных структур, в которых заключены, в том числе, и некие идеологические ценности, действительно актуально. Ведь доминирующие в обществе идеи задают «схему понимания мира для остальных членов общества, и силы данной схемы хватит не только для влияния на их образ мыслей, но и на привычки и инстинкты» [Тузиков 2001: 252].

Наиболее представленным в структуре концепта «RUSSIA» является фрейм «РОССИЯ – ГОСУДАРСТВО» (82,46%) и субфрейм «жители России» внутри фрейма (27,40%). Это можно объяснить присущей американскому менталитету идеализацией института индивидуума и индивидуализацией подходов к обучению и образованию поколений. Общество состоит из личностей, история создается яркими, талантливыми личностями. Благо общества, страны – это благо каждого отдельного индивидуума, и с этой точки зрения происходит восприятие и оценивание других народов.

Как элемент концептуальной структуры «РОССИЯ – ГОСУДАРСТВО», субфрейм представлен пирамидой, отображающей фундаментальные отношения социальных групп населения страны. Очевидно, американскому мировидению свойственно представление взаимоотношений людей внутри социальной системы именно в виде вертикальной оси, на которой «располагаются» группы от руководителя государства до населения снизу вверх по принципу подчиненности. Фрагменты дискурса американского еженедельника «Newsweek» иллюстрируют данное положение.

Так, журнал описывают *подъем* В.В. Путина к *вершинам* власти, президентства: «**Vladimir Putin's rise to the brink of the Russian presidency – he will most likely be elected overwhelmingly this Sunday – has been so swift, and so unexpected, that Washington and the rest of the world have been caught flat-footed**» (March 27, 2000 p. 16).

Бизнес-элита страны находится буквально *под* властью, руководством президента, главы государства: «**Under Putin, the country's business elite seem to be discovering the value of respectability and good manners**» (July 7, 2000 p. 20); «**Under Yeltsin, everyone got rich**» (Nov. 10, 2003 p. 32-33).

Часть россиян воспринимается американским журналом находящимися посередине вертикальной оси (ср. рус. *средний класс*), таким образом, предполагается наличие в социальной структуре государства и крайних границ (в данном случае, верха и низа): «*Now [the recent immigrants] are **middle-class Russians** who just want to try their luck in the West*» (Feb. 3, 2003 p. 33).

Место «власть и деньги имущих» России в социальной системе государства описывается с помощью лексем *upper, rise, senior, high-powered*, т. е. как высокое: «*A Lugano-based construction company, Mabetex, allegedly paid kick-backs to **senior Russian officials** in return for lucrative contracts to refurbish buildings in Moscow owned by the Kremlin*» (June 19, 2000 p.40); «*Some investigators familiar with the case believe Edwards and Berlin could provide damaging information about several **high-powered Russian banking and political figures***» (Feb. 28, 2000 p.24); «*For the host, the evening would be a pivotal one in **his (B. Berezovsky) extraordinary rise to influence** in post-Soviet Russia*» (July 31, 2000 p. 24).

Метафора *Russia's upper crust* описывает российские «сливки общества» посредством отождествления абстрактного понятия о нахождении «наверху» и конкретного (букв. *crust* – корка, твердый поверхностный слой, вещество, сконцентрированное на поверхности) (LingvoUniversal): «***Russia's upper crust** now sends its children to posh English boarding schools*» (Feb 3, 2003 p.31). Необходимо отметить, что и в русском языке устойчивое сочетание *сливки общества* образовано посредством похожей метафоры – сливки, это тот жирный верхний слой, который образуется на поверхности молока и потом *сливается*.

Дж. Лакофф и М. Джонсон описали концепт *власти* в терминах вертикальной оси 'up/down': «В терминах вертикали обладание властью – это верх, объект власти – это низ... Физический размер коррелирует с физической силой, и победитель в битве типологически «располагается» наверху» [Lakoff, Johnson 1980: 16]. Обладающий властью российский президент воспринимается носителями американского варианта английского языка как находящийся наверху, а всё, что ему подвластно – внизу, таким образом, власть – это верх. Как отмечает Т.А. ван Дейк, «понятие власти основывается на социальном неравенстве... Эта структура социальной организации известна всем членам общества, и поэтому представлена в социальных репрезентациях» [Dijk 1988: 147].

Исходя из представления о социальном неравенстве, власть в дискурсе журнала описывается как вертикаль: «*In time, the oligarch runs into trouble with **«the vertical power», as the Kremlin and its ministries are known in Russia***» (Nov. 10, 2003 p.32-33). Движение наверх связывается с пространственной вертикальной ориентацией власти: «Конечной точкой движения политических субъектов является, как правило, некая субстанция, обозначенная лексемой «верх». Наверх стремятся все политические деятели без исключения» [Санцевич 2003: 144].

Рассмотрим, как функционирует в текстах лексема *Russian* в первом словарном значении – 1.a. *one of the people of Russia; esp. The member of the dominant Slavic-speaking Great Russian ethnic group of Russia*; b. *one that is of Russian descent* (1.a. русский народ, населяющий Россию; член доминирующего русского этноса среди всех носителей славянских языков; b. русский по происхождению) [Webster's 1993: 1991]. В этом значении *Russian* фигурирует как существительное. Среди всех фрагментов текста, в которых представлена лексема *Russian* в качестве имени существительного, доминирует по представленности группа со значением «жители России» (~50%).

В качестве прилагательного *Russian* входит в состав группы словосочетаний типа 'Russian+существительное' со значением «ОБОЗНАЧЕНИЕ ЛЮДЕЙ», в которой количественно превалирует подгруппа «политики» (~50%).

В некоторых контекстах лексема *Russian* приобретает значение «военные»: «**Sonar operators** aboard three NATO subs monitoring the exercises from a discreet distance were almost deafened by the sound in their headphones. **The Russians** heard it, too» (August 28, 2000 p.25); «**The rebels** ruled the streets, yelling «Allah akbar!» («God is great!») from the rooftops and **gunning down a disputed number of Russians**» (Jan. 24, 2000 p. 42). Результаты иллюстрируют, прежде всего, сферу интересов американского журнала в российской тематике; акцентирование внимания на военной проблематике связано и с российской реальностью (война в Чечне), и со спецификой американского мировидения, для которого категория войны является одним из категоризирующих факторов явлений действительности [см. Lakoff, Johnson 1980].

Лексема *Russian* в некоторых контекстах кроме основного значения приобретает значение «представители власти»; в данном случае наблюдается метонимический перенос *жители*

страны представители страны, например: «*The Clinton-Helms feud is only a sideshow to a far more consequential debate with **the Russians** and much of the rest of the world*» (May 8, 2000 p. 26); «*If the Bush administration comes to believe **the Russians** were in cahoots with Saddam, the hardliners' goal may well come true*» (April 14, 2003 p. 5).

Большая группа фрагментов текста описывает часть россиян, в них лексема *Russian* функционирует в словосочетаниях с лексемами *many*, *million* и др.: «*It transformed nearly **20 million Russians** in the Moscow region into participants in a grand social experiment*» (Sept. 11, 2000 p. 58); «*In a country where people routinely leave televisions on almost all the time the urgency to fill the gap underscored the ambivalence **many Russians** about the medium*» (Sept. 11, 2000 p. 58). Противопоставление простых россиян и власть имущих происходит по признаку богатый/бедный: большинство россиян все глубже «соскальзывают» в бедность: «*That, he argues, is because the oligarchs have been putting their wealth and power on show **while many Russians slip deeper into poverty***» (Nov. 10, 2003 p. 32-33). В данном случае бедность концептуализируется как некое вместилище, находящееся в терминах пространственной ориентации внизу и обладающее сравнительной глубиной. В бедность не падают, а соскальзывают, т.е. беднеют достаточно медленно.

Следующая группа – обозначения *всего населения России*, при этом также происходит противопоставление простых россиян и правящей элиты, например: «*The five-month-old protest is striking a nerve among **Moscow's ruling class** and giving **ordinary Russians** intimations of an unholy alliance of power and money in the country today*» (Sept. 25, 2000 p. 31).

Население России быстро сокращается в связи со СПИДом и алкоголизмом: «*President Vladimir Putin has lamented **the «sad» decline in the Russian population**, which is expected to fall from 145 million to as little as 102 million by 2050, as birth rates and life spans drop due in part to AIDS and alcoholism*» (July 14, 2003 p. 41).

Российское население делится по половому и возрастному признакам на *мужчин и женщин и детей*: «*East European women*»; «*Russian women*»; «*a Russian guy*»; «*Russian children*».

Русским приписывается признак *не/этнических русских*, т.е. не/русских по происхождению, например: «*One of them was 10-year-old singer and composer, Alex Prior, whose **mother is***

Russian» (Feb. 3, 2003 p. 32). Так, русские делятся на этнических русских и обозначаются лексемами '1, 5 million ethnic Russians'; 'ethnic Russians'; 'Russian'. При этом особо выделяется признак *не еврей* – *non-Jewish Russians*. Но нужно отметить, что евреи бывают русскими: *Russian Jews*: «*And it is bizarre that **Russian Jews**, not the great-grandchildren of German Jews, are flocking to Germany to «rebuild» Jewish life there*» (Sept. 29, 2003 p. 21).

Русские делятся на *жителей города и деревни*: 'a Russian citizen'; 'Russian villagers'; 'a dozen Russian citizens'.

По выполняемой социальной роли русские делятся на: 'Russian voters'; 'Russian visitors'; 'Russian customers'; 'Russian students'; 'Russian pupils'; 'Russian émigrés'; 'Russian immigrants' и др. , например: «*New wave of **Russian immigrants** is partying and living large (below) in London*» (Feb. 3, 2003 p. 31).

Итак, жители России – русские – обозначаются в американском английском лексемой *Russian* (прилагательным в словосочетаниях с именами существительными, обозначающими людей, и существительным в первом словарном значении и некоторых контекстуальных). Для дискурса американского еженедельника «NEWSWEEK», представляющим собой образец дискурса масс-медиа, граничащего с политическим дискурсивным пространством, наиболее актуальными оказываются такие признаки россиянина, как его соотнесенность или несоотнесенность с миром политики, отсюда вытекает наиболее отчетливо выделяемое противопоставление россиян на простых жителей и политиков. Политическая элита России представлена в изучаемом дискурсе как находящаяся на верху социальной пирамиды. Основание пирамиды – это граждане, которые обладают признаками пола (мужчины и женщины), возраста (дети), социальных ролей (избиратели, эмигранты, иммигранты, гости, студенты, ученики, покупатели и др.), места жительства (жители города и деревни). В отдельных контекстах русским приписывается признак *не/этнических русских*: в этом случае лексема *Russian* в предложении выполняет функцию предиката или сопровождается лексемой, указывающей на этничность (*Jewish /non-Jewish Russians, ethnic Russians*) (в американском английском это способы описания национальности, но не гражданства, в отличие от русского, в котором есть и *русский*, и *российский*). Представление простого народа и политической элиты как оппозиции верха и низа общества коррелирует с концептуализацией таких явлений, как бедность (бедность – это низ, богатство – это верх),

смерть (смерть – это низ, жизнь и здоровье – это верх). Таким образом, тексты СМИ, и медиа-дискурс в общем, являются проводником представлений, мнений, в конечном счете, идеологии, что способствует стиранию границ между мнением большинства населения и властными структурами и элитой (мнения и ценности последней переносятся на всех) и служит цели легитимации и репродукции власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кетесова Ю.А., Маханова Т.Л. Концептуальные основы психологии культуры / Ю.А. Кетесова, Т.Л. Маханова // Этнос. Культура. Текст. – Курган, 1999. – С. 39-41.

2. Орлова О.Г. Актуализация концепта «Russia» («Россия») в американской публицистике (на примере дискурса еженедельника «NEWSWEEK»). – дисс... канд. филол. наук / О.Г. Орлова – Волгоград, 2005.

3. Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира / О.Г. Почепцов // Вопросы языкознания, 1990. – №6. – С. 110-111.

4. Санцевич Н.А. Моделирование вариативности языковой картины мира на основе двуязычного корпуса публицистических текстов (метафоры и семантические оппозиции): дисс... канд. филол. наук / Н.А. Санцевич. – М., 2003. – 216 с.

5. Тузиков А.Р. Идеология и дискурсивная практика масс-медиа / А.Р. Тузиков // Социально-гуманитарные знания. – 2001. – №6. – С. 244-255.

6. Dijk van T.A. Social cognition, social power and social discourse / T.A. van Dijk // Text, 1988. – 8 (1-2). – p. 129-157.

7. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago, London. – 1980.

8. LingvoUniversal // ABBY LINGVO 9.0

9. Webster's Third New International Dictionary of the English Language. Volume 2. – Merriam-Webster, incorporated, 1993. – p. 1991.

© Орлова О.Г., 2006

Светоносова Т.А.

Псков

МЕТОДИКА ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Одной из важных задач аксиологической лингвистики явля-

ется выработка методики лингвистического исследования ценностей (Е.В. Бабаева 2004, С.Г. Воркачёв 2004, В.И. Карасик 2002, Г.Г. Слышкин 2002 и др.).

В данной статье отражён опыт работы автора по изучению ценностей в российском и американском политическом дискурсе. Целью исследования было сопоставительное изучение ценности «свобода» в выступлениях российского и американского президентов. В качестве речевого материала рассматривались инаугурационные выступления и послания Федеральному Собранию российского президента В.В. Путина и инаугурационные выступления (Inaugural Addresses) и послания Конгрессу (State of the Union) американского президента Дж. Буша.

Ценности в нашем исследовании рассматриваются как биполярные категории, т.е. каждой ценности соответствует антиценность. В основу определения ценности положен тезис Е.И. Шейгал (2000) о том, что политический дискурс – это дискурс борьбы, соответственно ценности – это то за что президенты планируют бороться, к чему обещают стремиться; антиценности – это то, что нежелательно для общества, что тормозит развитие страны.

Методика лингвистического исследования ценностей, используемая в данной работе, направлена на изучение основных и дополнительных коммуникативных факторов, свидетельствующих о повышенном внимании президентов к той или иной ценности. В качестве основных таких знаков внимания будут рассмотрены следующие:

1. Количественная представленность обозначений соответствующих ценностей в тезаурусе.

При количественном анализе языковых репрезентантов рассматриваемой ценности мы учитывали синонимический ряд слова, представляющий концепт. Так, американский президент Дж. Буш в проанализированном речевом материале сто шестьдесят восемь раз обращается к понятию «свобода». При проведении данных подсчётов во внимание принимались существительные «*freedom*» («свобода»), «*liberty*» («свобода»), «*liberation*» («освобождение»), глаголы «*free*» («освободить»), «*liberate*» («освободить») и прилагательное «*free*» («свободный»).

В проанализированном речевом материале В.В. Путин семьдесят девять раз обращается к понятию «свобода». При проведении данных подсчётов во внимание принималось не только существительное «свобода», но и прилагательное «сво-

бодный».

Для данного исследования важно провести статистический анализ слов, репрезентирующих антиценности, которые, по мнению президентов, нежелательны для развития страны и общества в целом. В проанализированных выступлениях президент В.В. Путин один раз употребляет существительное «*рабство*» и двадцать четыре раза «*зависимость*». Отметим, что при этих подсчётах во внимание принимались прилагательное «*зависимый*» и глагол «*зависеть*». Для В.В. Путина важно, чтобы страна стала свободной, а значит сильной и независимой.

В изученных текстах выступлений американского президента также наблюдается противопоставление «*свободы*» и «*зависимости*». Президент пятнадцать раз обращается к понятию «*dependence*». При проведении данных подсчётов во внимание принималось существительное «*dependence*» («*зависимость*»), прилагательное «*dependent*» («*зависимый*») и глагол «*to depend on*» («*зависеть от чего-либо*»). Дж. Буш отрицательно оценивает какую-либо «*dependence*» («*зависимость*»), он готов принимать соответствующие меры, чтобы Америка и американский народ избежали этого явления. Важно указать ещё на одно противопоставление: «*freedom*» («*свобода*») – «*slavery*» («*рабство*») (5).

2. Вербальное представление соответствующего феномена как ценности.

В.В. Путин использует аксиологические характеристики феномена «*свободы*». Президент прямо указывает на то, что «*свобода*» является для него ценностью. В таких случаях глава государства не просто говорит о «*свободе*» как об абстрактном понятии, а точно определяет, какие «*свободы*» для него важны, являются ценностями: *политическая свобода, личные свободы граждан, свобода слова*. Ср.:

«Выстраданные и завоеванные европейской культурой идеалы свободы, прав человека, справедливости в течение многих веков являлись для нашего общества определяющим ценностным ориентиром» (Путин, Послание Ф.С. 2005).

«Трудно найти выход из ложного конфликта между ценностями личной свободы и интересами государства» (Путин, Послание Ф.С. 2000).

Американский президент также употребляет понятие «*ценность*», говоря о «*свободе*». Ср.:

*«America will always stand firm for **free** speech. America will*

take the side of brave men and women who advocate this value around the world» (G. Bush, State of the Union Address 2002).

*«Америка всегда будет прочно стоять за **свободу** слова. Америка займёт сторону смелых мужчин и женщин, которые защищают эту **ценность** во всём мире».*

3. Представление ценностей в качестве объекта борьбы, в качестве цели своей деятельности. Президенты говорят о том, что будут защищать ценности и бороться против антиценностей. Подчеркнём, что в формулировке целей и задач президенты и определяют, за что они будут бороться (это ценности), а также против чего планируется вести борьбу (это антиценности). Ср.:

*«Считаю, что создание в России **свободного общества свободных людей** – это самая главная наша задача. Но и самая сложная» (Путин, Послание Ф.С. 2004).*

*«Только эффективное и демократическое государство в состоянии **защитить гражданские, политические, экономические свободы**, способно создать условия для благополучной жизни людей и для процветания нашей Родины» (Путин, Послание Ф.С. 2000).*

Одной из главных задач деятельности американского президента является расширение и продвижение «свободы» в разных государствах. Ср.:

*«**Our aim** is to build and preserve a community of **free and independent nations**» (G. Bush, State of the Union Address 2005).*

*«**Наша цель** построить и сохранить содружество **свободных и независимых наций**».*

*«**Our goal** is to help others find their own voice, **attain their own freedom**, and make their own way» (G. Bush, Inaugural Address 2005).*

*«**Наша цель** помочь другим найти их собственный путь, помочь **поддержать их собственную свободу**, а также подействовать им в их собственном пути развития».*

*«**Our goal is to move toward liberty** and we are determined to show the meaning and promise of liberty» (G. Bush, Inaugural Address 2005).*

*«**Наша цель продвигать свободу**, а также разъяснить значение и перспективу свободы».*

4. Конкретизация представлений о ценностях.

Возможны синтаксический и лексический варианты конкретизации. При синтаксической конкретизации президент может говорить не просто о «свободе», а о «свободе» экономической,

политической. При лексической конкретизации используется слово с более узким, более конкретным значением, чем слово, обозначающее соответствующую базовую ценность. Ср.:

«Наша важнейшая задача – научиться использовать инструменты государства для обеспечения свободы – свободы личности, свободы предпринимательства, свободы развития институтов гражданского общества» (Путин, Послание Ф.С. 2000).

«Наша стратегическая цель такова: меньше администрирования, больше предпринимательской свободы – свободы производить, торговать, инвестировать» (Путин, Послание Ф.С. 2000).

В проанализированных выступлениях Дж. Буш также конкретизирует рассматриваемое понятие. Так, он обращается к гражданским и личным свободам граждан. Ср.:

«Today women are free, and are part of Afghanistan's new government» (G. Bush, State of the Union Address 2002).

«Сегодня женщины свободны и они являются частью нового правительства Афганистана».

Дж. Буш говорит о «*economic freedom*» («экономическая свобода»), в которой для него особенно важны: «*free markets*» («свободные рынки»), «*free trade*» («свободная торговля»). Ср.:

«In every region, free markets and free trade and free societies are providing their power to lift lives» (G. Bush, State of the Union Address 2002).

«В каждом регионе, свободные рынки, свободная торговля и свободные общества обеспечивают силу, которая поднимает уровень жизни».

Американский президент упоминает и о политической свободе. Так, в Послании Конгрессу (2004) Дж. Буш говорит о «*free elections*» («свободные выборы»). Ср.:

«Afghanistan has a new constitution, guaranteeing free elections and full participation by women» (G. Bush, State of the Union Address 2004).

«В Афганистане имеется новая конституция, гарантирующая свободные выборы и полное участие в них женщин».

Таким образом, при помощи существительного «*freedom*» президент говорит о следующих видах «свободы»: 1) «*economic freedom*» («экономическая свобода»), 2) «*political freedom*» («политическая свобода»), 3) «*civil freedom*» («гражданская свобода»), 4) «*personal freedom*» («личная свобода»).

5. Темпоральная характеристика ценностей, то есть обращение к вопросу о том, насколько значима для общества данная ценность в прошлом, настоящем и будущем.

В большинстве случаев российский президент, говоря о «свободе», использует настоящее время. Несколько реже он говорит о свободе в контексте будущего времени. В.В. Путин намерен защищать и обеспечивать свободы в будущем, он уверен в том, что Россия станет страной подлинной свободы. Ср.:

*«Россия должна быть и будет страной, где **экономические свободы** позволят людям честно работать, зарабатывать»* (Путин, Послание Ф.С. 2003).

*«Никто и ничто **не останавливает** Россию на пути обеспечения **прав и свобод человека**»* (Путин, Послание Ф.С. 2004).

Президент упоминает о «свободе» и в контексте прошедшего времени. Вместе с тем показательно, что президент упоминает и о том, что в советском прошлом в нашей стране не было «свободы». В данном контексте президент метафорически определяет отсутствие «свободы» в прежние времена как «безмолвствие». Ср.:

*«Порой можно слышать, что поскольку российский народ веками **безмолствовал**, то и свобода для него якобы непривычна и не нужна, и будто бы поэтому наши граждане нуждаются в постоянном начальственном присмотре»* (Путин, Послание Ф.С. 2005).

Американский президент упоминает о «свободе» в контексте настоящего, прошедшего и будущего времени. С помощью настоящего и будущего времени Дж. Буш говорит о распространении «свободы» по всему миру. Для него важна «свобода» не только американского народа, но и людей других стран. По мнению президента, Америка призвана разъяснять миру значение «свободы». Ср.:

*«Our generational commitment to the advance of **freedom**, especially in the Middle East, is now **being tested in Iraq**»* (G. Bush, Inaugural Address 2005).

*«Обязательство нашего поколения продвигать **свободу**, преимущественно на Среднем Востоке; сейчас это обязательство **проходит проверку в Ираке**».*

*«I **will defend the freedom** and security of the American people»* (G. Bush, State of the Union Address 2003).

*«Я **буду защищать свободу** и безопасность американского народа».*

Президент указывает на долгую историю американской «свободы», используя прошедшее время. Ср.:

«*For a half of century, America **defended our own freedom by standing watch on distant borders***» (G. Bush, Inaugural Address 2005).

«*Полвека Америка защищала свою собственную свободу, охраняя отдалённые границы*».

Следует подчеркнуть, что отмеченный выше перечень факторов, способствующих привлечению внимания к ценностям не является исчерпывающим. В отдельных случаях могут быть использованы и иные приёмы, которые в настоящем исследовании рассматриваются как дополнительные (факультативные). К числу таких дополнительных факторов, свидетельствующих о повышенном внимании президентов к той или иной ценности относятся следующие:

1. Метафорическое обозначение ценностей.

В.В. Путин использует метафорическое обозначение ценности «свобода». Он представляет, что Россия движется по пути к «свободе», используя метафору движения в пространстве. Ср.:

«*Путь к свободному обществу не был простым и лёгким, в нашей истории были и трагические, и светлые страницы*». (Путин, инаугурационное выступление 2000).

«*Территориальные органы создают барьеры на пути **свободного** обращения капиталов, товаров и услуг*» (Путин, Послание Ф.С. 2000).

В выступлениях американского президента также встречаются метафоры со словом «свобода». Ср.:

«*By our efforts, we have lit a fire as well – a fire in the minds of men. It warms those who feel its power, it burns those who fight its progress, and one day untamed **fire of freedom** will reach the darkest corners of our world*» (G. Bush, Inaugural Address 2005).

«*Благодаря своим усилиям мы зажгли огонь в сознании людей. Он согревает тех, кто чувствует его силу, он сжигает тех, кто борется с прогрессом, и однажды этот дикий **огонь свободы** достигнет самых отдалённых уголков мира*».

«*We have known **freedom's price**. We have shown **freedom's power** and we will see **freedom's victory***» (G. Bush, Inaugural Address 2005).

«*Мы узнали **цену свободы**. Мы показали **силу свободы**, и мы увидим **победу свободы***».

«*The attack on freedom in our world has reaffirmed our confi-*

dence in **freedom's power to change the world**» (G. Bush, State of the Union Address 2005).

«Атака на свободу в мире вновь подтвердила нашу уверенность, в том, что **сила свободы** изменит мир».

2. Представление ценностей в качестве прецедентных феноменов.

В.В. Путин использует прецедентное название «**Великая Отечественная Война**», говоря о «свободе». Ср.:

«9 мая по праву можно считать днём торжества цивилизации над фашизмом. Общая Победа **позволила отстоять принципы свободы, независимости, равенства всех людей и народов. ... Солдат Великой Отечественной по праву называют солдатами свободы. Наш народ сражался за справедливость и свободу**» (Путин, Послание Ф.С. 2005).

Употребляя прецедентные ситуации, президент Дж. Буш подчёркивает особый статус «свободы» в Америке. В следующем примере президент использует прецедентные названия, упоминая о «*Declaration of Independence*» («**Декларация Независимости**») и о символе Америки – «*The Bell of liberty*» («**Колокол Свободы**»). Ср.:

«*When the **Declaration of Independence** was first read in public and **the Liberty Bell** was sounded in celebration, a witness said: it rang as if it meant something. In our time it means something still*» (G. Bush, Inaugural Address 2005).

«После того как **Декларацию Независимости** впервые прочли публично, зазвенел **Колокол Свободы**, и очевидец празднования сказал: он звенит, как будто это что-то значит. И в наше время это всё ещё что-то значит».

Результаты проведённого исследования можно представить в следующей таблице.

Таблица №1. Текстовая представленность политической ценности «свобода» в инаугурационных выступлениях и посланиях Федеральному Собранию (Конгрессу) В.В. Путина и Дж. Буша.

	Freedom, liberty	Свобода
Количество словоупотреблений	168	89
Вербальное представление как ценности, указание на важность	11	14
Объект борьбы	8	11
Конкретизация	16	17

Темпоральная характеристика	настоящее	54	49
	прошедшее	30	3
	будущее	84	37
Антиценность		Dependence - 15, slavery - 5	Зависимость – 24, рабство – 1
Метафора		14	2
Прецедентность		2	3

Количественные результаты таблицы показывают, что число словоупотреблений ценности «свобода» выше в выступлениях американского президента, также Дж. Буш чаще обращается к рассматриваемой ценности в прошедшем времени. Для президентов России и США характерно преимущественно говорить о ценностях, они избегают употреблять слова с негативной лексической окраской.

В.В. Путин намерен способствовать развитию «свободы» в России, тогда как Дж. Буш ставит цель распространять «свободу» во всём мире. Российский президент использует метафоры движения в пространстве для обозначения «свободы», для выступлений американского президента характерны экономические, спортивные метафоры. Оба президента используют прецедентные названия, говоря о «свободе».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабаева Е.В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира. Дис... докт. филол. Наук. Волгоград, 2004.

2. Воркачёв Счастье как лингвокультурный концепт. Монография. М., «Гносиз», 2004.

3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, «Перемена», 2002.

4. Кожина М.Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Москва, Изд-во «Флинта – Наука», 2003.

5. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Дис... докт. филол. наук. Волгоград, 2004.

6. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Москва-Волгоград, 2000.

© Светоносова Т.А., 2006

Солопова О.А.
Челябинск

ТЕАТРАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

«Жизнь есть театр» – девиз целой эпохи, формула, ставшая определяющей не только для понимания театра, но и для трактовки общественно-политической жизни страны. Широкое распространение и употребление театральной метафоры в современном политическом дискурсе связывают, во-первых, с особенностями современных политических кампаний, во-вторых, с развитием СМИ. По мнению политологов, усиление тенденции к стиранию границы между программой новостей и развлекательным шоу привело к популяризации политики, к распространению, так называемой «символической политики» или «политики театра», которая основана «на образах или «имиджах» политических деятелей, специально сконструированных на потребу господствующим умонастроениям и вкусам» [Гаджиев 1994: 389].

Изучению функционирования театральной метафоры в сфере политики посвящены многочисленные работы отечественных ученых (А.Н. Баранов и Ю.Н. Караулов 1994, О.Н. Григорьева 2001, О.С. Иссерс 1997, А.А. Каслова 2003, Н.А. Кузьмина 1999, Н.А. Санцевич 2005, Т.Б. Соколовская 2002, Ю.Б. Феденева 1998, А.П. Чудинов 2000, 2001, 2003, Е.И. Шейгал 2000 и др.). Подобные образы активно изучают и зарубежные лингвисты (W. Anderson 1990, D. Boje 2003, B. Czarniawska-Joerges, B. Jacobsson 1995, M. Edelman 1964, 1988, M. Freeman (<http://matthewfreeman.blogspot.com>), J. Freie 1997, S. Jestrovic (<http://www.utpjournals.com>), S. Lyman and M. Scott 1975, A. MacIntyre 1990, P. Manning (1996), R. Merelman 1969, F. Mount 1972 и др.).

Метафора театра, являясь образным средством, как никакая другая подходит для описания мира политики [Санцевич 2005: 111], помогая журналистам найти подходящее метафорическое обозначение политических реалий прошлого, настоящего и будущего. При характеристике метафорической модели и ее составляющих в статье используется фреймо-слотовая структура, предложенная А.П. Чудиновым. Исследователь выделяет следующие фреймы рассматриваемой модели: «Вид зрелища и жанры представления», «Люди театра», «Публика и прием, оказываемый спектаклю», «Элементы представления», «Театральное здание и театральный реквизит» [Чудинов 2003: 113-121].

Театр как сфера-источник метафорической экспансии создает великолепные условия для реализации эмоционального за-

ряда метафоры. Слова-символы театрально-лексической группы относятся к единицам, которые служат повышению экспрессивности, для них характерно «постоянное переворачивание, перемешивание плохого и хорошего, высокого и низкого, смешного и печального» [Плущер-Сарно 1999: 69]. С одной стороны, негативная оценочность театральных метафор в политике предугадывается со 100%-й вероятностью, поскольку в публицистике они эксплуатируют эксплицитную составляющую общей энергии, подчеркивая стереотипные смыслы «двуличие», «фальшь», «несамостоятельность» современных политических фигур [Кузьмина 1999: 209]. Прагматический потенциал указанной метафорической модели определяется ярким концептуальным вектором неискренности, искусственности, ненатуральности, имитации реальности [Чудинов 2003: 114]. Акцентируя внимание адресата на идеи постановочности, лицедейства, игры на публику [Каслова 2003: 91], коннотативно нагруженные номинации со сферой-донором «театр» продуцируют образы «страшного прошлого», «мрачного настоящего» и «ужасного будущего». С другой стороны, театральную метафорику не следует рассматривать только как «средство выражения негодования и возмущения» [MacIntyre 1990]. Изменение оценочной тональности достигается путем использования метафор с разнонаправленными концептуальными векторами, поскольку «театр» может символизировать «не только лживость и несерьезность, но также благородство и величие [Czarniawska-Joerges, Bengt 1995] прошлого, настоящего и будущего мира политики, где чувство «обманутости» сменяется уважением к профессионализму «актеров», которые воплощают этот обман в жизнь [Czarniawska-Joerges, Bengt 1995].

«Театральное измерение», включающее состав актеров, публику, сценарий, театральное действие [Freie 1997: 728], не только помогает понять сложные взаимоотношения людей и мир, в котором мы живем и который мы создаем [Czarniawska-Joerges, Jacobsson 1995], но и «отбирая из всего многообразия определенные символы и символические действия» [Manning 1996: 262] политических актеров, срывает маски, разоблачая «инсценировки мнимого политического мира» [Dieckmann 1981: 271].

Рассмотрим подробнее метафорическую модель «ЖИЗНЬ – это ТЕАТР» и особенности ее реализации при моделировании образа настоящего в британском политическом дискурсе парла-

ментских выборов.

Театральная метафорическая модель является одной из доминирующих в политическом дискурсе Великобритании, занимая второе по частотности место в агитационно-политических текстах, посвященных всеобщим выборам в Парламент 2001 года (11,9%). Образы «театра» регулярно встречаются при моделировании как «ограниченного настоящего», самой избирательной кампании – 12,6%, так и «продолженного настоящего» – 10,6%.

В британском политическом дискурсе метафорическая суб-модель «НАСТОЯЩЕЕ – это ТЕАТР» включает все составляющие сферы-донора «театр», однако, наиболее востребованными являются метафорические наименования со следующими исходными смыслами:

- “Theatre staff” (Люди театра) (*Mr. Humble, Mr. Angry and Mr. Snooty: three characters in search of a drama* (Господа Скромный, Сердитый и Высокомерный: три персонажа в поисках драмы), *a superb actor* (великолепный актер), *entertainers* (эстрадные артисты, конферансье), *a star* (звезда), *a performer* (исполнитель, актер), *to go on stage* (выходить на сцену), *to play an infinite number of roles* (играть бесконечное количество ролей), *to play “hard cop, soft cop”* (исполнять роли «хорошего-плохого полицейского»), *to serve an important role* (сыграть выжную роль), *to act one’s role* (играть свою роль), *to play servants* (играть роль слуг), *to sing* (петь), *to dance* (танцевать), *it takes two to tango* (танго танцуют вдвоем), *to disguise* (переодеваться, маскировать), *a rehearsal* (репетиция), *a dress rehearsal* (генеральная репетиция), *to mount* (ставить спектакль), *a pre-tested script* (выверенный сценарий), *“one’s own script” for this election* («свой собственный сценарий» выборов), *a Doomsday scenario* (сценарий Судного Дня), etc.). Указанные метафорические наименования особенно широко употребляются для характеристики настоящего момента действительности, представляя его как действие, в котором участники ведут себя на сцене согласно приписываемым им амплу в постановке. Задачей первостепенной важности для каждого политика является создание своего имиджа – «маски», на которую реагирует электорат, из этого вытекает необходимость в совершенстве знать роль, предписанную сценарием. Концепт «роль» подчеркивает статичную, формальную, ритуальную сторону [Davies, Harre 1991] общественно-политической жизни страны. Однако, лич-

ность политика и роль, которую он исполняет, должны представлять собой единое целое – социальный и психологический тип обязаны полностью совпадать [MacIntyre 1990: 29]. Любое несоответствие, замеченное электоратом, вызывает негодование, чувство обманутости и имитации политической реальности.

- “Kinds and genres of show” (Вид зрелищ и жанр представления) (*a performance* (представление), *a spectacle* (зрелище, спектакль), *a soap-box* (импровизированное уличное представление), *fact and fiction of Labour’s performance* (правда и вымысел о спектакле Лейбористов), *a truly paltry performance* (поистине жалкое представление), *the spectacle of Michael Portillo under fire* (спектакль «Майкл Портилло под огнем»), *an extraordinary spectacle* (выдающийся спектакль), *a campaign knockabout* (дешевое предвыборное представление (грубый фарс), *farce* (фарс), *farce of the election* (фарс выборов), *magical farce* (фее-рический фарс), *pre-election slapstick* (предвыборный (грубый) дешевый фарс), *drama* (драма), *the drama of Westminster and Whitehall* (драма Вестминстера и Уайтхолла), *an unscripted drama* (ненаписанная драма), *cartoon politics* (карикатурная (мультяшная) политика), *a travesty* (травести), etc.). Метафоры, составляющие рассматриваемый фрейм носят эмоционально-оценочный характер, характеризуя «настоящее» как смесь представлений различных жанров, среди которых преобладают фарс и драма. Жанровые особенности зрелищных видов искусства коррелируют со спецификой метафорических номинаций. Политические деятели, превращая драму «настоящего» в фарс своей избирательной кампании, забывают о том, что фарс – жанр непростой не только в театре, но и в жизни: «малейший перебор – и пикантность обернется пошлостью, острота – натужным комиксованием, игра на штампах – скукой [Калягин <http://www.kalyagin.ru>]. Очевидно, что такого рода метафорические словоупотребления несут негативную эмотивную окраску, их многочисленность работает на создание образа «мрачного настоящего», пронизанного ложью, фальшью и притворством.

- “Theatre Hall and Properties” (Театральное здание и театральный реквизит) (*the British political scene* (политическая сцена Великобритании), *the British political arena* (политическая арена Великобритании), *the scenes* (подмостки, театральная сцена), *backstage* (за кулисами), *behind the scenes* (за кулисами), *in the wings* (за кулисами), *the scenery* (декорации), *a theatre dimmer* (сценический затемнитель), *the props* (бутафория, рек-

vizum), *masks* (маски), *a political backdrop* (политический задник), *costumes* (костюмы), *the greasepaint* (грим), etc.). Посредством метафоррики данного фрейма на первый план выходят значения зрелищности, наглядности, эффектности политической борьбы. Помимо этого, из представленных примеров становится ясным, что несмотря на то, что основное действие происходит на сцене театра, часть работы проводится вне поля зрения публики: многие важные решения принимаются «за кулисами», тайно, зачастую даже без ведома участников театрализованного представления и, тем более, его зрителей.

Использование номинаций источниковой сферы «театр» эксплицирует разочарование постоянно играющим, неискренним, лицемерным миром, где «притворство и есть единственная реальность» [Мозэм 2001: 286]. Ср.: *Mr Humble, Mr Angry and Mr Snooty: three characters in search of a drama Can Messrs Humble, Angry and Snooty inject the missing drama into this election? Not if voters conclude that they are hamming up their parts. In real life, the easygoing Mr Kennedy is not snooty; the equable Mr Hague is seldom angry; and the humility of Mr Blair is not invariably the first attribute that people remark in the prime minister. Nor are the parties as far apart on policy as their electioneering pretends. (The Economist, 12.05.01) (Господа Скромный, Сердитый и Высокомерный: три персонажа в поисках драмы: Смогут ли господа Скромный, Сердитый и Высокомерный сделать выборы похожими на драму? Вряд ли, если избиратели поймут, что они переигрывают. В действительности спокойный г-н Кеннеди редко высокомерен, уравновешенный г-н Хейг редко сердит, и в большинстве случаев скромность не первое качество, которое замечают в премьер-министре. Да и партии не настолько отличны друг от друга, как им хочется казаться во время предвыборной кампании).* В «мрачном настоящем» каждый играет роль в соответствии со своими интенциями и задатками. Причем речь идет не только о социальных ролях, но и о нравственной позиции, поскольку, «используя метафору театра», политические лидеры очень часто «пытаются театрализованно представить разницу» [Воје 2003] их программ, взглядов и намерений. Создаваемый каждым политиком «характер, типаж в сущности узаконивает определенный образ жизни общества» [MacIntyre 1990: 29], что нацелено на привлечение «своего» электората.

Политический театр, как и любой другой, нуждается в благо-

дарной аудитории, которая знает и чутко реагирует на многочисленные подтексты инсценируемой пьесы. Как и в театре реальном, здесь важна обратная связь, отношение актер – зритель, отсутствующие в политическом театре «настоящего» Великобритании. Ср.: *But there's another, more potent danger. Without reason to listen to what the parties are saying, the minds of both the public and the media become more fascinated by the scenery, the props, the greasepaint, lighting and stage direction. Can you remember the content of Tony Blair's speech at the school in south London or only the prayer book and surprised 11-year-olds' faces? Can you remember the content of Labour's opening party broadcast, or only that it had a Spice Girl in it? Without the imperative to listen in order to decide, we are drawn to observe the way things are done.* (The Observer, 20.05.01) (Но существует другая, более серьезная опасность. Не имея оснований слушать, о чем вещают партии, публика и СМИ больше увлечены декорациями, реквизитом, гримом, освещением и режиссурой. Что вы помните: содержание речи Тони Блэра в школе в южном районе Лондона или только молитвенник и удивленные лица одиннадцатилетних девочек? Содержание телетрансляции о начале избирательной кампании Лейбористов или тот факт, что там участвовала одна из Спайс Герлз? Из-за отсутствия необходимости слушать, чтобы сделать свой выбор, мы просто наблюдаем за тем, как все происходит).

Самыми малочисленными при моделировании прошлого, настоящего и будущего являются фреймы «Элементы представления», «Публика и прием, оказываемый спектаклю». Использование названий элементов представления в качестве «темпоральных репрезентантов, актуализирующих семантику «начала» и «завершения» [Каслова 2003: 85], не характерно для британских политических текстов, цель которых указать на то, что все политические процессы, независимо от количества актов, действий, антрактов и реприз – это игра на публику, обязательными составляющими которой являются ложь и зрелищность. Зрителю-избирателю уготована роль простого наблюдателя, который никак не может изменить ход спектакля. Если в реальной жизни публика может не принять не понравившийся ей спектакль, то в политической жизни она ведет себя достаточно скованно и апатично, о чем свидетельствуют заголовки периодических изданий периода парламентских выборов: *Apathy is biggest threat to Labour* (The Daily Telegraph, 09.01.01) – *Апатия* –

самая большая угроза для Лейбористов, *Apathy could cost 60 seats, says Blair* (The Daily Mail, 26.01.01) – *Апатия* (избиратель) может стоить нам 60 мест, говорит Блэр, *A strong case of election apathy* (BBC World at One, 05.06.01) – Сложный случай *апатии* на выборах, *Apathy or antipathy?* (BBC World at One, 01.06.01) – *Апатия* или антипатия?, *I'm bored with the Apathy Party* (The Observer, 13.05.01) – Я устал от *Безразличной (Апатичной) партии*, Champagne and ashes. Celebrate victory, be alarmed by *apathy* (The Guardian, 07.06.01) – Шампанское и пепел. Празднуйте победу, беспокоясь об *апатии* и др. Отсутствие лексем со значением большей степени неудовольствия свидетельствует о том, что народ, заранее зная predetermined финал театрального действия, не ощущает себя в силах пойти против навязываемых ему политических решений.

Таким образом, из всего множества смыслов, вкладываемых в формулу «Жизнь – это театр» предшествующими эпохами (творческое начало, быстротечность жизни, скорая ответственность за свершенное, праздничность и т. д.), современные британские политические метафоры впитывают в себя только негативные. Эти метафоры последовательно моделируют образ «мрачного настоящего» Великобритании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаджиев К.С. Политическая наука. М., 1994.
2. Калягин А.А. Зловещий шут, резвящийся тиран. <http://www.kalyagin.ru/press/741/>.
3. Каслова А.А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.): Дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.
4. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции языка. Екатеринбург, Омск, 1999.
5. Моэм С. Театр. М., 2001.
6. Плущер-Сарно А.А. Государственная Дума как фольклорный персонаж: Пародия, плач, исповедь и пасквиль – жанры русской политики // Логос. – 1999. – №9.
7. Санцевич Н.А. Моделирование вариативности языковой картины мира на основе двуязычного корпуса публицистических текстов (метафоры и семантические оппозиции): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005.
8. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры. Екатеринбург, 2003.
9. Boje D.M. Victor Turner's Postmodern Theory of Social Dra-

ma: Implications for Organization Studies, 2003
http://cbae.nmsu.edu/~dboje/theatrics/7/victor_turner.htm

10. Czarniawska-Joerges B., Jacobsson B. Political organizations and commedia dell'arte // Organization Studies. Berlin, 1995, pp. 375-393.

11. Davies B., Harre R. Positioning: The discursive production of selves // Journal for the Theory of Social Behaviour. – 1991. – №20/1, pp. 43-63.

12. Dieckmann W. Politische Sprache, politische Kommunikation: Vorträge, Aufsätze, Entwürfe. Heidelberg: Winter, 1981.

13. MacIntyre A. After virtue. A study in moral theory. London: Duckworth, 1990.

14. Manning, P.K. Dramaturgy, politics, and the axial media event // Sociological Quarterly. – 1996. – №37 (2), pp. 261-279.

© Солопова О.А, 2006

Солопова О.А.

Челябинск

МЕТАФОРА «СУДА» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Для британских агитационно-политических текстов периода парламентских выборов 2001 года очень актуален образ «суда» и процедур, связанных с ним. Концептуальная метафора ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – это ПРЕДМЕТ ДЛЯ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА вполне закономерна в политическом дискурсе Великобритании: в стране с устоявшейся и признанной демократией, отлаженной судебной системой понятия права, правомерности действий и уважения к закону глубоко проникли в сознание каждого гражданина. Великобритания (по убеждению британцев, являющаяся колыбелью демократии) трепетно относится к законам и почитает их, считая свою юридическую систему весьма основательной и беспристрастной. Для британцев суд – это, прежде всего, выяснение истины.

В настоящей статье рассматриваются метафоры со сферой-источником «суд», зафиксированные в статьях, программных документах, выступлениях политических лидеров (январь – июнь 2001 г.), посвященных ситуации всеобщих выборов в Парламент Великобритании 2001 года.

Результаты когнитивно-дискурсивного исследования показывают, что метафорические наименования со сферой-источником «суд» представляют собой яркую черту современной британской

политической речи в целом, активно участвуя в создании образов настоящего и будущего. Метафорическая модель с исходной понятийной сферой «суд» содержит большой объем экстралингвистической информации. Составляющие рассматриваемую модель концептуальные метафоры служат в большинстве случаев средством номинации политических деятелей, политических процессов, общественно-политической жизни в целом и содержат одновременно оценку денотата. В составе модели «ЖИЗНЬ – это СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО» в дискурсе парламентских выборов Великобритании регулярно выделяются пять фреймов.

Анализ британских политических текстов позволил выявить следующие метафорические обозначения с исходными смыслами Types of Court (Виды суда): *court* (суд), *jury* (суд присяжных), *court of honour* (суд чести), *Doomsday* (Страшный Суд), *Last Judgement* (Страшный Суд) и др. Метафора «суда присяжных», наиболее частотная для британского политического дискурса, является исторически обусловленной, поскольку корни возникновения «классического» суда присяжных уходят вглубь многовековой истории государства. Великобритания стала первой страной, где возник этот институт в его современном понимании, именно здесь с установлением буржуазного строя были упрочены суды присяжных и расширена их компетенция. Ср.: *Imagine if Mr. Hague were foreman of a jury. "And do you find the prisoner guilty or not guilty?" "He'd say: "Not guilty for the first five years, but guilty after that." Mr. Hague is not a silly man, the reason he has a silly policy is that it is the only way to disguise the divisions in his divided party. He does the splits to hide the splits. But that is not to say we should tamely tolerate Europe as it is (Ch. Kennedy / Speech to the Scottish Liberal Democrat Conference, 31.03.01)* (Если бы В. Хейг был старшиной присяжных заседателей, то на вопрос: «Итак, вы признаете подсудимого виновным?», он бы ответил: «Не виновен первые пять лет, но виновен после истечения этого срока». Хейг не глупый человек, причина его глупой политики состоит в том, что это единственный способ скрыть противоречия в его противоречивой партии. Он способствует возникновению разногласий, чтобы скрыть разногласия. Тем не менее это не означает, что мы должны покорно мириться с проблемой, касающейся единой европейской валюты, в ее сегодняшнем состоянии). Прагматические смыслы подобных высказываний сводятся к следующим: в будущем со-

стоит честный и справедливый суд над «настоящим», неприятная, но необходимая процедура. В метафорическом представлении «будущего» могут также звучать фаталистические нотки Конца Света и Страшного Суда, лейтмотивом которых является «что посеешь, то и пожнешь» [Judge 2001]. *As the Conservative Party faces its Doomsday scenario, it has been given some sound advice from an unlikely source. Speaking to a group of academics in Oxford, last week Bill Clinton said that the crucial response was for the party not to panic should it lose by another landslide (The Daily Telegraph, 03.06.01)* (В то время как Консерваторы приближаются к Дню Страшного Суда, они получили здравый совет из весьма неожиданного источника. На прошлой неделе Билл Клинтон, беседуя с группой преподавателей Оксфорда, сказал, что самое важное для партии – не паниковать, если Лейбористы вновь выигрывают с большим перевесом голосов). *Doomsday, Last Judgement* – устрашающая метафора суда, который ожидает всех, кто отвергает служение жизнью Великобритании. Всякий грех политика перед страной и ее народом «пишется в строку», на каждого заведено своего рода досье, и в день Страшного Суда эти перечни заслуг и прегрешений обязательно будут предъявлены. Избиратель – свидетель, обвинитель и судья в одном лице – своим голосом решит, кому даровать право на политическую жизнь, а кого предать забвению.

В британских агитационно-политических текстах зафиксированы следующие метафорические номинации с исходными смыслами *Inquest* (Судебное следствие): *to summon smb.* (вызвать в суд), *hold smb. to account* (призвать к ответу), *to put in the dock* (посадить на скамью подсудимых) и др. Метафорические выражения, относящиеся к данному фрейму, наделены ярко отрицательным прагматическим смыслом. Ср.: *With the party seemingly crashing to a second election defeat in the early hours of Friday morning, it would appear that the Hague era has failed to shift public perceptions of the Conservatives. The next months are likely to be dominated by a debate over the party's direction. A main factor in what happens will be the inquest on the election (R. Shrimley / Financial Times, 07.06.01)* (Пятница, раннее утро. Судя по всему, партия (Консерваторов) с грохотом несетя навстречу второму поражению на выборах. Выглядит так, будто эра В. Хейга не смогла изменить отношения общественности к Консерваторам. Скорее всего, последующие месяцы будут посвящены преимущественно обсуждению вопросов, связан-

ных с руководством партии. Основополагающим фактором в том, что произойдет, станет следствие по делу выборов). Использование указанных наименований навязывает адресату концептуальное видение самой страны и власти, которую представляет Парламент, как судебной тяжбы со всеми ее атрибутами, судебными и следственными действиями, включая дознание, допросы, экспертизы, дачу показаний и др. Это позволяет максимально «сгустить краски» при создании образа «настоящего» и «будущего» Великобритании.

Понятийная сфера-источник предполагает наличие в политических текстах концептов из сферы-донора Pleadings (Судебные прения): *not to plead guilty* (не признать себя виновным), *prosecutor* (обвинитель), *indictment* (обвинительный акт), *chief culprit* (главный обвиняемый), *prisoner at the bar* (обвиняемый в суде), *defendant* (ответчик), *accused* (обвиняемый), *to criminate* (обвинять в совершении преступления), *to defend* (защищать), *judge* (судья), *jury* (присяжные заседатели), *foreman of jury* (старшина присяжных заседателей) и др. Метафорические наименования данного фрейма, проводя аналогию между политическими и экономическими отношениями, с одной стороны, и судебными процедурами, с другой, формируют негативные прагматические смыслы, которые оживляют в сознании адресата ассоциативные признаки конфликтного общения в суде. Ср.: *I came into politics because I believe in the integrity of public office and public life which is so essential to our democracy. Over these last months I have watched this integrity undermined, devalued and ignored. And the chief culprit is Tony Blair. I, and surely more and more of us each day, regard him with undisguisable contempt. Contempt for his moral cowardice, contempt for the way in which he never accepts responsibility for the failings of his ministers and his government, contempt for the way that everyone else is always to blame but him.* (Angram: Spring Forum Speech 2001 / *consrvatives.com*, 03.03.001) (Я пришел в политику, потому что я верю в неприкосновенность общественных организаций и общественной жизни, которая является неотъемлемой частью нашей демократии. В последние месяцы я видел, как принципы неприкосновенности разрушались, обесценивались и попирались. Главный обвиняемый – Тони Блэр. Я, и с каждым днем все больше и больше наших соотечественников, смотрим на него с нескрываемым презрением. С презрением за моральную трусость, с презрением за то, что он никогда не бе-

рет на себя ответственность за неудачи своих министров и своего правительства, с презрением за то, что всегда виноват кто-то другой, а не он сам).

Показательно, что наиболее значимым оказывается концепт виновности, который связан с судом: среди наименований, представляющих рассматриваемый фрейм, преобладают метафорические единицы, репрезентирующие население Великобритании и сильных мира сего как судей, обвинителей и обвиняемых. На метафорическом суде отсутствует сторона защиты, у обвиняемого нет адвокатов, и ему не дают последнее слово, чтобы попытаться оправдать себя и свои деяния в глазах избирателей.

Особенно типичны для британской политической коммуникации образы с источниковой субсферой Return Proceedings (Вынесение вердикта): *verdict* (вердикт), *to find the prisoner guilty or not guilty* (счесть подсудимого виновным или невиновным), *to deliver one's verdict* (вынести вердикт), *verdict on the government of the day* (приговор современному правительству), *verdict on the opposition of the day* (приговор современной оппозиции), *damning verdict* (обвинительный приговор), *to give smb. a life sentence* (приговорить к пожизненному заключению), *acquittal* (оправдание), *conviction* (осуждение, обвинительный приговор), etc.).

Метафоры указанного фрейма – образная фиксация усилий, направленных на установление и измерение наказания в зависимости от меры нарушения, от степени виновности преступившего закон. Ср.: *Peter Mandelson made his first Commons intervention yesterday since his acquittal. I say "acquittal" but an odd sort of acquittal it was. It took the form of the Prime Minister giving him a life sentence on the backbenches. Though the verdict has been questioned, Sir Anthony Hammond found him not guilty.* (F. Johnson / *The Daily Telegraph*, 16.03.01) (Вчера Питер Мендельсон впервые появился в палате общин, с тех пор как его оправдали. Я сказал «оправдали», но это оправдание было несколько странным. Выглядело так, будто премьер-министр приговорил его к пожизненному сроку в рядах заднекамеечников. Однако не все одобрили вердикт. Сэр Антони Хаммонд объявил его невиновным). В центре эмоциональных состояний, создаваемых метафорами рассматриваемого фрейма, находятся осознание необходимости изменить курс развития страны, негодование, отрицание сложившейся системы власти, которой в

большинстве случаев выносят обвинительный приговор, не подлежащий обжалованию. Оправдание – редкость, оно имеет временный, условный характер.

Не менее широко употребляются в британском политическом дискурсе парламентских выборов метафорические единицы фрейма Preventive Punishment (Мера пресечения): *to escort* (конвоировать), *prison* (тюрьма), *jail* (тюрьма), *open prison* (тюрьма открытого типа), *prison gates clangd shut* (двери тюрьмы захлопнулись), *prisoner* (заключенный), *lifer* (приговоренный к пожизненному заключению), *week into one's sentence* (первая неделя срока), *to write letters* (писать письма), *to slop out* (выносить парашу), *to allow out* (выпускать на волю), *to bear up well* (стойко держаться), *to perform chores* (выполнять ежедневные обязанности), *to have certain privileges* (иметь определенные привилегии), *to serve one's sentence* (отбывать срок), *to be behind bars* (находиться в тюрьме), etc.).

Метафоры данного фрейма представляют государственные структуры как карательные органы, а связанных с ними деятелей – как судей, конвоиров и надзирателей, актуализируя ассоциативные семы «жестокости наказания», «невозможности дальнейшего развития», и даже «существования» отдельного политика и политической системы в целом. Ср.: *But Mr Blair said he (Mendelson) would not rejoin the Government. So the prison gates clangd shut. He was escorted on to the Labour benches. The other prisoners at first hated him. But by now he has probably won some of them over. Word went around that he used to be a politician. After a while, he began to perform such chores for his fellow backbenchers as writing letters for them and arranging British passports for those who were Asians. They now think he is a good sort. Fortunately, life for a backbencher is not as grim as it once was. Slopping out has been almost abolished. The Government's majority is so big that no snap vote could defeat it. Thus backbenchers are constantly allowed out. In fact, the Government would rather they were out all the time. Ministers and whips do not care about the danger to society of having lots of MPs on the streets with nothing much to do. One week into his sentence, Mr Mandelson was bearing up as well as could be expected. Like all lifers, he has certain privileges. He is encouraged to serve much of his sentence at Hartlepool open prison. When he rose yesterday, during education and employment questions, he received a huge cheer. Sadly for him, it was from the Tories. Government loyalists remained silent and wary (F. Johnson /*

The Daily Telegraph, 16.03.01) (Но Тони Блэр сказал, что Мендельсон не займет более свой пост в правительстве [to rejoin (юр.) – подавать вторичное возражение (об ответчике)]. Двери тюрьмы захлопнулись. Мендельсон был доставлен под конвоем к лейбористам-заднескамеечникам. Поначалу остальные узники ненавидели его. Но, возможно, теперь ему удалось расположить к себе некоторых из них. Прошел слух, что раньше он был политиком. Спустя какое-то время он начал выполнять их обязанности, как то: писал за них письма и улаживал проблемы с британскими паспортами для уроженцев Азии. Теперь они считают его хорошим парнем. К счастью, жизнь заднескамеечника не столь мрачна как раньше. Вынос парашу крайне редко вменяют в обязанность заключенных [практически отменили]. Большинство (правящей партии) в правительстве настолько велико, что никакое голосование (путем поднятия рук) не может повлиять на него. Таким образом, заднескамеечников очень часто выпускают на волю. Вообще то, правительство предпочло бы, чтобы они всегда находились на воле. Министров и парламентариев мало заботит опасность, которую представляют для общества многочисленные члены парламента, бесцельно шатающиеся по улицам. Первую неделю своего срока П. Мендельсон выдержал стойко, как и ожидалось. Как у всех приговоренных к пожизненному заключению, у него есть определенные привилегии. Большую часть срока он проведет в Хатерпульской тюрьме открытого типа. Вчера, когда он выступил во время обсуждения вопросов, касающихся образования и безработицы, его приветствовали бурными аплодисментами. К сожалению, аплодировали Тори. Верноподданные правительства настороженно молчали).

В целом, несмотря на то, что в основе использующихся номинаций лежит представление о том, что любой преступник (независимо от его общественного положения и социального статуса) должен быть наказан, метафоры данного фрейма ориентированы на «эксплуатацию» смыслов «непредсказуемости», «неправомерности» действий политической элиты. Средством выражения негативной оценочности помимо используемой пейоративной лексики, обозначающей отступления от социальных

норм, является контекстуальная поддержка метафор путем пояснения, развертывания метафоры в тексте: действия членов

Парламента подчиняются логике развертывания и саркастически переосмысливаются в рамках исходной понятийной сферы.

Большинство лексических единиц со сферой-донором «суд», используемых для метафорической характеристики настоящего момента действительности, нагружено негативными оценочными коннотациями, актуализирующими фоновые семы «неправомерности, беззакония, ожесточенности, нецивилизованности». Негативная оценка современной действительности поддерживает неприятие адресатом существующей общественно-политической ситуации, моделируя в сознании избирателя сюрреалистическую картину «мрачного настоящего»: жителями страны, которая является колыбелью западной демократии, управляют преступники, осужденные и находящиеся в местах лишения свободы. Поправление философских постулатов, на которых базируется национальная картина мира, вызывает бунт в душе британцев, общественными добродетелями которых издавна считаются свобода и равенство всех людей перед законом [Сноуман 1977].

«Судебное мышление», столь свойственное британцам, совершает свою экспансию в будущее отдельных политиков, политических партий, движений и страны в целом. Абсолютное большинство метафор, используемых для создания образа «будущего», формирует негативное восприятие последующего развития событий. В центре эмоциональных состояний, на формирование которых направлен концептуальный вектор метафоры «суда», находится отрицание сложившейся системы власти, негодование, осознание острой необходимости перемен.

Таким образом, метафоры из концептуальной сферы-источника «судебное разбирательство» оказались весьма активными при моделировании настоящего и будущего Великобритании в дискурсе предвыборной кампании. Это можно объяснить тем, что указанная метафорическая модель становится особенно продуктивной в случае, когда необходимо воздействовать на общественное сознание: в прагматический потенциал метафор «суда» заложены представления о необходимости изменить ход вещей, мотивация к активной деятельности и уверенность в справедливом решении проблем, столь востребованные в ситуации выборов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сноуман Д. Лобызакующиеся кузины – сравнительная интерпретация британской и американской культур. М. – 1977.
2. Judge A. Presenting the Future (Part 1). Presentation and

Тагильцева Ю.Р.

Екатеринбург

Субъективная модальность и тональность в обзорном политическом тексте

Цель данной статьи охарактеризовать взаимодействие категорий субъективной модальности и тональности в рамках одного политического текста. Исследования категории субъективной модальности позволяют выявить авторскую позицию, понять способ мышления автора. Модальность текста – это выражение в тексте отношения автора к сообщаемому, его концепции, точки зрения, позиции, его ценностных ориентаций, сформулированных ради сообщения их читателю. В свою очередь тональность – не менее значимое средство репрезентации в тексте концептуальной информации, связанной с авторской картиной мира и интенцией сделать ее достоянием читателя. Мы отталкивались от структурообразующих носителей **плана выражения** – субъектной организации и интонационно-речевой организации текста, поскольку именно они способствуют, по нашему мнению, выявлению «голоса автора» как структурирующего, стилиобразующего элемента текста.

Субъектная организация. Как и в любом публицистическом произведении, голос автора выполняет организующую функцию. Авторский голос в публицистической статье может быть представлен двумя способами: он может быть имплицитно или эксплицитно.

На наш взгляд, лингвистическая категория модальности представляет собой в известной степени языковой аналог эпистемической модальности в логике. (Эпистемическая модальность, по мнению Е.И. Беляевой, – «оценка говорящим степени познанности им существования связи между объектом и его признаком» [Беляева 1985: 20]). В работе «Модальность высказывания и пресуппозиция» М.К. Сабанеева отмечает, что средства выражения модальности «характеризуется семантической общностью, заключающейся в способности выражать выводное значение, т.е. умозаключение» [Сабанеева 1990: 95]. Как известно, в основе любого умозаключения лежит логическая оценка связи между причиной и следствием. Таким образом, в состав категории модальности входит только логическая оценка, кото-

рая фиксирует причинно-следственные связи между предметом и его признаком.

В современной лингвистике средствами выражения субъективной модальности принято считать личные местоимения, вводно-модальные слова и частицы, вводные словосочетания, вводные предложения, повторы, междометия, тропы, интонация, словопорядок, специальные синтаксические конструкции. Перечисленные средства модальности, функционирующие на всех уровнях текста, являются своеобразными субъектными маркерами, ибо они способствуют манифестации авторского мировоззрения, эмоционального настроения и вместе с тем выполняют коммуникативную функцию воздействия на сознание адресата.

Интонационно-речевая организация. Исследователями не раз отмечалось, что интонационная окраска текста придает тексту особую эмоциональную насыщенность – «мелодику», но прежде всего выполняет стилеобразующую функцию, «цементирует» произведение. Поэтому, исследуя текстовую категорию тональности, можем выявить эмоционально волевою установку автора, его оценочное отношение к действительности, герою, психологический настрой.

Категория тональности взаимодействует с оценкой, эмоционально усиливая их. Автор стремится разместить в тексте те или иные «сигналы психологической установки <...>, сознательной или подсознательной», которые «проходят через весь текст, создавая одну из сквозных нитей, скрепляющих его в единое целое» [Матвеева 1990: 27]. За счет таких сигналов и создается определенная психологическая окраска речи, некое психологическое самораскрытие автора, которое обладает эффектом эмоционального заражения. Из этого следует, что тональность представляет собой такую текстовую категорию, в которой находит отражение психологическая установка автора текста.

В современной лингвистике средствами выражения категории тональности являются языковые единицы, в основе которых находится эмоционально-экспрессивная оценка. В.В. Виноградов к средствам реализации категории тональности относит такие фигуры, как лексические повторы, сцепления синонимов, а также вопросительные и восклицательные конструкции. По мнению Т.В. Матвеевой, на языковом уровне выделяются следующие базовые средства тональности, непосредственно выражающие семантику эмоциональности, волеизъявления, усиления: эмоциональные междометия, эмоционально-экспрессивная

лексика, эмоционально-экспрессивные аффиксы, экспрессивные интонационные конструкции, прямые и переносные формы повелительного наклонения, экспрессивные синтаксические конструкции, изобразительно-выразительные средства (тропы и фигуры речи). Периферию тональности составляют те единицы языка, которые содержат не прямое выражение эмоционально-экспрессивной семантики, а также слова, обозначающие понятия о тех или иных эмоциях, волеизъявлениях.

Не раз отмечалось, что каждый функциональный стиль обладает своим набором тональностей. Так, в публицистическом стиле, по мнению Т.В. Матвеевой, прежде всего преобладают тон непринужденности и дружелюбия, связанный с необходимостью вступить в диалог с читателем. Автор не только стремится информировать читателей о фактах, события, но и дать им определенную оценку.

Существенную роль выполняют указанные категории и для организации **плана восприятия** текста. Еще М.М. Бахтин, рассматривая проблему речевых жанров, устанавливал непосредственную связь между формой, в которую облечено содержание, и его восприятием. Автор, создавая текст, всегда стремится к тому, чтобы его текст был не просто прочитан, а прежде всего воспринят, понят, интерпретирован адресатом. Поэтому автору необходимо, по мнению М.М. Бахтина, учитывать апперцептивный фон читателя: «насколько он осведомлен в ситуации, обладает ли он специальными знаниями данной культурной области общения, его взгляды и убеждения, его предубеждения (с нашей точки зрения), его симпатии и антипатии – ведь все это будет определять активное ответное понимание им моего высказывания <...>Этот учет определит и выбор жанра высказывания, и выбор языковых средств, то есть стиль высказывания» [Бахтин 1997: 201]. Кроме того, определяется форма подачи информации, от которой зависит, насколько точно будет воспринят текст. Сказанному способствует установление контакта с читателем, который достигается благодаря вовлечению читателя в процесс «сотворчества» (различные «недоговоренности», умолчания, обращения к адресату) и динамике повествования (наблюдатель, автор-исследователь, размышляющий автор и т.д.).

Рассмотрим организацию политического текста на материале статьи Александра Шубина «Россия в поисках пути: реформы тысяча девятьсот восьмидесятых» [«Русский журнал» (доступен - <http://www.russ.ru>)].

Жанровое содержание.

По тематическому содержанию данный текст относится к политическому, так как в нем рассматриваются особенности политической жизни Советского Союза в период правления Н.С. Хрущева и М.С. Горбачева.

Сюжет. Сюжет обусловлен тематикой и проблематикой статьи. Автор разворачивает перед нами картины прошлого: воссоздает атмосферу 70-80-х гг., описывает процессы, которые происходили в стране, начиная с реформ, проводимых Андроповым, и заканчивая реформами Горбачева. Таким образом, все события, описываемые в тексте, подчинены исследованию причин, которые вызвали социальные изменения, и показу того, как развивались реформы и чьи интересы сталкивались.

Композиция. Композицию статьи можно охарактеризовать как монтажную, потому что развертывание мысли осуществляется за счет ассоциаций (отсылка к реалиям прошлого – 70-80-е гг.), а также за счет перехода от одного предмета речи к другому (от описания реформ Андропова к реформам Горбачева). Переход от одного времени к другому подчинен определенной цели – проследить зарождение и завершение кризисной ситуации, сложившейся в стране, т.е. установлению причинно-следственной связи.

Текст отличается следующими особенностями **субъектной организации**. Авторский голос в этом публицистическом тексте характеризуется тем, что он не репрезентирован в форме «я», но мы постоянно чувствуем присутствие автора в тексте. Он постоянно делает «забеги» в будущее, свидетельствующие о том, что «автор» не просто стремится хронологически выстроить историю кризисов СССР – в его задачу входит показать последствия принятых правительством решений:

Результатом выбора альтернативы М. Горбачева стали кадровые чистки и антиведомственный курс 1985-1991 гг., который привел к резкому усилению региональных кланов правящей элиты (особенно ее второго эшелона), демонтаж отраслевой системы управления экономикой и рост самостоятельности хозяйственных субъектов при сохранении их монополистического характера.

Нельзя исключать, что сохранение жесткой структуры управления и дисциплинарный нажим на население в условиях форсированной модернизации могли вызвать гораздо более масштабную и разрушительную конфронтацию.

тацию, нежели та, свидетелями которой мы были во второй половине 1980-х – первой половине 1990-х гг.

В тексте есть отступления в прошлое, через которые проводится историческая аналогия для того, чтобы показать однотипность механизмов власти, несмотря на то, что ситуация, обстоятельства новые, другие:

Модель «рыночного социализма» как равновесия государственного регулирования и инициативы производителей – одна из составляющих конвергенции – своими корнями уходит в косыгинский экономический эксперимент, в идеи Пражской весны и в реформы И. Тито в Югославии, в разработки восточноевропейских экономистов О. Шика, Я Корнай, а в более широком смысле – в труды социалистов XIX в. – П. Прудона, Л. Блана, М. Бакунина, Э. Бернштейна и других.

Авторский голос постоянно комментирует те или иные действия «правлящих мужей», дает оценку их поступкам, стремится понять, чем мотивированы их действия, о чем они думали, какие задачи ставили перед собой, претворяя те или иные реформы в жизнь:

За счет чего Андропов рассчитывал осуществить «ускорение»? «Необходимо усилить ответственность за соблюдение общегосударственных, общенародных интересов, решительно искоренять ведомственность и местничество... Следует решительно повести борьбу против любых нарушений партийной, государственной и трудовой дисциплины».

Основная задача автора – объяснить события, факты, понять суть и природу всех бед и неудач, установить причинно-следственные отношения между фактами:

Горбачев получил немало времени. Его падение стало результатом длительного кризиса преобразований. Граждан волновали уже другие идеи, потому что за несколько лет они разочаровались в лидере, который взял на себя ответственность, но не приблизился к результату. Его реформы перестали быть делом всех. Он ревниво оберегал свое детище от чужих рук, и новые лидеры стали бороться за свои реформы, отбросив старый план. Уступив демократии, Горбачев не стал демократом...

Категория субъективной модальности репрезентирована языковыми, речевыми и текстовыми средствами на морфологи-

ческом, лексическом и синтаксическом уровнях.

Морфологический уровень.

1) личным местоимением «мы»:

Нельзя исключать, что сохранение жесткой структуры управления и дисциплинарный нажим на население в условиях форсированной модернизации могли вызвать гораздо более масштабную и разрушительную конфронтацию, нежели та, свидетелями которой мы были во второй половине 1980-х – первой половине 1990-х гг.

Использование личного местоимения «мы» вместо «я» свидетельствует в данном случае о желании создать эффект «сплоченности» автора с читателями. Он не отделяет себя от общества, ибо всем вместе пришлось пережить перестроечные вехи на пути к «светлому будущему». Такой прием способствует установлению контакта автора с читателем, сближает их;

2) модальные слова:

а) ВМС со значением категорической уверенности:

Разумеется, эта симпатия не была достаточным условием для выдвигания Горбачева на высший государственный пост.

Конечно, лучше, когда социальный план реалистичен, непротиворечив и гуманен. Это снижает уровень издержек.

ВМС «конечно», «разумеется» употребляются в данном случае для того, чтобы у читателя создалось впечатление об авторской уверенности, в том, что автор обладает нужной информацией или сам сведущ в данной области;

б) ВМС со значением «предсказуемости»:

Формальное использование в 1965 г. хозрасчета значительного экономического результата, естественно, не дало.

С помощью ВМС «естественно» автор стремится создать особую картину мира, в котором существование того или иного явления предопределено реальным ходом событий. Автор делает акцент на том, что всегда формальный, негибкий подход к решению экономических проблем будет обречен на провал, и доказательством этого может служить практика 1965 года;

в) ВМС со значением «нормативности»:

Понятно, что в условиях абсолютного господства администрации на предприятии конференция будет полностью находиться в руках директора, тем более что в

перерывах между собраниями и конференциями полномочия коллектива поручалось реализовывать администрации, парткому, профкому и комсомольской организации.

ВМС «понятно» используется автором для того, чтобы показать очевидность факта для всех;

г) ВМС со значением предположения:

Уступив демократии, Горбачев не стал демократом; он не смог привлечь страну к воплощению своего плана, он, возможно, слишком медленно искал путь.

С помощью ВМС «возможно» автор делает акцент на выдвигаемом им предположении об истоках всех бед Горбачева, заключавшихся в том, что он так и не смог увлечь своей идеей страну, будучи слишком медлительным и осторожным;

д) ВМС со значением кажимости:

Огромный потенциал СССР, как казалось, направляется на создание сбалансированной социально-экономической модели, благодаря которой работники свободно принимают хозяйственные решения в соответствии с производственными потребностями, коллективы взаимодействуют на демократическом рынке, центральные органы определяют стратегические приоритеты экономики и общественных потребностей.

ВМС «казалось» способствует выстраиванию в тексте картины мнимого экономического благополучия страны, в которой все граждане имели минимальное представление о происходящих процессах;

е) вводные слова, использованные для структурирования высказывания:

Концепции, обсуждавшиеся в неформальных кругах общественности, фокусировались и формулировались диссидентской средой, затем проникали в «либеральные» круги советников правящей элиты, а от них, в адаптированном виде, – к реформистам в правящей группе. Таким образом, общественность СССР, пусть косвенно, сыграла важную роль в том выборе, который был сделан в 1985 г.

Будущий лидер формулировал сокровенную мечту «помещиков» об «экспроприации экспроприаторов», об установлении своего контроля над сельскохозяйственной промышленностью (а значит, и дефицитной продукцией) и о заполнении финансовых прорех за счет смежни-

ков.

Вводные слова «таким образом», «значит» способствуют подведению важного и необходимого итога, к которому пришел сам автор;

3) модальными частицами со значением предположения:

Освященный мифом о ленинском нэпе, который якобы был эффективной моделью сочетания большевизма с рыночной экономикой, «рыночный социализм» завоевывал политическое сознание нового поколения руководителей.

С помощью частицы «якобы» автор акцентирует внимание на идеях, которыми были увлечены создатели «нэпа», но в то же время развенчивает эти идеи, показывая их эфемерность.

Синтаксический уровень:

1) вводные предложения:

Местническая коалиция была заинтересована в возвращении внешней политики времен разрядки, которая позволила бы сократить затраты на ВПК, получить западные технологии, необходимые для модернизации и преодоления барьеров научно-технической революции (формулировалось всё это, конечно, иначе).

В итоге всё больше людей утрачивали лояльность к режиму не в результате политической оппозиционности, а из-за неспособности системы подстроиться под новые творческие и «виртуальные» интересы граждан (будь то желание авторов «Метрополя» публиковать аполитичные произведения, любовь молодежи к нетрадиционной музыке или к яркой модной одежде).

Вводные конструкции способствуют привнесению в текст авторского комментария по тому или иному вопросу, а также акцентированию внимания читателей на важной, по мнению автора, информации, которая, возможно, ранее не была адресату известна;

2) многократное отрицание:

Ни одна из идей руководителей перестройки не была оригинальной.

Отрицательная конструкция «ни одна ...не была» способствует усилению утверждения, выдвигаемого автором;

3) синтаксический параллелизм:

Наконец, в 1985 г. реформы основательно и экономически необратимо раскачали лодку режима. В этом отношении Андропов – предтеча перестройки, независимо от со-

держания его реформ. В свою очередь, Горбачев – последователь Андропова, вынужденно отказавшийся от следствия авторитарной модернизации.

Синтаксические конструкции «Андропов – предтеча перестройки» и «Горбачев – последователь Андропова» выступают как средство последовательного уточнения, а также акцентирования мысли автора: в действиях Горбачева наблюдается преемственность, что в некоторой степени предопределило исход всех его реформистских начинаний;

4) парцелляция:

Голосовавшие поддержали – искренне или лицемерно – именно ту перестройку, которую потом получили. Единоголосно.

В нормативном варианте эта синтаксическая конструкция представляет собой единое целое – сложноподчиненное предложение «Голосовавшие поддержали единоголосно – искренне или лицемерно – именно ту перестройку, которую потом получили». Подобный разрыв предложения способствует не только выражению авторского «я», но и актуализации важной мысли в тексте;

5) синтаксические конструкции с обособленными членами предложения:

Крайний этатизм – приоритет государства во всех сферах общественной жизни, в первую очередь экономической, – подтачивал и без того хрупкую социалистическую систему, до известного предела проявившую, однако, заметную прочность.

Представленная конструкция («приоритет государства во всех сферах общественной жизни, в первую очередь экономической») выполняет в тексте функцию уточнения, пояснения: предполагается, что читатель обладает неполной информацией, поэтому ее необходимо дополнить, раскрыть, чтобы авторская идея стала доступной каждому.

6) синтаксические конструкции с интонационной паузой:

Горбачев надеялся, что работники отныне не будут разбазаривать ресурсы на «своих» предприятиях, будут трудиться не за страх, а на совесть, что управленцы будут искать все возможности для роста эффективности...

С помощью интонационной паузы (графически обозначенной многоточием) у автора возникает возможность не просто сосре-

доточить внимание читателей на необходимой информации, но и способствует обращению к опыту самих читателей: возможность вспомнить то время, сравнить то, о чем мечтал Горбачев, с тем, что было на самом деле.

Для авторской интонации, представленной с помощью языковых и речевых средств, характерны следующие особенности **интонационно-речевой организации**, манифестирующие иронический подтекст.

Лексический уровень:

1) ирония, манифестируемая с помощью метафор:

а) ***...обострение этнических противоречий в «дружной семьи народов»;***

б) ***... бюрократический «склероз» управления;***

в) ***Аграриев не удовлетворяли частные уступки в виде списывания долгов: сами эти долги коммунистические помещики считали результатом несправедливого распределения средств;***

г) ***Накопление недовольства против стариков, занимавших вышестоящие посты и не дававших дорогу следующей генерации номенклатуры, становилось мощной бомбой, заложенной под режим брежневского равновесия.***

2) иронические аналогии исторического характера:

Реформисты, реально (чаще всего бессознательно) желавшие изменить сложившиеся отношения собственности, вынуждены были до поры камуфлировать свои еще пока смутные планы под осторожный очистительно-преобразовательный пафос пуритан и прагматичную лояльность консерваторов.

3) эмоционально окрашенные слова:

а) ***Желание закрепить за собой какие-нибудь крохи «общенародной собственности» выражалось и в усилении коррупции, и в так называемых ведомственности и местничестве.***

б) ***Значительная часть бюрократии стремилась превратиться в буржуазию, но психологические (в том числе поколенческие) стереотипы и боязнь опоздать к столу, за которым будут делить собственность, вынуждала до поры выступать против такого раздела.***

Используя просторечные формы, автор стремится передать свою негативную (отрицательную) оценку действиям правительства по разделу имущества;

4) эпитеты:

а) После смерти Андропова его реформы не прекратились, но обострилась борьба за власть между потенциальными преемниками одряхлевшего генерального секретаря К. Черненко.

С помощью ярких, образных эпитетов автор передает суть того или иного события, факта, явления, а также авторское отношение к нему;

5) метафоры, в том числе милитарные:

а) Выстраивалась социальная инфраструктура будущих «партий» времен перестройки – патриоты и либералы окапывались в толстых журналах, народники изучали мыслителей прошлого и пели песни, западники писали в самиздат или делали партийно-государственную карьеру.

б) Наконец, в 1985 г. реформы основательно и экономически необратимо раскачали лодку режима.

6) сравнения:

Но в реформах, как и в революциях, промедление смерти подобно...

7) латинские крылатые выражения:

Горе побежденному.

8) разговорные элементы:

В докладе Брежнева на пленуме предлагалось решить проблемы продовольственного дефицита путем объединения субъектов агропромышленного комплекса (АПК) под одной управленческо-планирующей «крышей».

Синтаксический уровень:

1) интонационные паузы (многоточия):

а) Есть возможность хорошо заработать и получить на вырученные от собственного труда деньги полноценные качественные продукты и услуги...

б) Ведь известно, что в СССР «инициатива наказуема»...

Такие синтаксические конструкции предоставляют возможность читателю подумать над какой-либо проблемой, стать соавтором данного произведения.

2) эмоционально «нагруженные» вопросительные предложения и цепочки вопросов:

а) Был ли общественный идеал Горбачева негоден или он не осуществился из-за эффективного сопротивления противников? Был ли шанс исправить недостатки уто-

пии по мере ее частичного воплощения?

б) Но как поднять отученных от инициативы людей на «трудовые свершения»?

в) Но что мешало сделать это раньше? Почему ни хозяйственники, ни инженеры, ни рабочие не стремились раньше «интенсифицировать», «внедрять»?

г) Но не будет ли тогда поздно?

Итак, мы видим, что перед нами не бесстрастный комментатор, желающий лишь пояснить факты, а автор, стремящийся дать оценку тем действиям, событиям, которые проходили в прошлом, выразить свою точку зрения.

Ассоциативный фон статьи представлен отсылками к историческим фактам:

а) Поддерживая идею «очищения» социализма от наслоений коррупции и «мещанской мелкобуржуазности», пуритане категорически отрицали отход от каких бы то ни было официально провозглашенных принципов системы.

б) «Помещики» оказывались в авангарде борьбы «промышленников» против центральной бюрократии. Этот парадокс не является особенностью перестройки. Например, в Великобритании XVII в. новые дворяне возглавили «буржуазную» коалицию, которая совершила революцию.

в) Модель «рыночного социализма» как равновесия государственного регулирования и инициативы производителей – одна из составляющих конвергенции – своими корнями уходит в косыгинский экономический эксперимент, в идеи Пражской весны и в реформы И.Тито в Югославии, в разработки восточноевропейских экономистов О.Шика, Я.Корнай, а в более широком смысле – в труды социалистов XIX в. – П. Прудона, Л. Блана, М. Бакунина, Э. Бернштейна и других.

Особенность этого публицистического текста заключается и в том, что автор намеренно выстраивает систему апелляций к жизненному опыту читателя, но при этом постоянно смещает фокус видения событий тех лет: он подводит читателя к новому, глубокому осмыслению действий правительства 70-80-х гг., исподволь приближая свою точку зрения к кругозору читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лейдерман Н.Л., Барковская Н.В. Теория литературы

(вводный курс): Уч.-метод. пособие / Урал. гос. пед. ун-т; Науч.-исследоват. центр «Словесник». – Екатеринбург, 2003.

2. Беляева Е.И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1985.

3. Сабанеева М.К. Модальность высказывания и пресуппозиция / Функциональные, типологические и лингвистические аспекты исследования модальности / Тезисы докладов конференции. – Иркутск, 1990. – С. 95.

4. Горохов В.М. Закономерности публицистического творчества. – М., 1975.

5. Ким М.Н. Технология создания журналистского произведения. – СПб., 2001.

6. Шкляр В.И. Публицистика и художественная литература: продуктивно-творческая интеграция: Автореф...докт. филол. наук. – Киев, 1989. – С. 44.

7. Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. – Свердловск: Издательство УрГУ, 1990. – С. 27.

8. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров./ М.М. Бахтин. Собрание соч. в 7 томах. – Т 5. – М., 1997.

9. Шубин А. Россия в поисках пути: реформы тысяча девятьсот восьмидесятых // «Русский журнал» (доступен – <http://www.russ.ru>).

© Тагильцева Ю.Р., 2006

Шаова О.А.
Екатеринбург

**МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ
«ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ – ЭТО МОНАРХ»
ВО ФРАНЦУЗСКОМ ДИСКУРСЕ МАСС-МЕДИА:
ИСТОЧНИКИ И ПРИЧИНЫ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ**

В своей работе мы исходим из утверждения А. Ричардса и Дж. Лакоффа [Теория метафоры 1990] о метафоричности человеческого мышления, принимая во внимание ведущую роль метафоры в «вызревании мысли» на переходе от конкретного в опыте и деятельности к абстрактному и сложному. Концептуальная метафора, изучаемая в рамках когнитивной лингвистики как когнитивный процесс, выражающий и формирующий новые представления, является универсальным средством подачи информации путём переноса знаний из знакомой, конкретной области в неизвестную, менее структурированную сферу и обладает способностью создавать ментальную модель действитель-

ности, активизируя закодированную информацию, хранящуюся в когнитивных структурах человеческого мозга (Н.Д. Арутюнова, М. Джонсон, Ж. Фоконье, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, Дж. Лакофф, В.В. Петров, Т.Г. Скребцова, В.Н. Телия, А.П. Чудинов и др.). Присущие концептуальной метафоре свойства (способность концептуализировать, категоризировать, моделировать действительность) играют каталитическую роль в осмыслении мира.

Способность концептуальных метафор образовывать сложные системы позволяет им объединяться в модели. Метафорическая модель, являясь абстрактной концептуальной схемой действительности, представляет собой исходную понятийную область (область-источник, сферу-донор) и новую понятийную область (сферу-мишень, реципиентную сферу), которая обычно сохраняет не только структуру исходной области, но и эмотивный потенциал, характерный для концептов сферы-источника, что способствует активизации в сознании адресата комплекса знаний и сведений с оценочными смыслами [Чудинов 2003: 70].

По мнению исследователей, монархическая метафора – явление распространённое в российском политическом дискурсе, так как оно связано с национальными традициями (А.А. Каслова, Н.А. Санцевич, Т.Б. Соколовская, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал). Стоит особо подчеркнуть, что, несмотря на то, что Франция, как и Россия, – страна с многовековой монархической формой правления, в средствах массовой информации метафорическая характеристика главы государства в терминах абсолютной власти используется крайне редко. Из проанализированных нами 182 французских газетных текстов (периода 1999-2005 годов) было найдено два метафорических словоупотребления ближайших эквивалентов самых частотных русских слотов «Царь» (le roi (король)) и «Царствовать» (régner). В них президент Франции Ж. Ширак предстаёт монархом, обладающим верховной божественной властью. Ср.:

Chirac. Au royaume du roi-président, le droit divin mâtiné de légitimité républicaine s'impose donc (Н., 03.04.04). Ширак. В королевстве короля-президента навязывается смесь божественного права с республиканскими законами.

Проведённое исследование показывает, что единичность подобных метафор, их низкая способность к развёртыванию в газетном тексте не ведут к образованию связи между понятийными сферами «Президентская власть во Франции» и «Монар-

хия». В сознании французского народа образ национального политического лидера ассоциативно не связан с монархической системой управления, поскольку ситуация слияния власти и собственности (когда представители элиты являются в своих глазах и в глазах подчинённых одновременно правителями и собственниками государства) не характерна для Франции, где закон проводит чёткое разграничение между этими двумя явлениями.

Однако при характеристике российской верховной власти монархическая метафора, используемая во французских газетах, оказывается настолько продуктивной, что складывается в определённую систему. Несмотря на то, что Россия представляет собой демократическое государство, можно с уверенностью заявить, что во французской прессе сложились определённые стереотипы в представлении передачи власти в России: власть наследуется, глава государства назначается, а не избирается. Президент России номинируется во французских СМИ как правитель, наделённый неограниченной верховной властью. В рамках модели **ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ – это МОНАРХ** выделяются следующие фреймы.

1. Фрейм: «Transmission des pouvoirs» – «Передача власти»

К приходу к власти В. Путина во французском дискурсе масс-медиа уже сложился устойчивый стереотип, в рамках которого президент России концептуально предстаёт полноправным правителем, обладающим неограниченной властью. Ср.:

«JDANOV a été assassiné». Ce titre des journaux communistes, en janvier 1953, sera la dernière sensation du règne de Staline (M., 26.02.03).

«Жданов убит». Такой сенсацией, облетевшей все коммунистические газеты, в январе 1953 г. закончилось царствование Сталина.

Le tsar laisse un pays défait et amer. Crise, guerre, corruption, Eltsine a affaibli l'autorité de l'Etat (L., 01.01.00).

Царь оставляет после себя в стране разруху и горечь. Кризис, война, коррупция – Ельцин ослабил государственную власть.

В концептуальной картине мира французского реципиента Россия предстаёт страной с устоявшимися монархическими традициями. Появление на политической арене В. Путина в ментальном пространстве адресата ассоциативно связано (по

аналогии со структурой источниковой сферы) с актом передачи власти.

Слот 1.1. Héritier – Наследник

Несмотря на внезапность и непредсказуемость начала президентства Путина, концептуально смена российской власти представлена как закономерная смена правителя. Используемые метафоры, номинирующие Путина в качестве наследника (héritier (наследник), dauphin (дофин), successeur (преемник)), находящегося у власти царя Б. Ельцина, актуализируют законность, планомерность прихода к власти нового правителя. Ср.:

*Tiré des Mémoires de Boris Eltsine, qui confie avoir choisi son **dauphin**, Vladimir Poutine, à la suite d'une partie de chasse en 1994 où ce dernier tua d'un coup de feu un sanglier retord* (H., 08.04.00).

В своих «Мемуарах» Б. Ельцин рассказал о том, что своего наследника (дофина), Владимира Путина, он выбрал ещё в 1994 на охоте, когда тот подстрелил кабана.

*Tatiana Diatchenko parla dans la Komsomolskaïa Pravda de la «difficile année passée de son papa», rappelant que «lui seul» avait pris la décision de faire de Vladimir Poutine son **héritier** politique* (M., 05.02.01).

Т. Дьяченко рассказала «Комсомольской правде», что «у её отца был тяжелый год», напомнив, как он «в одиночку» принял решение сделать В. Путина своим политическим наследником.

Благожелательное отношение, расположение царя к наследнику подчёркиваются метафорическим употреблением лексем «favori» (фаворит), «protégé» (протезе). Ср.:

*Le résultat de l'élection conforte tous les espoirs du **protégé** de Boris Eltsine. V. Poutine l'emporte avec 52,52% des suffrages* (M., 28.03.00).

Результаты выборов оправдали все ожидания протезе Бориса Ельцина. В. Путин победил, набрав 52,52% голосов.

*De retour de Saint-Petersbourg, le premier ministre britannique Tony Blair a fait l'éloge du président par intérim de la Fédération de Russie, Vladimir Poutine, **favori** de l'élection présidentielle russe* (M., 28.03.00).

Вернувшись из Санкт-Петербурга, премьер-министр Великобритании Тони Блэр одобрительно отзывался об и. о. президента РФ Владимире Путине, фаворите президентской гонки.

Слот 1.2. Transmission du pouvoir – Акт передачи власти

Согласно Конституции Российская Федерация – демократическое государство с выборным принципом передачи власти. Власть выбирается на время. Прошло время - власть меняется, но опять через выборы. Монархическая метафора нарушает эту категориальную сетку, возникающая новая – коренным образом меняет восприятие французским реципиентом данного фрагмента действительности. Метафорическое представление России монархией стало причиной переосмысления принципа передачи власти, поскольку для монархии характерен наследственный порядок замещения верховной власти.

Приходу к власти нового «царя» Владимира Путина предшествовало «отречение от престола» (*abdiquer, abdication*) Б. Ельцина, передавшего своему преемнику символ царской власти на Руси – шапку Мономаха (*la toge de Vladimir Monomaque*). Ср.:

Routine propulsé à la tête du Путин, выдвинутый во главу
pays à la faveur du conflit страны, благодаря чеченскому
tchéchéne et de l'**abdication** конфликту и отречению уходящего царя.
d'un tsar finissant (М., 11.02.00).

Le «tsar» vieillissant et malade a **abdiqué** en faveur de son dauphin. Dans l'histoire millénaire de la Russie, c'est la première fois (М., 02.01.00).

Стареющий и больной «царь» отрёкся от престола в пользу своего наследника. В тысячелетней истории России такое впервые.

Voici Vladimir Poutine, quatorze mois après avoir reçu des mains de son prédécesseur Boris Eltsine «**la toge de Vladimir Monomaque**» (grand prince de la Russie du XIIIe siècle) (М., 18.01.01).

Прошло чуть больше года с того момента, как В. Путин получил из рук своего предшественника Бориса Ельцина «шапку Владимира Мономаха» (великий Русский князь XIII в.).

Сроки правления монарха не ограничены никакими временными рамками, права его наследственны и длятся пожизненно, поэтому любые выборы при монархической форме правления лишены смысла, ибо их результат известен заранее. Ср.:

À la veille de l'élection **présidentielle de Russie**, à l'issue de laquelle Vladimir **Poutine** devrait **se succéder à lui-même**... (Н., 12.04.04).

Накануне президентских выборов в России, в результате которых Владимир Путин должен будет наследовать сам себе...

Типовое прагматическое наполнение данного слота – неде-

мократическая форма правления России, отсутствие права выборности власти.

Слот 1.3. Intronisation – Восшествие на престол

В терминах монархической метафоры инаугурация В. Путина представлена как восшествие на трон (intronisation), коронация (couronnement). Ср.:

Il a au même moment intronisé В то же время Ельцин возвёл son premier ministre, Vladimir на трон своего преемника, Poutine, comme son successeur премьер-министра Владимира Путина. (Н., 16.11.99).

Вступление в должность В. Путина во французской прессе метафорически представлено в религиозных терминах. Как отмечает А.П. Чудинов, создаваемый образ святого усиливает эмоциональный эффект, «направленный на создание образа «безупречности» и «всемогущества», объекта преклонения, вызывающего священный трепет» (Чудинов 2003: 215). Подобно Иисусу Христу, который вознёсся в небо через 40 дней после своего воскресения, новый российский лидер «возносится» на престол. Ср.:

Russie. L'irrésistible ascension Россия: неотвратимое вос- de Poutine? (Н., 21.12.99). хождение Путина?

L'insécurité en Russie est Обстановка в России стала beaucoup plus grande ещё более напряженной с aujourdhui qu'au moment où момента прихода Путина к Vladimir Poutine commence son сти (досл. начало восхожде- ascension vers le Kremlin (Л., ния Путина в Кремль). 13.09.04).

С одной стороны, метафорическое употребление лексемы *ascension* актуализирует положительные оценочные концепты, которые, как правило, связаны с понятием верха (Lakoff, Johnson 1980). С другой стороны, необычное контекстуальное окружение данного слова (речь идёт о начале президентства Путина) служит выражению иронически-отрицательной оценки.

2. Фрейм: «Représentant de l'autorité suprême» – «Носитель верховной власти»

Французские газеты тиражируют метафорическое представление президента В. Путина монархом, царём, полноправным хозяином своей страны. По частотности употребление метафорических терминов конкурирует с прямыми номинациями, отражающими истинное место Путина в структуре российской государственной власти. Монархическое восприятие главы россий-

ского государства формирует в сознании французского социума представление о политически неограниченной власти российского президента.

Слот 2.1. Tsar – Царь

Типовым для рассматриваемого слота является концепт «tsar» (царь) – титул, ассоциирующийся для француза с императорской властью в России. Отсутствие на страницах французских газет иных метафорических номинаций при обозначении первого лица Российской Федерации (souverain (суверен), sa majesté (его величество), roi (король), empereur (император)) объясняется тем, что историзм «царь всея Руси» сформировал стереотип в сознании среднестатистического француза, а периодические издания эксплуатируют и закрепляют распространённые в обществе стереотипы. Ср.:

Plus que jamais la principale préoccupation du tsar Poutine paraît être de consolider son pouvoir (M., 12.04.01). Сейчас больше, чем когда-либо, царь Путин занят укреплением своей власти.

Le président Vladimir Poutine était reçu comme un tsar par la reine d'Angleterre (M., 28.07.03). Президент Владимир Путин был принят как царь королевой Великобритании.

Для достижения большего коммуникативного успеха, для усиления экспрессивности и оценки во французской прессе используется неологизм «super-tsar» (суперцарь), являющийся своего рода плеоназмом, так как префикс super- («префикс интенсивности», образующий имена существительные со значением проявления повышенного или высшего качества) дублирует значение исходной лексемы (поскольку царь – это уже глава, вершина государства). Ср.:

*Poutine **super-tsar**? (H., Путин – суперцарь (сверх-царь)?*

В результате представления В. Путина в качестве всевластного монарха в картине мира адресата образ президента России наделяется определённым прагматическим смыслом. Глава президентской республики характеризуется несвойственными для него полномочиями: бесконтрольным полномочиём, вседозволенностью, категоричностью в принятии решений, что не способствует формированию его положительного образа.

Слот 2.2. Maître – Хозяин

Во французском дискурсе масс-медиа оказалось востребованным концептуальное представление президента Путина как

рачительного и энергичного хозяина, получившего в управление сначала свою «резиденцию» – Кремль (*maître du Kremlin, hôte du Kremlin*), а затем и всю страну. Ср.:

*En cédant à cette dernière exigence du **nouveau maître du Kremlin**, MM. Goussinski et Kisselev avaient cru le satisfaire (M., 16.04.01).*

*La question tchéchéne a servi de principal atout électoral à l'actuel **hôte du Kremlin** (H., 25.10.02).*

*Quel est le pouvoir réel de M. Poutine? L'ancien agent du KGB devenu président est-il le **maître en son Kremlin**? (M., 28.07.03).*

Maître Poutine. Plus encore qu'un réformateur à tendances dictatoriales, Vladimir Poutine, véritable grand vainqueur des élections législatives russes du dimanche 7 décembre, est un flatteur (M., 09.12.03).

Во многих контекстах при разворачивании данного слота используется образ Штольца из романа И.А. Гончарова «Обломов». В пользу президента России свидетельствует то, что В. Путин ассоциируется в сознании французского общества с холодным, прагматичным, но предприимчивым Штольцем, а не с мягким, беззащитным, бездеятельным Обломовым. Ср.:

*Vladimir Poutine, tout en présentant un visage jeune, en affichant un goût prononcé pour l'«ordre», actif comme un **«Stolz»** et en bons termes avec l'Ouest, aura du mal à effacer totalement l'image laissée par la fin de l'ère eltsinienne (M., 01.12.01).*

La Russie a la chance, depuis que Vladimir Poutine s'est rangé

Уступая этому последнему требованию нового хозяина Кремля, господа Гусинский и Киселев решили, что они выполнили его.

Нынешнему хозяину Кремля чеченский вопрос послужил главным козырем на выборах.

Какова реальная власть г-на Путина? Бывший агент КГБ, ставший президентом, хозяин ли он своей страны? (досл. в своём Кремле).

Хозяин Путин. Реформатор с диктаторскими замашками, победитель на законодательных выборах, прошедших в воскресенье 7 декабря, ещё и великий льстец.

В. Путину, несмотря на молодость, приверженность к «порядку», штольцовскую активность и хорошие отношения с Западом, понадобится много сил, чтобы стереть образ России, созданный в конце ельцинской эры.

После того, как Путин встал на сторону США, можно ска-

du côté des Etats-Unis, d'être zamp, России повезло, что ею dirigée par un «Stolz» (M., управляет такой «Штольц». 01.12.01).

Стоит отметить неоднозначный прагматический потенциал данного фрейма. С одной стороны, в современном обществе распространён стереотип, в рамках которого монарх воспринимается как всевластный, деспотичный, пользующийся безнаказанностью и не подчиняющийся никаким законам человек. Вспомним лозунг западноевропейских королей Средневековья, гласящий: «Делать всё безнаказанно – вот что значит быть королём».

С другой стороны, получаемые адресатом сведения о личности российского президента апеллируют и к положительным для французской культуры знаниям. Быть хозяином своей страны, быть самодержцем – значит, заботиться о подданных, обеспечивать общественное процветание.

3. Фрейм: «Gouvernement du tsar» – «Правление царя»

Слот 3.1. Règne – Царствование

Монарх обладает всей полнотой власти в государстве и осуществляет её по единоличному усмотрению. Он принимает решающее участие в законодательстве, управлении и правосудии. Как нами было отмечено, концептуальная картина мира отражает не научный взгляд на мир, а обыденные, «наивные» (Апресян 1995: 36) представления человека о мире. Следовательно, во французской ментальности основная деятельность царя Путина заключается в «царствовании» (régner, règne). Ср.:

*C'est lui, c'est notre ami Poutine, Вот он, наш друг, он выводит il nous sort d'un long cauchemar, нас из долгого кошмара, он il nous rassure, il **règne d'une** успокаивает нас, он правит main de fer sur le plus grand железной рукой самой больш- pays du monde (M., 08.01.03). шой страной в мире.*

Французские СМИ подчеркивают стремление Путина укрепить свою самодержавную власть. Типовые для данного слота концепты (consolider son pouvoir (укрепить свою власть), asseoir son pouvoir (установить свою власть), mettre au ras (подчинить себе), mettre genou (преклонить колени)) в метафорическом значении характеризуют деятельность президента как жесткую, безнаказанную, бескомпромиссную. Ср.:

Par exemple, il a fallu, pour Понадобилось, к примеру, asseoir le pouvoir de Vladimir чтобы установить власть

Poutine, mener «une sorte de guerre civile froide» en 1999 et 2000 (M., 01.12.01).

*En affrontant les oligarques, M. Poutine veut **consolider son pouvoir** (M., 06.07.03).*

*Poutine s'attachait à restaurer l'autorité de l'Etat (c'est-à-dire la sienne) dans les régions, faisait **mettre genou à terre** aux oligarques qui pillaient la Russie, ou plutôt à ceux d'entre eux qui avaient cru pouvoir le défier (M., 01.12.01).*

(досл. усадить власть) Пути-на, вести своего рода «гражданскую холодную войну» в 1999 и 2000 годах.

Выступая против олигархов, г-н Путин намерен укрепить свою власть.

Путин пытается восстано-вить (реставрировать) власть государства (т. е. свою) в регионах, а олигархов, грабивших Россию, или скорее тех из них, кто посмел бро-сить ему вызов, поставить на колени.

Слот 3.2. Activité du maître – Деятельность хозяина

Широко за пределами России известен стереотип о бездеятельности, апатичности, фатализме русского народа: «русский народ тяготеет к натуральному развитию медленным шагом времени, что органично для русского медведя ... или даже для мамонта» [Гачев 1998: 220]. На фоне всеобщей инертности действия президента концептуально представляются как хлопоты активного и деятельного хозяина. Таким образом, в газетных статьях разворачивается иной ряд метафор с позитивным прагматическим потенциалом.

Используемые средства метафорической характеристики создают в ментальном пространстве французского реципиента вызывающий симпатию и одобрение образ рачительного хозяина, наводящего порядок в доставшемся ему неблагополучном хозяйстве. Ср.:

*Vladimir Poutine aura du mal à **effacer** totalement l'image d'une Russie où l'Etat serait capturé, instrumentalisé par des groupes opaques (L., 01.12.01).*

В. Путину понадобится много сил, чтобы стереть образ российского государства, которое приручили и которым управляют подпольные группировки.

*Vladimir Poutine se veut le **modernisateur** d'un pays meurtri par quinze années de **réformes chaotiques** après des décennies de soviétisme (M., 30.05.03).*

Владимир Путин видит себя реформатором (досл. модерни-затором) страны, искалечен-ной пятнадцатью годами хао-тических реформ после деся-

тилетий советской власти.

Что характерно, французская пресса акцентирует внимание на таких чертах нового хозяина, как активность, энергичность, решительность, заботливость, посредством метафорического использования слов, обозначающих повседневную деятельность человека (*œuvrer* (работать, создавать), *reaffiner* (отделывать, вылизывать), *ressortir des cartons* (достать из коробок), *prendre des mesures énergiques* (предпринимать энергичные меры), *construire* (строить), *démanteler* (разбирать)). Ср.:

*Le chef de l'État, fidèle à son image de **travailleur acharné**, s'est immédiatement **attelé** à la constitution d'un nouveau cabinet de ministres* (H., 08.05.00). *Новый глава государства, верный своему имиджу «трудолюбивца», впрягся в создание нового кабинета министров.*

*Depuis son arrivée au Kremlin, en décembre 1999, Vladimir Poutine a **ressorti des cartons** une bonne partie de la symbolique soviétique* (M., 20.02.02).

С момента прихода к власти в декабре 1999 В. Путин снова ввёл в обиход (досл. достал из коробок) многое из советской символики.

*Maintenant, il est vrai qu'il appartient au président Vladimir Poutine de **prendre des mesures énergiques** de nature à améliorer significativement une situation dont les autorités actuelles sont bien sûr en partie responsables* (H., 15.11.02).

Теперь стоит признать, что президент Владимир Путин предпринимает решительные меры, чтобы значительно улучшить сложившуюся ситуацию, ответственность за которую отчасти несёт и нынешняя власть.

*L'Occident doit toutefois ouvrir les yeux et reconnaître que la Russie que **construit** Poutine ne sera pas un bon voisin* (M., 14.11.03).

Запад должен открыть глаза и признать, что Россия, которую создаёт (досл. строит) Путин, будет не таким уж хорошим соседом.

Не получают во французских газетных текстах развития метафоры с негативным прагматическим потенциалом, цель которых – выявить беспринципность, неопытность, непрофессионализм, иными словами те качества хозяина, которые традиционно используются в политическом дискурсе для характеристики молодого политика [Шейгал 2000: 13].

4. Фрейм: «Entourage du tsar» – «Окружение царя»

Косвенную оценку глава российского государства получает

через характеристику своего окружения. Политическая элита России метафорически номинируется как *cour* (двор), *boyards* (бояре), *barons* (бароны), *féodaux* (феодалы), *sujets* (подданные), *moujiks* (мужики), *liges* (холопы). Ср.:

Endiguer la résistance de «barons régionaux», tout en s'appuyant sur une «bureaucratie fédérale composée avant tout du FSB et des structures de forces» (M., 01.12.01). Локализовать (досл. преградить плотиной) сопротивление «региональных баронов», одновременно опираясь, тем не менее, на «федеральную бюрократию, состоящую прежде всего из ФСБ и силовых структур».

La classe politique russe voyait en Vladimir Poutine l'homme lige du tsar Boris (H., 01.01.00). Российский политический класс увидел во Владимире Путине верного холопа (досл. ленник) царя Бориса.

Как и у любого владыки, у царя Путина есть свои любимчики (*protégés*) и свои фавориты (*favoris*). Ср.:

Le parti Russie unie, adoubé par Vladimir Poutine, est donné favori pour les élections législatives qui se dérouleront le 7 décembre en Russie (M., 04.12.03). «Единая Россия», благословлённая (досл. посвящённая в рыцари) Путиным, предстаёт фаворитом на законодательных выборах, которые состоятся в России 7 декабря.

Comment vont se partager les formidables recettes du pétrole et du gaz russes entre favoris de Vladimir Poutine? (L., 11.10.04). Как поделят между собой огромные доходы от нефтяной и газовой промышленности фавориты Владимира Путина?

Pièce maîtresse de la politique de «tchétchénilisation» engagée par Poutine, son protégé, le président prorusse Akhmad Kadyrov (L., 23.06.04). Главное действующее лицо выбранной Путиным политики «чеченизации», его протееже, президент Ахмад Кадыров, сторонник российской политики.

Требования правителя к своему личному окружению интерпретируются в рамках данной метафорической сетки. Ср.:

A cinq jours de l'élection présidentielle du 14 mars, le chef За пять дней до президентских выборов 14 марта глава

du Kremlin a nommé un nouveau gouvernement constitué de fidèles (M., 11.03.04). *государства назначил новое правительство, состоящее из преданных ему людей.*

Подданным при таком государе остаётся лишь молча и беспрекословно подчиняться. Ср.:

La Russie reste un pays dur aux faibles et doux aux puissants, à condition qu'ils courbent l'échine devant un pouvoir central en pleine renaissance (M., 01.12.01). *Россия остаётся страной суровой для слабых и мягкой для сильных мира сего при условии, что они прогнутся перед зарождающейся центральной властью.*

Данный фрейм акцентирует внимание французского адресата на сконцентрированности власти в руках одного человека, на политической несамостоятельности правящего класса России, на отсутствии демократических прав и свобод не только у российского населения, но и у политических деятелей.

В средствах массовой информации Франции при характеристике действующего президента Российской Федерации монархическая система правления оказалась одним из самых продуктивных источников метафорической экспансии.

Способность метафорической модели **ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ – это МОНАРХ** к детальному развёртыванию свидетельствует о её востребованности французским адресантом, который осознанно или злонамеренно благоприятствует укоренению сложившихся во французском обществе стереотипов, образно представляющих гаранта конституции России в терминах абсолютного, всевластного монарха, что не ведёт к формированию позитивного образа российского президента в концептуальной картине мира адресата-представителя французской лингвокультуры. Вместе с тем, отдельные фреймы отражают концептуальное представление французами монарха как заботливого и рачительного хозяина, деятельность которого противопоставляется бездействию предыдущих российских лидеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная картина мира // Избранные труды. – Т. 2. – М., 1995. – 766 с.

2. Гачев Г. Национальные образы мира. – М., 1998. – 429 с.

3. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург, 2003. – 248 с.

4. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Автореф. дис... докт. филол. наук. – Волгоград, 2000.

РАЗДЕЛ 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Кустова А.Е.

Нижний Тагил

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЛАКУНЫ ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ (лингвокультурологический аспект)

При сопоставлении лексики двух языков можно обнаружить лакуны, пробелы, «белые пятна» на семантической карте одного из языков. В понимании большинства лингвистов эти «белые пятна» появляются в результате отсутствия эквивалента в виде слова слову другого языка.

В.Л. Муравьев делит лексические лакуны на две основные категории: **лингвистические лакуны** и **этнографические лакуны**, которые в свою очередь, делятся на **абсолютные**, **относительные**, **векторные** и др. Следуя этой теории, далее мы рассмотрим абсолютные, относительные лингвистические и этнографические лакуны конкретно при сопоставлении французского и русского языков.

Абсолютные лингвистические лакуны связаны с отсутствием у носителей того или иного языка возможности выразить отдельным словом или устойчивым словосочетанием понятие (реже) суждение, лексически зафиксировано в другом языке.

Абсолютные лакуны можно выделить: а) на словах, например, *pied-à-terre* (пристанище) – абсолютная лакуна для русского языка, а слово «бобыль» – для французского; б) на фразеологизмах, например, *mieux vaut tendre la main que le cou* (лучше побираться, чем воровать) не может быть передано ни при помощи слова, ни фразеологизма на русском языке. Русские фразеологизмы «Доброе утро!», «С приездом!», «на здоровье» представляют абсолютные лакуны во французской лексике.

В отличие от абсолютных лакун **относительные лакуны** выделяются при сравнении частоты употребления слов с общим значением в двух языках. Таким образом, данный вид лакун существует на уровне речи при общности понятий, выражаемых сравнительными словами.

Для выявления относительных лакун необходим сравнительный статистический подсчет употребления в речи двух языков тех или иных слов. В некоторых случаях, однако, косвенным лингвистическими свидетельствами слабой употребительности

слова в одном из языков по сравнению с другими, по мнению В.Л. Муравьева, могут быть следующие факты:

- Слово не образует либо образует незначительное количество фразеологизмов в одном из языков и является излюбленным семантическим стержнем в другом.
- Слово не имеет переносных значений в одном из языков и переосмысливается в другом.
- Слово характеризуется слабой деривацией в одном языке и образует многочисленные производные в другом.

Используя вышеуказанные категории выявления относительных лакун, мы можем констатировать, что слово «щука» является относительной лакуной во французском языке. Действительно, в русском языке слово «щука» и его производные являются стержневыми словами для нескольких фразеологизмов (на то и щука в море, чтоб карась не дремал; по щучьему велению и т.д.). Это же слово образует многочисленные производные, в частности, прозвища, фамилии, название местностей, озер (дед Щукарь, Щукин, Щукарев, озеро Щучье и т.д.). Во французском языке слово «brochet» – одно из рядовых, мало заметных слов – оно не образует ни фразеологизмов, ни производных, ни переносных значений. В свою очередь, французское слово *une grue* имеет точный эквивалент в русском языке «журавль». Но во французском языке это же слово имеет и другое значение *une grue* – «дура; женщина легкого поведения». Соответственно, данное слово будет являться относительной лингвистической лакуной для русского языка. В связи с этим произошел «лингвистический казус» на Каннском кинематографическом фестивале, когда название известного советского фильма «Когда летят журавли», организаторы были вынуждены перевести как «Quand passent les cigognes» (*cigogne* – аист), для того, чтобы избежать неправильного толкования смысла данного фильма.

Следует отметить, что лингвистические лакуны подразумевают отсутствие не только лексических, но и грамматических средств выражения в одном языке при их наличии в другом. Можно обнаружить также определенные морфологические особенности словоформы, делающие ее истинной лакуной. Так многие русские сложные слова, например, с аффиксом «одно» часто оказываются абсолютными лакунами для французского языка, например:

однокурсник – *condisciple de même année*
однолюб – *homme d'un seul amour*

односельчанин – *habitant du même village*.

Среди русских глаголов с приставкой «за» также можно выявить лакуны для французского языка, например:

зазеленеть – *commencer à verdir*

заиграть – *commencer à jouer*

запит – *boire un coup de qch pour faire passer le goût de qch*

заесть – *manger qch pour faire passer le goût de qch*.

Многие русские глаголы с приставками, создающими различные видовые и смысловые оттенки выражаемых понятий, являющихся во французском языке, абсолютными лакунами. Таковы приставки «до» (допить, доесть, доделать и т.д.), «недо» (недопить, недолить, недопеть), «от» (отпить, отоспаться и т.д.).

Можно обнаружить определенные морфологические закономерности, делающие слова труднопереводимыми, и во французском языке. Например, суффикс «ée» часто образует слова, которые могут быть переданы на русский язык лишь свободными словосочетаниями. Например: *assiettée, chambrée, cuillerée* и т.д. (русское «содержимое тарелки», «содержимое комнаты», «содержимое ложки» и т.д.). Трудно, а подчас невозможно найти русские эквиваленты французским существительным на «eur», образованных от глаголов, выражающих некоторые фразеологические проявления человеческого организма, сравним: *cracheur, tousseur, pisseur, rieur* и т.д.

Абсолютные и относительные лингвистические лакуны можно выявить в грамматических категориях двух языков. Например, наличие артиклей в грамматическом строе французского языка будет являться абсолютной лакуной для русского языка. Именно поэтому употребление артиклей вызывает определенные трудности для изучающих французский язык. В свою очередь, наличие системы падежей русского языка – абсолютная лакуна для французского языка. Что касается относительных лакун в одних и тех же грамматических категориях двух языков, бросается, например, в глаза большая употребительность французских притяжательных прилагательных *mon, ton, son* и т.д. сравнительно с аналогичной грамматической категорией в русском языке.

Рассмотрим разновидности **этнографических лакун** русского и французского языков. В отличие от лингвистических лакун, **абсолютные этнографические лакуны** не могут быть выявлены с достаточной точностью при помощи простой констатации отсутствия в одном из языков слова для выражения понятия,

закрепленного в лексике другого языка.

Для выявления абсолютных этнографических лакун необходимо привлекать дополнительные этнографические критерии. Этнографические лакуны непосредственно связаны с внеязыковой национальной реальностью. Следовательно, при выявлении данного вида лакун необходимо каждый раз констатировать наличие или отсутствие, а также сравнительную распространенность той или иной вещи (явления) в быту данного народа. Например, для французов этнографическими абсолютными лакунами будут являться «подстаканник», «валенки», «балалайка», «частушка», «ЖЭУ», «ЗАГС» и т.д. В свою очередь, и во французском языке можно обнаружить абсолютные этнографические лакуны, например: *PACS (pacte civil de solidarité), péage, pneumatique*.

Таким образом, обязательным лингвистическим выражением абсолютных этнографических лакун является отсутствие в одном из языков слова либо фразеологизма для выражения соответствующего понятия. При этом, однако, сохраняется возможность передачи данного понятия свободным словосочетанием (пояснительной перифразой).

Этнографическим признаком абсолютных этнографических лакун следует признавать отсутствие вещи (явления) в быту данного народа при ее наличии в другой цивилизации и вытекающее из этого отсутствие лексически зафиксированного бытового понятия у носителей данного языка.

Для нахождения **относительных этнографических лакун** обычно не требуется специальных лингвистических знаний, поскольку они непосредственно связаны с фактами цивилизации, отличными от национальных, что, как правило, бросается в глаза иностранцу.

Прямыми экстралингвистическими свидетельствами малой употребительности слова в языке может служить слабая распространенность данной вещи (явления) в быту того или иного народа и соответствующая малая значимость понятия, выражаемого этим словом для данной цивилизации. Непосредственным же лингвистическим выражением слабой распространенности предмета в быту является **экзотизм** – семантически не ассимилированное слово. Например, во французском языке: *pirojki, zakouski, képhyr* и т.д. Эти слова можно считать относительными этнографическими лакунами во французской лексике. А в русском языке, напротив, ввиду большой значимости данных

понятий («пирожки», «закуски», «кефир» и т.д.) и распространности этих вещей в быту соответственно слова являются семантически ассимилированными и употребляются достаточно часто. Аналогично, такие французские слова как «бистро», «консьержка» могут считаться относительными этнографическим лакунами в русском языке.

© Кустова А.Е., 2006

Мешкова Т.С.

Кемерово

ФУНКЦИИ КНЯЗЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ (на материале Новгородской I летописи)

Древнерусская литература – знаменательный момент в развитии восточнославянской культуры. По замечанию В.В. Кускова, это прочный фундамент, на котором возводиться величественное здание национальной русской художественной культуры XVIII–XX веков [Кусков 1998: 4]. В ней фиксируются момент «отечественной истории, с которого все начиналось» [Колесов 2000: 6]. То есть, не зная истории древнерусской литературы, мы не поймем всей глубины творчества А.С. Пушкина, духовной сущности творчества Н.В. Гоголя, нравственных исканий Л.Н. Толстого, философской глубины Ф.М. Достоевского, своеобразия русского символизма, словесных исканий футуристов. Следовательно, наша задача, по мнению В.В. Колесова, – «понять то, что именно и каким образом когда-то открывали для себя наши предки, восстановить, хотя бы в общих чертах, картины их познания мира» [Колесов 2000: 8]. Первые произведения оригинальной древнерусской литературы, дошедшие до нас, относятся к середине XI столетия. Их создание обусловлено ростом политического, патриотического сознания общества, стремящегося упрочить новые формы государственности, утвердить суверенность Русской земли. Обосновывая идеи политической и религиозной самостоятельности Руси, литература стремится закрепить новые формы христианской этики, авторитет власти светской и духовной, показать незыблемость, «вечность» отношений, норм правопорядка.

Одним из центральных жанров древнерусской литературы является летопись. Летопись, в интерпретации Д.С. Лихачева, относится к числу «объединяющих жанров», которые сложились в единое величественное целое. Тут и предшествующие лето-

писи, и сказания, и устные рассказы, и исторические песни, созданные в различной среде: дружинной, монастырской, княжеской, а порой ремесленной и крестьянской [Лихачев 1975: 23]. Эти исторические жанры были посвящены важнейшим событиям, связанным с военными походами, борьбой против внешних врагов Руси, строительной деятельностью князя, усобицами и т.д. Одним их древнейших дошедших до нас величайших исторических и литературных памятников является Новгородская I летопись, известная в двух редакциях – старшей и младшей. Старшая редакция представлена списком XIII–XIV веков (это древнейшая, дошедшая до нас, рукопись с летописным текстом), а младшая сохранилась в списках, начиная с середины XVI веков. К сожалению, большая часть Синодального списка Новгородской I летописи утеряна, и повествование ведется с 1015 года. События, изложенные в летописи, систематически доводятся до 1333 года, и в более поздних списках этой летописи находятся упоминания о событиях, произошедших в Новгороде до 1015 года. Наряду с Новгородской I летописью до нас дошли более поздние списки летописных сводов: Вторая, Четвертая, Пятая Новгородские летописи, летопись Авраамки, Уваровская летопись, а также Софийская I летопись. Десятки сохранившихся летописных списков свидетельствуют о том, что, пожалуй, ни один русский город (за исключением Москвы) не имел такой богатой летописной традиции, как Новгород. И это не случайно. Созданию многочисленных летописей способствовала бурная политическая жизнь, высокий уровень культуры, интерес новгородцев к прошлому и настоящему.

В настоящей статье рассматриваются функции князя–правителя в Древней Руси на материале Новгородской I летописи [Новгородская I летопись]. Процессу правления в жизни князя предшествует церемония прихода к власти. Существуют различные пути ‘наследования власти’, среди которых:

- ‘наследование от отца’: Сынъ свои Святослав посади Новгородъ на столъ, а Давыда на Новемь Торгу [30];
- ‘после смерти прежнего князя’: Въ лѣто 6601. Прѣставися Свѣволодъ; и сѣде Святполкъ Киевѣ [18];
- ‘в результате захвата’: И пришедь выгна Глѣба из Тьмутороканя, а самъ сѣде в него мѣсто [184].

Итак, к власти князь приходит после отца, смерти прежнего князя или в результате захвата. ‘Наследования власти’ за счет женитьбы на княжеской дочери в фактологическом материале

не был выявлен. Этот факт встречается, прежде всего, в русских сказках.

Процесс 'наследования власти' неотделим от церемонии 'присяги на верность': Крестъ цѣлова князь, а новгородци к нему: како Андрю не съступиша Новагорода, а новгородцамъ не искази инога князя; живот ли, смерть ли, новгородцомъ съ Андремъ [325]. 'Процесс присяги' состоял в даче слова, обета, клятвенного обещания верности, преданности, соблюдения основных законов и заповедей и сопровождался прикосновением к кресту.

В словаре И.И. Срезневского «Материалы для словаря древнерусского языка» одно из значений *клятвы* – 'присяга' (обычная клятва на оружии в верности и преданности служебному долгу) [Срезневский 1958: 1237]. Князь целует крест в подтверждение своего слова, клятвы. В Древней Руси символом княжеской власти мог выступать не только крест, но и Святая богородица, «грамоты Ярославлии»: Ярославъ цѣлова святую богородицу на всѣх грамотах Ярославлих и на всеи волѣ новгородчкы [278]. Таким образом, одной из функций князя является наследование власти и присягание на верность.

Значимыми функциями являются функции 'правления': Ярополкъ же княже в Киевѣ [124].

На князя в Древней Руси, прежде всего, возлагались задачи военного руководства и дипломатических отношений: 'заключение / разрыв мирного договора': В се же лѣто приходи Болушь с Половци, и створи Всеволодъ миръ с ними [182]; И за то князь великий Дмитрии Иванович розверже миръ с новгородци [369]. В круг занятий князя входило установление и сбор дани и как формы выражения подвластности: 'отмена / установление дани': Сеи же Игорь ... дани устави Словеномъ и Варягомъ даяти, и Кривичемъ и Мерямъ дань даяти Варягомъ, а от Новагорода 300 гривень на лѣто мира дѣля, еже не дають [107]; В лѣто 6574. Ростиславу сущу Тмутороканю и емлющу дань у Касогъ и у иныхъ странъ [185]. Дань и подать устанавливались по обоюдному согласию князя и по заранее составленным документам, в которых ясно определялось, с какой территории и какую именно брать дань или пошлину.

В качестве правителя князь выполняет следующие функции (перечислим некоторые из них):

- 'созыв вече': Мьстиславъ же съзва вѣче на Ярославли дворѣ [53]. Вече – это, как правило, собрание мужского населения города. Собирались на вече имели право все свободные

граждане – от бояр до «черных людей». Вече созывалось не периодически, а тогда, когда в нем была надобность, князем, посадником или тысяцким на Торговой стороне города, на Ярославском дворе, или же звонили вече по воле народа, на Торговой или Софийской стороне. Вече призывает князей, изгоняет их и судит, избирает посадников и владык (архиепископов), решает вопросы о войне и мире и законодательствует.

- ‘изгнание князя’: Въ то же лѣто прогнаста Изяслава въ Ляхы Святослав и Всвлодъ [18];

- ‘назначение правителя’: Тои же осени присла Изяслав ис Кыева сына своего Ярослава [28];

- ‘отдача города во владение’: Тои же осени присла Изяслав ис Кыева сына своего Ярослава, и прияша новгородьци, а Святопѣлка выведе злобы его ради и дасть ему Володимирь [28];

- ‘приведение народа к присяге’: Томъ же лѣтѣ приведе Володимирь съ Мьстиславомъ вся бояры новгородьскыя Кыеву, и заводя я къ чествому хресту [21];

- ‘закрытие / открытие города’: И зая князь вършь на Търожку [54]; Князь не пусти въ городъ ни воза [54];

- ‘назначение священнослужителя’: Въ лѣто 6559. Постави Ярославъ Лариона Русина митрополитомъ [16]; Въ лѣто 6657. Иде архиепископъ новъгородьскыи Нифонтъ въ Русь, позванъ Изяславомъ и Климомъ митрополитомъ: ставиль бо его бяше Изяслав съ епископы Русскыя области, не славъ Цесарюграду [28];

- ‘назначение посадника / тысяцкого’: Князь Всеволод посадничество даша Дмитру Мирошкиницу [246]. Посадник избирался из самых влиятельных бояр на неопределенное время. Он являлся помощником князя и вместе с ним имел право судить и управлять;

Таким образом, князь выполняет функции политика, правителя княжества. Князь заключает мирные договора, принимает послов, назначает правителя в другие княжества, посадников, тысяцких, священнослужителей.

В отдельную группу можно выделить фрагменты текста, в которых князь выполняет функции ‘повелителя’. Повелитель – это человек, который имеет власть над людьми и чьи требования, как правило, беспрекословно исполняются. При этом требования носят различный характер, среди которых:

- ‘повеление захватить’: Князь повhle яти сына его Хри-

стофора [54];

- 'повеление заточить': Ярослав въбегъ въ Переяслалъ, повеле въметати въ погребъ, что естъ новгородьць, а иныхъ въ гридницю [56];

- 'повеление убить': И призвавши князь Яковца Прокница, и повелѣ его убити [233];

- 'повеление охранять': И повелѣ князь стереци их сыну посадницю и всѣмъ дѣтемъ боярьскимъ по ночемъ [310].

Князь может выступать не только мудрым правителем, политиком, повелителем, но и распорядителем. В качестве распорядителя он совершает следующее:

- 'посылает за князем': Князь ... послаша по князя Смена Борисовица, Вячеслава Клемятица, Зубьця Якуна [54];

- 'посылает сына на престол': Присла Всеволодь сына своего Святослава в Новъгородъ, въ недѣлю мясопустную [51];

- 'отправляет послов': И присла Дмитрии князь послы своя в Новъгород с поклоном [321];

- 'отправляет искать брата': Ярополкъ ... посла искати брата своего [124];

- 'присылает в город': Того же лѣта поиде князь Ярославъ на Тържкъ, поимя съ собою Твърдислава Михалковица, Микифора, Полюда, Сбыслава, Смена, Ольксу, и много боярь, и одаривъ, присла въ Новъгородъ [54];

- 'присылает на вече': Князь же Святослав присла свои тысяцьскыи на вѣче [59];

- 'присылает на помощь': Того же лѣта Гюрги князь присла брата своего Святослава новгородьчемъ въ помощь [60].

Таким образом, вышеперечисленные политические признаки присущи князю согласно его социальному статусу, занимаемой ступени в иерархии общества: он правитель, повелитель, властитель, распорядитель. Он распоряжается жизнью и судьбами людей, разрешая вопросы смерти, службы и охраны, помощи и защиты.

Не менее значимыми являются религиозные функции князя, среди которых:

- 'перенос религиозных атрибутов': Володимиръ же посемъ поимши цесарицю и Анастаса и попы корсуньскыя, съ мощьми святого Климента и Фива, ученика его, и поима съсуды церковныя и иконы на благословение собѣ [155];

- 'освящение церкви': В лѣто 6547. Освящена бысть церквы святаыя Богородиця Володимиромъ [16]. Строительство церк-

ви, ее освящение неразрывно связаны с перенесением святых мощей. Данная церемония сопровождалась весельем, праздником: В лето 6480. Пренесоша святая страсотерпца Бариса и Глѣба. Сокупившееся Ярославци: Изяславъ, Святославъ, Всеволод, митрополитъ же бѣ в то время Георгии, и епископи: Петръ переяславьскыи, Михаилъ юрьевскыи, Федосии игумень Печерьскыи, Софронии Святого Михаила игумень, Германъ игумень, и прочии вси игумены, и створившее праздникъ свѣтель, и положиша я в новую церковь, юже созда Изяславъ, яже стоитъ и нынѣ. Въземше бо первое Бориса въ древнне роцѣ Изяславъ, Святославъ, Всеволод, взявша на рама своя и поне-соша, предидущими чернци и свѣща держаша в руках, и по нихъ диаконы с кандѣлы, посемъ прозвутеры, и по нихъ епископы с митрополитомъ, и по нихъ с ракою идоша. И принесьши в новую церковь, отверзоша раку; исполнися церкви благоуханиеа и во ни блага. Видѣша же ся и прославиша бога. И митрополита ужастъ обдержаше: бѣ бо нетвердо вѣру держаше к нима; и пад ниць, просяше прощения. И цѣловавше мощи его, вложиша в рвку камену, Посем же, въземше Глѣба в роцѣ камени, въставиша на сани; имше за ужа, везоша и. И яко быша въ дверех, и абие ста рака, не идуци; и повелѣша народомъ звати: «господи, помилуй», и повезоша и; и положиша я мѣсяца мая въ 2. И отпѣвше литургию, обѣдаша братья вси на купѣ, кождо съ бояры своими, и с любовиѣ великою [196-197];

- ‘совершение пострига своему сыну’: Въ то же лето князь Михаилъ створи постригы сынови своему Ростиславу Новгородѣ у святѣи Софии [69];

- ‘совершение обряда крещения’: И ту его крести князь Семеонъ въ имя Отца и Сына и святого Духа [358]. Обряд крещения, как правило, происходил в воде при чтении молитвы (вода – символ очищения от всех земных грехов): Наутрия же изиде Володимиръ с попы цесарицины с корсуньскимина Днѣпръ, и снидеса бещисла люди, и влѣзоша въ воду, и стояху инѣ до ши, друзии же до персии, младыя же от берега, друзии же младенци держашее, свершении же бродяху; попове же стояше, молитвы творяху [155-156]. На этот факт обращает внимание в своей работе М.В. Ломоносов: «При береге на полотях стоят облаченные священники и диаконы, река наполнена обнаженными людьми всякого возраста и пола: иные в воде по колена, иные по пояс, другие по шею – моются, купаются, плавают. Между тем читают крещальные молитвы; каждый по особливом

погружении получает в крещении имя и помазание миром» [Ломоносов 2003: 111-112]. Князь приобщает к христианской вере и людей другого вероисповедания: Тогда же въбѣгоша Литвы въ Плесковъ съ 300 и с женами и с дѣтми, и крести их князь Святославъ с попы плесковъскими и со плесковици [314].

Таким образом, православие становится господствующей религией Российского государства. Это приводит к созданию мощной Русской православной церкви, во главе которой становится киевский митрополит, которому подчинялись епископы. Правление князя поддерживается религией. Князь, в свою очередь, является не только правителем, но и выполняет функции жреца. По словам А.Е. Преснякова, лексема князь содержит в себе два значения: это и 'жрец', и 'предводитель', поскольку и тем и другим одновременно был племенной вождь у самих славян [Пресняков 1938: 140].

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. – СПб.: Фил. фак. СПб, 2000. – 236 с.
2. Кусков В.В. История древнерусской литературы / В.В. Кусков. – М.: Высшая школа, 1998. – С. 3-193.
3. Лихачев Д.С. Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. – М.: Современник, 1975. – 367 с.
4. Ломоносов М.В. Записки из русской истории. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 704 с. (Серия «Антология мысли»).
5. Мешкова Т.С. Функциональные признаки концепта князь (на материале Новгородской I летописи / Т.С. Мешкова // Сборник трудов студентов и молодых ученых Кемеровского государственного университета, посвященный 60-летию Победы в Великой Отечественной войне / Кемеровский государственный университет. – Кемерово: Полиграф, 2005. Выпуск 6, Т.2. – С. 130-134.
6. Мешкова Т.С. Религиозные признаки в структуре концепта князь (на материале Новгородских летописей) / Т.С. Мешкова // Welt in der Sprache / Hrsg. von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2005. – S. 107-111. (Reihe «Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik». Bd. 11. Herausgeber der Reihe: H. Barthel, E.A. Pimenov).
7. Мешкова Т.С. Концепт «князь» в Новгородской летописи: политические признаки / Т.С. Мешкова // Linguistika Yjuvenis: сборник научных трудов молодых ученых. Выпуск 6. Язык в свете традиционных и новых научных парадигм. – Екатеринбург:

УрГПУ, 2005. – С. 126-132.

8. Мешкова Т.С. Актуальные признаки в структуре концепта князь (на материале Новгородской I летописи) / Т.С. Мешкова // Концептуальные сферы «МИР» и «ЧЕЛОВЕК»: коллективная монография / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: Комплекс «Графика», 2005. – С. 293-311 (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 6).

9. Мешкова Т.С. Новгородская I летопись как источник исследования концепта князь // Т.С. Мешкова // Мир и язык: сб. науч. ст. / Отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. – Кемерово: Комплекс «Графика», 2005. – С. 154-161 (Серия «Филологический сборник». Вып. 6).

10. Мешкова Т.С. Способы актуализации концепта князь (на материале Новгородской I летописи): Автореф. канд. ... филол. наук. – Архангельск, 2005. – 21 с.

11. Мешкова Т.С. Способы актуализации концепта князь (на материале Новгородской I летописи): Дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2005. – 175 с.

12. Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. (Полное собрание русских летописей. Том 3). – М.: Языки русской культуры, 2000, 720 с.

13. Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. – Т.1. – М., 1938. – С. 140.

14. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. – М.: Инстр. Словари, 1958. – Т.3. – 1214 с.

© Мешков Т.С., 2006

Немирова Н.В.

Сыктывкар

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ КАК СРЕДСТВО
ФОРМИРОВАНИЯ КОГНИТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ
ЭТНИЧЕСКИХ СИТУАЦИЙ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ**

Теория моделей этнических ситуаций, предложенная Т. ван Дейком, может быть применена, как нам представляется, для анализа когнитивных установок адресанта публицистического текста, посвященного проблемам этнических меньшинств и проблемам межнациональных отношений в целом.

Для примера проанализируем проблемно-путевой очерк известного писателя В. Ерофеева «Убиваем завтра, едим вчера (Зимние заметки о летней езде на край света)» («Аргументы и факты», 2000, №10), в котором рассказывается об особенностях

жизни «русских» и «американских» эскимосов, населяющих разделенные Беринговым проливом острова Большой и Малый Диомид. Очерк является достаточно большим по объему, он состоит из 9 разделов, что позволяет автору использовать различные художественно-изобразительные средства, среди которых особое место занимают семиотические прецеденты – аллюзии.

1. Структура моделей этнических ситуаций. Структуры моделей этнических ситуаций, по мнению Т. ван Дейка, являются «многоуровневыми и категориальными; в них присутствуют такие категориальные элементы, как Обстановка, Обстоятельства, Участники, Событие, Действие. Процесс образования и использования модели находится под контролем Системы Управления, которая наряду с «основной» информацией содержит макропропозиции (темы), и Контекстной Модели, отражающей важнейшие параметры коммуникативного контекста» [Т.А. ван Дейк 1989: 185].

По мнению Т.А. ван Дейка, «тематические макропропозиции могут служить ключом к поиску релевантных моделей ситуаций» [там же: 170]. Тема данного очерка «Эскимосы Аляски и Чукотки» также задает выбираемую автором контекстную модель, которая «содержит информацию об участниках речевой коммуникации, их целях и о типе социальной ситуации, к которой должен быть приложен строящийся текст»; она «контролирует как стиль, так и содержание и, следовательно, определяет, какого рода информация может или должна быть найдена в ситуативной модели [там же: 170]. Так как мы имеем дело с художественно-публицистическим текстом, **контекстная модель** данного текста определяется особенностями косвенного общения в сфере газетной публицистики: автор высказывает свою точку зрения по проблемам взаимоотношения этносов, читатель – любой человек, которому интересны эти проблемы, точка зрения автора, сам автор (писатель В. Ерофеев) в роли публициста. Контекстная модель задает выбранную автором жанровую форму проблемно-путевого очерка, стиль изложения, насыщенный актуализированными средствами создания художественно-публицистических образов, а также формы репрезентации содержания текста.

Рассмотрим некоторые категориальные элементы, представленные в очерке при помощи прецедентных феноменов. В. Ерофеев в контексте публикации использует различные типы семиотических прецедентных феноменов: прецедентные ситуа-

ции, прецедентные высказывания, прецедентные имена, часть из которых восходят к прецедентным текстам.

Обстановка, в данном тексте – остров Малый Диомид, на который прилетает автор очерка, характеризуется путем отсылки к прецедентным ситуациям: «Я улетел из главного города Аляски, Анкориджа,... в мифический Ном – место золотой лихорадки начала XX века. Поселок на сваях, воткнутых в коричневую жижу приморской тундры.... По окраинам разброшены, как игрушки выросшего ребенка, допотопные паровозы, грузовики – «последний поезд в никуда» золотых пионеров». Природа Заполярья также описывается при помощи кинопрецедента: «...глубоко-синий горизонт был сплюснен, как в смелом ракурсе Эйзенштейна».

Обстоятельства происходящего и произошедшего, нашедшие отражение в очерке, также могут быть представлены в виде отсылки к прецедентным феноменам. Так, в первой главке очерка «Соблазн сравнения» автор описывает прецедентную ситуацию, которая приобретает в данном контексте символический характер: «25 000 лет назад на месте Берингова пролива был перешеек. Эскимосы перешли из Азии в Америку, не замочившись. Перешеек ушел под воду, от него остались два острова. Их отделяют всего две с лишним мили. При продаже Аляски Большой Диомид сохранился за русскими; Малый Диомид стал американским. Два эскимосских острова в цепких руках сверхдержав. Соблазн сравнения».

Участники событий также могут быть охарактеризованы при помощи прецедентных имен, прецедентных текстов или прецедентных феноменов: например, «из женщин русских романов», «человек-в-себе» и др.

События также описываются при помощи прецедентов: например, «полярная версия Ромео и Джульетты».

Действия одного из героев очерка, направленные на объединение эскимосов Аляски и Чукотки, попадают под определение «вселенный бес Достоевского».

Таким образом, автор использует в качестве репрезентантов важнейших категориальных элементов моделей этнических ситуаций прецедентные феномены, которые являются знаками «бесконечного диалога различных сфер культуры, различных ее поколений и национальных вариантов», показателями «интеллектуального уровня автора и его оценки эрудиции, герменевтических возможностей адресата» [Чудинов 2003: 33].

2. Оппозиция «свой» – «чужой» как особый структурный параметр моделей этнических ситуаций. «Для моделей этнических ситуаций, – по мнению Т. ван Дейка, – характерно наличие особого, отличающего только эти модели структурного параметра – оппозиции «Мы – Они» [или «свой» – «чужой»] [Т.А. ван Дейк 1989: 183].

Этот структурный параметр формирует концептосферу текста. Д.С. Лихачев определил концептосферу языка как «совокупность концептов» [Лихачев 1997: 286], считая возможным его применение и к характеристике текста. Концептосфера текста есть, по сути, то, что названо И.Р. Гальпериным содержательно-концептуальной информацией текста, которая «сообщает читателю индивидуально-авторское понимание отношений между явлениями, описанными средствами содержательно-фактуальной информации, понимание их причинно-следственных связей, их значимости в социальной, экономической, политической и культурной жизни народа, включая отношения между отдельными индивидуумами, их сложного психологического и эстетико-познавательного взаимодействия» [Гальперин 1981: 28]. Л.Г. Бабенко понимает под процессом описания концептосферы текста «обобщение всех контекстов, в которых употребляются ключевые слова – носители концептуального смысла, с целью выявления характерных свойств концепта: его атрибутов, предикатов, ассоциаций, в том числе и образных» [Бабенко 2003: 61]. Итак, концептосфера текста – это реализованная в суперконцептах и концептах содержательно-концептуальная информация текста, которая может быть выражена эксплицитно и имплицитно.

В очерке В. Ерофеева представлены несколько этнических разновидностей оппозиции «свои» – «чужие»: русские – американцы (1), «русские» эскимосы – «американские» эскимосы (2), русские – «русские» эскимосы (3), американцы – «американские» эскимосы (4).

Рассмотрим первую оппозицию «русские» – «американцы». Анализируя особенности российско-американских отношений, автор пишет: «...основная болезнь русско-американских отношений не в политической конфронтации, а в столкновении двух упорно отказывающихся понимать друг друга ментальностей». Разрешение проблемы взаимоотношений «антиподов» видится автору в том, чтобы «обе стороны признали, что они – невменяемо «разные». И далее, используя прецедентные ситуации,

восходящие к фильмам об инопланетянах, Ерофеев предлагает вникнуть «в отличительные черты «другого». Однако в отношениях «сверхдержав», по мнению автора, «нет ни инопланетной дистанции, ни терпения».

Один из основных приемов, который использует В. Ерофеев, – это усиление субъективации контекста, т.е. подтверждение абстрактных рассуждений конкретными примерами из жизни представителей разных этносов. В. Ерофеев включает в контекст очерка историю жизни русской женщины и американца, чьи отношения не сложились по причине этнической разобщенности. Саша Т. рассказывает о своем неудавшемся опыте жизни с американцем: «Вы не представляете себе, как трудно жить русской с американцем! Каждый в семье складывает деньги в свой кошелек, скрывает заработки». Исповедь Саши позволяет автору увидеть особенности русского национального женского характера: «Русские исповедуются с отчаянной легкостью, словно раздеваются на публике. Саша – из женщин русских романов. К ним тянутся западные мужчины, соблазняя комфортом: им же подай не роскошь – большую любовь». Итак, одна из особенностей использования прецедентов автором – это обращение к прецедентной ситуации, восходящей к совокупности прецедентных текстов (русским романам).

В контексте очерка выведен еще один персонаж, который может считаться условным антиподом Саши Т., – это Эрик Пениталл, к которому автор испытывает большую симпатию, чем к своей соотечественнице. О «бывшем летчике американских ВВС во Вьетнаме» Ерофеев пишет: «... молчаливому силачу не хватает одиночества в воздухе. На досуге он делает сани для собачьих упряжек и мчится тысячи миль один по полярной пустыне полярной ночью из Нома в Анкоридж». Для более убедительной и лаконичной характеристики Эрика Пениталла автор прибегает к прецеденту: «А по средам этот «человек-в-себе» связывает остров Малый Диомид с США». Оценочное выражение «человек-в-себе» восходит к прецедентному высказыванию «вещь в себе», которая в «идеалистической философии Канта» означает «то, что существует независимо от сознания и является абсолютно непознаваемым» [ССРЛЯ, т. 2: 175].

Вторая оппозиция «русские» эскимосы – «американские» эскимосы» проявляется, по мнению В. Ерофеева, в «несовместимости Чукотки с Аляской», которая названа им «метафорой общего кризиса» русско-американских отношений.

Оппозиция эскимосы Чукотки – эскимосы Аляски является концептуальным центром данного очерка; она создается различными средствами речевой выразительности, наиболее яркими из которых являются семиотические прецеденты.

В приведенном выше примере прецедентной ситуации (при характеристике такого категориального элемента, как обстановка) ушедший под воду перешеек можно рассматривать как символ утраты этнических связей «русских» и «американских» эскимосов. Усиливает общую идею несовместимости и описанная прецедентная ситуация, связанная с резкой границей времени: «... между двумя островами-близнецами – самая резкая граница времени в мире. Если на американском острове полдень в понедельник, на русском – вторник, 9 утра». Резкая временная граница также символизирует несовместимость представителей одного этноса. «Сосуществование» двух островов (Большого и Малого Диомида) охарактеризовано как «неразделенное одиночество вдвоем». Источником этого прецедентного высказывания являются строки из строфы «Последний тост» стихотворения А. Ахматовой «Разрыв» («Я пью за разоренный дом, За злую жизнь мою, За одиночество вдвоем, И за тебя я пью...»).

Суперконцепт 'несовместимость' реализован и при помощи других прецедентов. Характеризуя Джима Стимпфла, которого поглотила идея объединения эскимосов Чукотки и Аляски после того, как «у русских» начались «перемены», В. Ерофеев пишет: «Все решили, что в выпускника Вирджинского университета... вселился «бес Достоевского» и он рехнулся».

Прецедент 'бес Достоевского' является результатом контаминации фразеологизма 'бес вселился' (Бес вселился в кого. Разг. Шутл. О том, кто проявляет упорство, упрямство, нежелание считаться с кем-либо или с чем-либо [Фразеологический словарь 1995: 26]) и названия романа Ф.М. Достоевского «Бесы». Если семантика первого компонента находит отражение во фразеологическом словаре, то семантика второго требует пояснений.

Н.Ф. Буданова, один из авторов примечаний к роману «Бесы», цитируя статью Н. Бердяева «Ставрогин»: «Тема «Бесов», по мнению критика, «есть тема о том, как огромная личность – человек Николай Ставрогин – вся изошла, истощилась в ею порожденном, из нее эманировавшем бесновании... Беснование вместо творчества – вот тема «Бесов», – приходит к выводу, что «основные персонажи «Бесов» (Шатов, Кириллов, Петр Верхо-

венский) – лишь эманации духа Ставрогина, некогда гениальной творческой личности» [Буданова 1990: 749]. Для нас важными являются характеристика «беснования» и внутреннее содержание этого понятия, которые проясняются в контексте романа. Ф.М. Достоевский пишет о Шатове: «Это было одно из тех идеальных русских существ, которых вдруг породит какая-нибудь сильная идея и тут же разом точно придавит их собой, иногда даже на веки» [Достоевский 1990: 30]. Н.В. Буданова находит близкую мысль в «Дневнике писателя» (1876): «Идея вдруг падает у нас на человека, как огромный камень, и придавливает его наполовину, – и вот он под ним корчится, а освободиться не умеет (XXIII. 24) [Буданова 1990: 750].

Таким образом, «беснование» упрощенно можно понимать как одержимость какой-либо идеей. В общем контексте «несовместимости двух ментальностей» эта идея приобретает статус проблемы, разрешение которой вряд ли возможно в ближайшей перспективе. Следует отметить, что толкование прецедентного контаминанта 'вселился бес Достоевского', спроецированное на анализируемый текст, следует квалифицировать как 'нежелание считаться с неразрешимостью проблемы интеграции разновидностей этноса'; в приведенном контексте изменяется и экспрессивно-стилистическая окраска высказывания: во фразеологическом словаре – шутивное, в контексте – неодобрительное (вектор оценки направлен на сложившуюся ситуацию, а не на действия Д. Стимпфла).

Суперконцепт 'несовместимость' усиливается и введением в публицистический контекст для характеристики взаимоотношений эскимосов Чукотки и Аляски прецедентной ситуации 'берлинская стена'. О Джиме Стимпfle В. Ерофеев пишет: «Джим бился о «берлинскую стену» Заполярья». Берлинская стена была возведена в 1961 году вокруг Западного Берлина; ее разрушение в 1989 году стало символом окончания «холодной войны», возрождением добрососедских отношений между Восточной и Западной Европой. Несмотря на изменения, произошедшие в отношениях между Россией и США и странами Западной Европы, на Чукотке все осталось без изменений: возведенная «берлинская стена» Заполярья так и не была разрушена. В. Ерофеев с горечью замечает: «После прилива чувств наступило охлаждение. Если в начале 90-х годов 40 самолетов аляскинской Bering air летали каждый месяц на Чукотку, теперь летает один. Облом».

Третья оппозиция «русские – эскимосы» в контексте очерка наиболее ярко представлена в прецедентном тексте, сказке, которую рассказал автору Патрик Омиак, «президент» острова Малый Диомид: «У эскимосов есть сказка о великане, который двигал горы, а потом всю зиму проспал. Весной пришли звери, любопытный медвежонок даже в ноздрю к великану забрался. Чихнул великан – звери разлетелись в стороны. Проснулся великан, встал, побрел. Долго смотрели ему вслед удивленные звери. Это о вашей стране». В данном контексте происходит смещение «вектора» оценки этнических взаимоотношений: субъектом повествования становится не автор, а другое лицо, представитель иного этноса. С этой точки зрения русские и эскимосы противопоставляются по следующим параметрам: огромный (великан) – маленький (медвежонок); равнодушные, невнимательные – любопытные, удивленные.

Автор использует еще один прецедент для характеристики оппозиции «русские» – «эскимосы» – «полярную версию Ромео и Джульетты»: в 70-е годы «эскимоска Марта Озенна с американского острова влюбилась в солдата советского гарнизона. Он тайно ходил к ней по льду. Ее родители решили познакомиться с солдатом. В гостях он напился и обменял обмундирование на американские унты и меховую шапку. Солдата на снегоходе довели до русского поста; он как бревно свалился в снег. Что стало с ним – неизвестно». Вторая история, пересказанная самим автором, не несет на себе ярко выраженной оценки того или иного этноса, однако служит блестящей иллюстрацией общей идеи несовместимости двух этносов в силу определенных социальных факторов и особенностей ментальностей этносов: для русского солдата характерна бесшабашность, отсутствие внутренних ограничений, самоконтроля, для эскимосов – гостеприимство. Причиной трагедии, по мнению В. Ерофеева, стало пьянство, свойственное как русским, так и эскимосам.

Четвертую оппозицию «американцы – эскимосы» также формирует прецедентное высказывание: «Патрик Омиак был обычным эскимосом с гуттаперчевым лицом и американскими лозунгами: «Мой идеал – культура и свобода», – по-свойски заявил он». Концепт «несовместимость» реализуется и в том, что Патрик Омиак был «духовным вождем племени»; американцы же считали шаманов, как пишет Ерофеев чуть раньше в своем очерке, «злом, несовместимым с христианством». Однако процесс «растворения» эскимосов в «общеамериканском котле»

проявляется во всем: в быте, одежде, в роде занятий, – в том числе и в том, что эскимосы молятся христианскому богу. Русские же, по мнению В. Ерофеева (в этом контексте автор возвращается к оппозиции «русские» – «американцы»), «в своих попытках растворить эскимосов в общем котле проявили куда больше «наплевательства», чем американцы», поэтому «на русской стороне до сих пор сохранилась более богатая живая культура эскимосов: вышивка, резьба по кости, сказки».

Очевидно, что художественно-публицистический контекст, в отличие от устного рассказа об этнических меньшинствах, характеризуется смещением вектора оценки. Субъектом оценки, безусловно, чаще всего является автор: принцип отбора информации, отраженной в контексте, позволяет автору приводить только те высказывания, которые соответствуют его интенциям, его видению ситуации; однако автор в некоторых случаях «уступает» персонажу свое право на оценку. Смещение вектора оценки, по замыслу автора, должно придавать сообщаемому объективность, однако это создает лишь иллюзию объективности.

Таким образом, в рассуждениях самого автора и в высказываниях персонажей о том или ином этническом взаимодействии, подсознательно проявляется то, что Т. ван Дейк предлагает называть «*этническим предубеждением (предрассудком)*», под которым понимается «господствующие в обществе негативные установки по отношению к этническому меньшинству в целом и к отдельным его представителям» [Т.А. ван Дейк 1989: 175-176]. Здесь хотелось бы добавить, что не только к этническим меньшинствам, но и к представителям другого этноса. «Предубеждение, – по мнению Т. ван Дейка, – определяется не только своим содержанием, но также способом или стилем мышления или оценки, то есть *стратегиями* обработки социальной информации об этнических группах» [там же: 295].

3. Речевые стратегии обработки социальной информации об этнических группах. Т. ван Дейк гипотетически выделяет такие речевые стратегии, как обобщение, приведение примера, поправка, усиление, (очевидные) уступки, повтор, контраст, смягчение, сдвиг, уклонение, пресуппозиция, импликация, предположение, косвенный речевой акт (последние четыре включены в одну группу, несмотря на то, что автор, безусловно, их разграничивает).

Рассмотрим приведенные выше стратегии в анализируемом

нами очерке, прежде всего нас будут интересовать те из них, которые представлены в тексте прецедентными феноменами.

В рамках оппозиции «свои» – «чужие», формирующей концептосферу текста, была рассмотрена такая разновидность речевых стратегий, как **обобщение**. В рамках этой стратегии выступает и **Приведение примера** как «конверсный ход, показывающий, что общее мнение ... основано на конкретных фактах» [там же: 297]. Этот прием активно используется автором проблемно-путевого очерка; примеры не только иллюстрируют основные концептуальные положения публикации, но и показывают особенности быта, обычаи и характеризуют ментальность того или иного этноса.

Особого внимания заслуживает анализ такой стратегии, как **усиление**, суть которой состоит в направленности «на лучший или более эффективный контроль над вниманием слушающего, на улучшение структурной организации релевантной информации или на подчеркивание субъективной макроинформации» [там же: 297]. Эта речевая стратегия, реализованная в контексте при помощи прецедентных феноменов, на наш взгляд, в наибольшей степени содействует решению задач привлечения внимания слушателя, соблюдение принципа прагматической релевантности [Арутюнова 1981: 362], отсылки к определенному источнику информации.

Такая стратегия, как (очевидные) **уступки**, проявляется в том, что «даже в случае приведения противоположных примеров» автор может продемонстрировать «реальную или воображаемую терпимость и сочувствие, то есть составляющие части положительной самопрезентации» [Т.А. ван Дейк 1989: 297]. В. Ерофеев прибегает к этой стратегии неоднократно: с одной стороны, приводит в качестве типичного примера американца, со свойственной им меркантильностью, мужа Саши Т., с другой, утверждая, что далеко не все американцы такие, – рассказывает об американском летчике Э. Пениталле, называя его «человек-в-себе», для которого материальное в жизни не является главным; с одной – говорит об отсутствии нравственных запретов среди эскимосов, с другой – излагает «полярную версию Ромео и Джульетты». Эта стратегия в данном тексте достаточно близка такой стратегии, как **смягчение**, поскольку конечная цель уступок – смягчение той негативной информации, которая реализована в тексте.

Повтор в качестве речевой стратегии используется автором

очерка неоднократно, особенно рельефно эта стратегия реализуется в повторе репрезентантов суперконцепта «несовместимость», таких как «вселился бес Достоевского», «полярная версия Ромео и Джульетты», «берлинская стена Заполярья» и др.

Такая речевая стратегия, как **контраст**, реализована в оппозиции «МЫ» – «ОНИ», которая была охарактеризована выше, как особый структурный параметр моделей этнических ситуаций, особенность данного очерка состоит в том, что здесь представлены несколько оппозиций.

Речевая стратегия **уклонения** присутствует в данном контексте имплицитно, поскольку автор в силу особенностей данного текста (он не является устным рассказом о национальных меньшинствах) отказался использовать «не пригодную для передачи информацию» [там же: 298], не включив ее в контекст публикации.

Эта стратегия в анализируемом контексте сближается со стратегией **сдвига**, так как автор, с одной стороны, соглашается с мнением Саши Т. об американцах, с мнением Николая Борисенко об эскимосах, с другой стороны – подчеркивает проявление национальных особенностей в оценке и восприятии окружающей действительности русскими: Саша Т. идеализирует мир, стремится к большой любви, как женщины из русских романов, Н. Борисенко, показавший автору жизнь ночного Нома, назван автором «русским правдолюбом» с характерной для них чертой – «утопить мир в чернухе» (в последнем высказывании также содержится отсылка к группе прецедентных ситуаций).

Проявление таких стратегий, как поправка, пресуппозиция, импликация, предположение, косвенный речевой акт, можно продемонстрировать на примере следующего контекста: «С русскими трудно общаться, – пожаловалась мне главный редактор газеты «The Nome Nugget» («Номский слиток») Нэнси Макбюир. – Они требуют, чтобы вы с ними пили водку и так много курят, что приходится после них всю одежду отправлять в стиральную машину». По-американски полная, отекая, но со свежим по-северному лицом, Нэнси явно противница сближения с Россией. Ее отпугивает непонятная культура, где успех взят под подозрение. Контакты между Россией и Западом принесли немало разочарований. На Западе казалось, что все проблемы упираются в коммунизм. Однако русский коммунизм был во многом лишь продолжением вывернутых на изнанку консервативных общинных традиций, враждебных западному индивидуализму. Диалог

антиподов, думал я, слушая Нэнси». В этом контексте, наряду с включенной в общий контекст прямой речью, используются непосредственно-прямая и косвенная речь – это репрезентанты **косвенного речевого акта**. **Предположение** как речевая стратегия проявляется в том, что автор домысливает за Н. Макбюир, считая, что она противница сближения с Россией.

Импликация как логическая операция, образующая сложное высказывание условного характера «если..., то» [ССИС: 231] также присутствует в продолжении приведенного выше контекста: «Вот если бы обе стороны признали, что они – «невменяемо» разные, и в духе фильмов о инопланетянах вникли бы в отличительные черты «другого»».

В этом же контексте проявляется и такая речевая стратегия, как **поправка**, проявляющаяся в осознании автором того, что «некоторая формулировка... может привести к нежелательной интерпретации в оценке слушающим глубинных импликаций и ассоциаций» [Т.А. ван Дейк 1989: 297]: «Но нет ни инопланетной дистанции, ни терпения».

Такой ход, как **пресуппозиция**, проявляется в том, что часть информации известна адресанту и адресату до данного акта коммуникации. ПФ, наряду с другими элементами, использованными как в данном контексте, так и в очерке в целом, должны входить в систему «общих знаний» автора и читателя в силу необходимости их адекватного декодирования и понимания той смысловой нагрузки, которую они несут в тексте публикации.

Таким образом, прецедентные феномены играют важную роль в формировании когнитивных моделей этнических ситуаций. Во-первых, они используются в качестве репрезентантов различных категориальных элементов структуры моделей этнических ситуаций, таких как обстановка, обстоятельства, участники, событие, действие. Во-вторых, тема данного очерка формируется при участии прецедентных феноменов, которые являются актуализированными средствами ее представления в акте коммуникации. В-третьих, концептосфера текста, определяемая структурным параметром «свои» – «чужие», реализована при помощи различных прецедентов, которые являются наиболее яркими средствами ее репрезентации. В-четвертых, прецедентные феномены представляют в тексте результаты обработки социальной информации об этнических группах на основе таких коммуникативных стратегий, как обобщение, приведение примера, поправка, усиление, (очевидные) уступки, повтор, контраст,

смягчение, сдвиг, уклонение, пресуппозиция, импликация, предположение, косвенный речевой акт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. № 4. С.356-367.

2. Ахматова А. Избранное. – М., 1993.

3. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. – М., 2003.

4. Буданова Н.Ф. Примечания к роману Ф.М. Достоевского «Бесы» // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 15-ти т. – М., 1990. – Т.9. – § 7-8. – С. 742-757.

5. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981.

6. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ./ Сост. В.В. Петрова; Под. ред. В.И. Герасимова. – М., 1989.

7. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 15-ти тт. – М., 1990. – Т.9.

8. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. – М., 1997. – С. 280 – 287.

9. Словарь современного русского литературного языка: В 20 т./ АН СССР, Ин-т рус. яз.; Гл. ред. К.С Горбачевич. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Т. 2: В. – 1991 (ССРЛЯ).

10. Современный словарь иностранных слов. – М., 1992 (ССИС).

11. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2т. / Сост. А.И. Федоров. – Новосибирск, 1995. – Т.1: А

12. Чудинов А.П. Интертекстуальность политического текста // Лингвистика: – Екатеринбург, 2003. – Т.10. – С.27-34.

© Немирова Н.В., 2006

Овчинникова Л.Н.

Екатеринбург

ДИАЛЕКТНАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

(на примере глагольных метафор

русских народных говоров Среднего Урала)

Диалектная языковая картина мира, являясь частью общеязыковой картины мира, вместе с тем представляет собой особый гносеологический и культурный феномен, изучение которого является актуальной задачей современных исследователей.

Диалектная языковая картина мира отличается от общеязыковой картины мира своим естественным характером. Склады-

ваясь на ограниченной территории, в замкнутом коллективе, она отражает особенности уклада, быта определенной группы людей, их отношение к окружающему миру, природе, в связи с чем приобретает собственные «социолингвистические характеристики и системные параметры» [Радченко, Закуткина 2004]. Диалектоносители пользуются особыми лексическими, фразеологическими и словообразовательными средствами, отличающимися от общеупотребительных, они иначе «ословливают» окружающий мир, создают новую картину бытия. Однако развитие диалектной языковой картины мира нельзя назвать изолированным, поскольку в общую диалектную языковую картину мира вливаются языковые картины мира частных диалектных систем, а также на ее функционирование оказывает влияние общенациональная языковая картина мира. В то же время, мы считаем диалектную языковую картину мира уникальным феноменом, имеющим свой собственный путь развития, разумеется, не без влияния общенационального языка, и считаем неоправданным распространенный упрощенный подход к диалектной языковой картине мира как к «подсистеме», «варианте конкретного языка».

Идея существования диалектной языковой картины мира как самостоятельного фрагмента общезыковой картины мира позволяет говорить о «диалектном сообществе как об одной из специфических составляющих языкового сообщества», а также о своеобразии менталитета диалектоносителей, об особом образе мира, формируемом ими.

Характеризуя особенности мышления диалектоносителей, необходимо отметить следующие его свойства: антропоцентризм (в центре – человек, он создает, разрушает, оценивает), образность, конкретность, привязанность к окружающей среде, слиянность с природой, бытом, субъективизм, высокая степень экспрессивности и эмоциональности, актуализация отрицательных явлений действительности (пессимизм), бескомпромиссность.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает свойство образности, которое представляется нам одним из наиболее существенных и определяющих специфику мышления диалектоносителей. Образность становится для носителей народного говора своеобразным способом отношения к миру: восприятие, познание мира происходит через самого себя, посредством проецирования «я» в окружающую действительность. Здесь следу-

ет говорить о близости мышления диалектоносителей к мифопоэтическому: мир осваивается через образ, зримый, осязаемый и очень конкретный. Интересным как в лингвистическом, так и в общекультурном плане представляется исследование способов и механизмов интерпретации мира, выявление образных схем, используемых диалектоносителями, что поможет определить социально-культурные стереотипы, раскрыть сущность феномена диалектной языковой картины мира.

В качестве материала исследования мы использовали глагольные метафоры Словаря русских говоров Среднего Урала в количестве 762 образных лексических единиц (ОЛЕ). Вслед за когнитологами (Е.С. Кубряковой, В.В. Петровым, А.П. Чудиновым, М. Джонсоном, Дж. Лакоффом), мы считаем именно метафорическую модель наиболее значимой в процессе структурирования мира и рассматриваем метафору как инструмент познания. Метафора базируется на установлении ассоциативных связей, сходств и различий между явлениями и создает на этой основе новые личностные смыслы, которые представляют субъективное отношение индивида, социума к миру, их видение, их трактовку определенного фрагмента действительности, она является носителем народных стереотипов, результатом взаимодействия культурного и социального опыта народа.

Обращение же к глагольным метафорам объясняется широкими референциальными значениями глагола, его гибкостью, подвижностью, способностью обнаружить психологические и эмоциональные составляющие фрагмента диалектной языковой картины мира, относящего нас к действию.

Целью нашей статьи является определение характера видения окружающей действительности носителями диалекта, выявление национально-культурных стереотипов посредством анализа глагольных метафор, а именно, через воссоздание механизма образования метафоры, исследование социальных и культурных оснований глагольной метафоры.

Наш материал представлен глагольными метафорами, принадлежащими сфере действительности ЧЕЛОВЕК, которая является наиболее богатой образными единицами. Подобный выбор обусловлен, прежде всего, антропологическим характером диалектной языковой картины мира. Весь материал мы расклассифицировали на тематические группы: состояние человека (физиологическое, эмоциональное) – 129 ОЛЕ, речевое поведение человека – 115 ОЛЕ, социальное бытие – 319 ОЛЕ, трудовая

деятельность – 71 ОЛЕ, материальная культура – 82 ОЛЕ.

Распределение глагольных метафор по тематическим группам показало, что метафорическому переосмыслению подвергаются действия различного уровня проявления: от видимых, конкретных действиях (действия, связанные с выполнением какой-либо работы, действия, характеризующие физическое состояние) до действий, процесс которых невозможно наблюдать напрямую, поскольку они связаны с интеллектуальной, эмоциональной сферой деятельности человека, с отношением человека к чему (кому)-либо.

Значительную часть собранного материала составляют глагольные метафоры социального бытия. В эту группу мы включили глаголы, характеризующие поведение человека в различных социальных ситуациях, поведение человека по отношению к труду, собственности, морали и нравственности; глаголы семейных отношений, социального взаимодействия. Рассмотрим некоторые особенности глагольных метафор этой группы.

Глагольные метафоры, характеризующие семейные отношения.

ПрислонИться. Войти в семью, коллектив. *К дому-та я уж шибка присланилась.*

Действие «войти в семью» уподобляется действию «прислониться к чему-либо», то есть найти опору. Семья мыслится как опора человека, что-то надежное. Перенос осуществляется по результату действия.

Со значением «войти в семью, обзавестись семьей, освоиться в коллективе» диалектоносителями употребляется еще четыре глагольные метафоры: **обложиться, обвертеться, обявzаться, отрастать.** Первые три в качестве сферы-источника используют действия, связанные с воздействием на объект – размещение объектов вокруг себя: обложиться, обвертеться, обявzаться, причем сам субъект действия оказывается внутри предполагаемых объектов. Человек помещает себя в центр, как творящее начало, в данном случае как создатель семьи, как неотъемлемая часть малого коллектива (семья понимается диалектоносителями как малое, свое, родное пространство). Это связано с существующим национальным стереотипом: разделение мира на «свой», он же семья, и «чужой» – внешний мир, в диалектной картине мира это противопоставление имеет более острый характер.

Актуальным для носителей народного говора представляет-

ся поведение человека по отношению к труду, собственности, которые оцениваются ими очень неоднозначно.

ЛесовАть перен. Воровать. *Она, может, дома лесует, сахару ищет* (срав. прямым значением – охотиться, работать в лесу).

Эта глагольная метафора относится к тематической группе «поведение человека», а именно, характеризует поведение человека по отношению к собственности. Действие «воровать» переосмысливается через глагол трудовой деятельности «работать в лесу» по месту протекания действия. Диалектоносители связывают свое представление о «воровстве» с темным местом, лесом, выстраивая сценарий этого действия: воровство происходит в глухом, безлюдном месте, у носителей уральского говора представление об этом месте связано с лесом.

Диалектоносители предлагают и другой вариант сценария этого действия. Действие «воровать, грабить» разворачивается здесь на большой дороге (образ противоположный лесу). В связи с этим появляется глагольная метафора **большедорожничать**, в основе которой лежит образ места, в котором происходит действие.

Подобные различия в выборе основного образа, который кладется в основу метафоры, связано с глубокими социально-культурными различиями среди носителей одного говора, принадлежащими разным частным диалектным системам.

Особого внимания заслуживают глагольные метафоры поведения по отношению к труду.

МаскировАться. Неодобрительно относиться к колхозной работе. *Про тестя зря болтают, што он маскироваться стал.*

Сфера-источник этой глагольной метафоры – глагол воздействия на объект, покрытия объекта. Метафорический перенос осуществляется по характеру действия. Неодобрительное отношение к колхозной работе осмысливается как уклонение от этой работы.

Наблюдение за материалом показало, что глагольные метафоры «отношения к труду и собственности» носят отрицательную оценку: уклонение от труда – 17 ОЛЕ (**колыхАться** – экспр. бродить без дела, **бАрничать** – бездельничать); кража собственности – 10 ОЛЕ (**большедорОжничать** – разбойничать, грабить, **лесовать** – воровать), крайняя бережливость по отношению к собственности, доходящая до скупости – 12 ОЛЕ (**грУ-**

дить – перен. копить, **прискребАть** – наживать добро) или же напротив – несерьезное отношение к собственности – 15 ОЛЕ (**обескОрмиться** – лишиться пропитания, **разблагословлять** – раздаривать). Большинство же глагольных метафор этой группы имеют значение «выполнять непосильную работу»: **охабАчивать** – много работать, **зубить** – долго монотонно работать. Такой характер образных единиц объясняется отношением диалектоносителей к труду. Труд понимается как что-то тяжелое, подчас непосильное, требующее затраты физических и моральных сил. Выполнение работы подразумевает существование сил, заставляющих ее выполнять, поэтому естественно возникают мотивы уклонения от работы, которые понимаются как торжество собственного могущества, торжество «своей» воли. А «воля» является важной составляющей русской языковой картины мира. «Понятие «воли» берет свое начало в архаическом противопоставлении мира как «своего», «обжитого», устроенного пространства и «воли» как пространства «чужого», неустроенного. В архаичной модели мира «мир» соответствовал привычной норме, а воля – непредсказуемым отклонениям от нормы» [Шмелев 2002: 296]. Диалектная система, на наш взгляд, соответствует именно архаичной модели, в которой ситуация «вне нормы», воля как миропонимание, является нормальным состоянием. Именно с этой особенностью диалектной языковой картины мира связаны пессимизм, бескомпромиссность мышления диалектоносителей, актуализация отрицательных моментов действительности. Проявление «своей воли», то есть выражение субъективного отношения к миру, подчинение мира себе, непокорность – все эти свойства мышления диалектоносителей определяют специфику тематических групп глагольных метафор, их семантическую отнесенность. Так, в сфере человек в тематической группе социального бытия выделяются глагольные метафоры отношения, воздействия на объект с целью его преобразования, покорения. Во всех этих глагольных метафорах актуализируется отрицательный компонент, связанный с нанесением вреда объекту. Метафорический перенос здесь чаще всего осуществляется через объект совершения действия, либо через субъект.

Выхвостнуть. Выбить. *Выхвостнул глаз у меня.*

В основе глагольной метафоры лежит предметный образ (хвост), на который направлено действие. «Выбить глаз» – лишить чего-либо, словно оторвать хвост.

ОбседлАться. Оседлать кого-либо, подчинить себе. *Обседлались сразу же на тебя.*

Здесь действие над человеком уподобляется действию, совершаемому над животным, то есть сферой-источником становится природный мир. Подобные модели метафор, относящие нас к природному миру, свойственны диалектной языковой картине мира в целом, что объясняется теснейшими связями диалектоносителей с окружающей природой.

ПичУжить. Обижать. Мучить, притеснять. *Не пичуж маленька-то, не баско это.*

Здесь используется природный образ, через который происходит метафорический перенос (пичужка – маленькая птичка). Действие «обижать» связывается диалектоносителями со слабостью объекта, на который направлено действие, с его невозможностью противостоять.

Приведенные примеры демонстрируют сложившиеся стереотипы отношений в социуме: «сильный – слабый»; проявление воли оценивается как единственно возможное отношение к внешнему миру.

Однако в противовес приведенному варианту отношения к действительности у носителей уральских говоров существует и другой, не менее распространенный – покорность.

ПромигАться. Экспр. Снести, вытерпеть без возражения. *Ну и ще, пущай ругатса, я промигаюсь.*

Глагольные метафоры социального поведения, характеризует состояние человека в определенной социальной ситуации. Действие «снести, вытерпеть» переосмысливается диалектоносителями через физиологическое действие «промигаться» по результату действия.

Очествовать. Обслужить. Н-Тавд. *Сяду и сама – очествую вот вас.*

Действие «обслужить», то есть угодить, сделать приятное, связывается диалектоносителями с действием «называть по имени, отчеству», уважительно.

Подобное противопоставление воли и покорности выражает особенности русской культуры, национального характера.

Интересными с точки зрения отражения национально специфичных прототипов поведения представляются глагольные метафоры речевого поведения. Поскольку речь, особенности коммуникации являются одним из наиболее ярких показателей национального характера, поэтому способы репрезентации ак-

тов речи в языке вызывают особый интерес.

Остановимся наиболее подробно на глагольных метафорах речевого поведения человека.

Речевая деятельность в народных говорах Среднего Урала образно уподобляется следующим действиям и состояниям:

1. ДВИЖЕНИЕ

КолесИть. Перен. Говорить не то, что нужно. *Поди, мы колесим тут* (срав. с прямым значением – много ездить, разъезжать по разным направлениям).

2. ЗВУЧАНИЕ

КЕркать. Перен., экспр. Говорить попусту, болтать. *Ты фсе керкаешь.* (срав. с прямым значением – издавать крик (о птице)).

Булькать. Перен., экспр. Говорить что-нибудь невнятно, недружелюбно. *Хватит булькать-то* (срав. производить шум ударами по воде или резкими движениями в ней).

3. СОСТОЯНИЕ

МожАть. Перен. Брюзжать (говорить брюзгливо, выражая недовольство). *Чо ты можжыш, фсе время, надоел уш* (срав. с прямым значением – болеть).

4. ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ

ЗажвАкать. Перен., экспр. Невнятно говорить. *Ты ше зажвакал?* (срав. с прямым значением – начать жвакать (есть, жевать)).

ВыщЕлкивать. Говорить быстро, задиристо. *Молода, а выщелкиват не хуже старой* (срав. с прямым значением – выплевывать).

5. ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОБЪЕКТ

Мылить. Много говорить, болтать. *Че ты фсе мылиш, да мылиш.* (срав. с прямым значением – натирать мылом).

НапятнАть. Перен. Назвать. *Хто как напятнат, фсяко можно: визитка, пинжак* (срав. с прямым значением – нанести метку).

6. ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ОБЪЕКТОВ

БутетЕнить. Перен. Говорить вздор. *Не бутетень зря* (срав. с прямым значением – стаскивать, сваливать в кучу).

БурОвить. Говорить вздор, нечто невразумительное (срав. с прямым значением – тянуть, тащить что-либо с большим напряжением).

7. СОЗИДАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (глаголы труда)

ВарАкать. Болтать, говорить пустое, врать. *Вон че наваракал, Люди-то фсе равно не поверили* (срав. с прямым значени-

ем – плохо писать, неумело, с большими усилиями).

ВаракОсуть. Перен. Болтать вздор (срав. с прямым значением – делать что-либо небрежно, недоброкачественно).

8. СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (глаголы поведения)

Насудить. Перен. Сказать что-то опрометчиво. *Типерь жить надо окуратно, а то насудиш на себя, отвечать надо* (срав. с прямым значением - осуждать, укорять)

Балентрясить. Перен., экспр. Говорить попусту, от безделья; сплетничать. *Чево ему делать, балентрясит весь вецер* (срав. с прямым значением – бездельничать).

Характеристика этой группы обнаруживает, что глагольные метафоры речевого поведения имеют широкие ассоциативно-образные связи, образуясь от глаголов различных лексико-семантических групп и полей. Глаголами речевой деятельности могут становиться в переносных значениях глаголы поля «действия» и «состояния». В наибольшем количестве «поставляют» метафоры ЛСГ звучания. Вероятно, подобная закономерность связана с особенностями мышления диалектоносителей, которые чаще представляют речевую деятельность в звуковых образах: речевая деятельность мыслится как звучание. Часто метафорические переносы осуществляются на основе сочетания субъекта речевой деятельности (человека) с глаголами, связанными в прямых значениях с другими именами субъектов, т.е. на основе уподобления человека животному, издающему характерные для себя звуки, другому человеку (ребенку), предмету, издающему звуки самопроизвольно, либо под воздействием человека.

Вить. Экспр. Кричать, ругая кого-либо.

Данная глагольная метафора рассматривается нами как языковая (перенос осуществляется на семантическом уровне): звуки человеческой речи уподобляются волчьему вою; общий компонент значения – «сила звука» (субъект действия, человек, уподобляется волку).

Встречается также уподобление человеческой речи звукам, производимым самим человеком, или же звукам неживой природы, но существующим под воздействием человека.

Балякать. Экспр., перен. Болтать, заниматься пустыми разговорами. *Придет, балякат-балякат, только от дела отрыват* (срав. с прямым значением – говорить невнятно (о ребенке или о нерусском)).

Данная метафора уподобляет взрослого человека ребенку, а

звуки человеческой речи, соответственно, речи ребенка, начинающего говорить, – общий компонент в значении: «невнятность».

Бринчатъ. Перен., экспр. Болтать, говорить вздор.
Ну че ты бринчишь.

Это языковая метафора: звуки речи уподобляются звукам, производимым человеком на музыкальном инструменте (человек уподобляется предмету).

Наблюдение за лексико-семантическими группами, входящими в группу «речевая деятельность», обнаруживает специфичность семантики глагольных метафор: номинация действия через образ осуществляется посредством имен-предметов, субъектов действия.

Значительное внимание диалектоносителями уделяется эмоциональной окрашенности речи, образно переосмысливается передача таких эмоций, как: сердиться, выражать недовольство, в результате чего появляются метафоры: **булькать**, **бунчатъ** (ворчать), **варгать**. Не остаются без внимания диалектоносителей и технические особенности речи, а также цели речевой деятельности: **выщелкивать** (говорить невнятно), **зажевать** (невнятно заговорить), **напухать** (наговорить, нашептать с колдовской целью), **напятнать** (назвать).

Итак, при метафорическом обозначении ситуации речевой деятельности наряду с переосмыслением самого характера действия (часто негативный) важным оказывается образное представление субъекта речевой деятельности (человека), его эмоций и целей деятельности. Богатство и разнообразие глагольных метафор речевого поведения позволяет говорить и об особой значимости речи, актов коммуникации в культуре диалектного сообщества, где слово наделяется «высшим смыслом»: человек сельской местности «даром слова на ветер не бросает». Слово имеет значимость и вес, это опять же отсылает нас к народной мудрости: «слово не воробей: вылетит – не поймаешь». Подобная актуализация актов речи, думается, связана и с особенностью функционирования народного говора (преимущественно устная форма бытования), в связи с чем каждое слово наделяется особым смыслом, произносится особым манером, с особой интонацией, чтобы общение состоялось, а посредством метафоры, через образ вскрываются все возможные оттенки, смыслы, присутствующие в ситуации общения.

Проведенный анализ глагольных метафор народных говоров

Среднего Урала подтверждает мысль о том, что образность является одним из основных организующих свойств мышления диалектоносителей, о чем свидетельствует большое количество образных единиц (глагольные метафоры). В сферу образного переосмысления вовлекаются как действия (процессы), так и вся ситуация протекания действия в целом: субъект действия, объект, место, иногда задается мотивация действия, отражается результат действия. Диалектоносители предлагают свои сценарии осуществления того или иного действия, которые могут быть различны для выполнения одного и того же действия, что связано с неоднозначным восприятием окружающей действительности носителями одного говора. Исследование организации глагольных метафор позволяет выявить некоторые особенности диалектной языковой картины мира, а в перспективе – выявить национально-культурные стереотипы поведения человека в той или иной ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Радченко О.А., Закуткина Н.А. Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен // Вопросы языкознания. 2004. №6.
2. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М. 2002., с. 296.

© Овчинникова Л.Н., 2006

**Пименова Е.Е.,
Пименова М.В.**
Кемерово

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ НЕБА И ОБЪЕКТИВАЦИЯ ЕГО ПРИЗНАКОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С.А. ЕСЕНИНА

(лингвокультурологический аспект)

Авторские картины мира объединяет с языковой картиной мира то, что поэты – носители языка – используют общепринятый языковой фонд, вводя в него свои собственные окказиональные (авторские) метафоры. С другой стороны, авторам свойственно активное использование не всех возможных для языка метафор, а только их части [см. подр.: Пименова 2005]. Приоритет выбора тех или иных метафор обусловлен как тематикой и жанровой спецификой произведений, так и собственно характером самого автора.

Колоративные признаки неба чрезвычайно разнообразны. Они могут быть выражены как прямо, так и косвенно. Как указы-

вает Р.М. Фрумкина, «класс «цвета неба» включает: багровый, небесный, лиловый, сизый, серебристый, перламутровый, белесый, синий, голубой, белый, серый» [Фрумкина 2001: 84]. Небо у С.А. Есенина цветное и синее (**Синее небо, цветная дуга, Тихо степные бегут берега, Тянется дым, у малиновых сел Свадьба ворон облегла частокол. Синее небо, цветная дуга...**; **Злые скорби, злое горе Даль холодная впила; Загораются, как зори, В синем небе купола.** Микола), голубое ([Номах:] **Приятно мне под небом голубым Утешить бедного и вшивого собрата.** Страна негодяев), розовое (**И ты, как я, в печальной требе, Забыв, кто друг тебе и враг, О розовом тоскуешь небе И голубиных облаках.** За тёмной прядью перелесниц), белое (**Небо ли такое белое Или солью выцвела вода? Ты поешь, и песня оголтела Бреговые вяжет повода.** Небо ли такое белое...), черное (**В том зове калмык и татарин Почуют свой чаемый град, И черное небо хвостами, Хвостами коров вспламят.** Небесный барабанщик). Прямо названные колоративные признаки относятся, в основном, к описанию дневного и утреннего неба. Косвенным способом реализуются признаки красного цвета, ассоциирующегося у поэта с цветом крови ([Зарубин:] **Зреет, зреет веселая сеча. Вззоет в небо кровавый туман.** Пугачев), с пожаром (**Алый мрак в небесной черни Начертил пожаром грань. Я пришел к твоей вечерне, Полевая глухомань. Алый мрак в небесной черни...**), зарницей (**Я хотел бы в мутном дыме Той звездой поджечь леса И погнать вместе с ними, Как зарница в небеса.** На небесном синем блюде...), восходом и закатом солнца (**Загорелась зорька красная В небе темно-голубом, Полоса явилась ясная В своем блеске золотом.** Восход солнца; **Там с закатных поднебесий Скачет враг – силен, Как на эти ли полесья Затаил полон.** Егорий). Как видно из приведенного списка, цветовой спектр неба в произведениях С.А. Есенина богат. Большое внимание поэт обращает на красный цвет, обладающий многоаспектными ассоциациями.

Небо у С.А. Есенина – источник света, метонимическое именование солнца, луны и звезд – небесный свет (**Свет небес все синей И синей.** Баллада о двадцати шести; **Я полон дум об индустриальной мощи, Я слышу голос человеческих сил. Довольно с нас Небесных всех светил – Нам на земле Устроить это проще.** Стансы; Пугачев **Клещи рассвета в небесах Из пасти темноты Выдергивают звезды, словно зубы, А мне еще нигде вздремнуть не удалось.** Пугачев). Основным источником света

является солнце (*Лучи солнышка высоко Отразили в небе свет. И рассыпались далеко От них новые в ответ.* Восход солнца). Источники света ночью – звезды – манят (*И почему так, когда вы сияете, Маните в небо, в объятия широкие? Смотрите нежно так, сердце ласкаете, Звезды небесные, звезды далекие! Звезды*), увлекают тайными знаниями (*Частые звездочки, звездочки тесные! Что в вас прекрасного, что в вас могучего? Чем увлекаете, звезды небесные, Силу великую знания жгучего? Звезды*).

Колоративные признаки сопрягаются с религиозными. Согласно народным воззрениям, в небе обитает Бог (*А там все лес, и все поля, И степь, и горы за Днепром... И в небе темно-голубом Сам бог вивает над селом.* Село) и Божья мать (*Не стану никакую Я девушку ласкать. Ах, лишь одну люблю я, Забыв любовь земную, На небе божью мать.* Не стану никакую...). Бог-небо есть пастух (*...Тянусь к теплу, вдыхаю мягкость хлеба И с хрустом мысленно кусаю огурцы, За ровной гладью вздрогнувшее небо Выводит облако из стойла под уздцы.* Голубень), громовержец (*От утра и от полудня Под поющий в небе гром, Словно ведра, наши будни Он наполнит молоком.* Преображение), охотник (*Кто-то с новой верой, Без креста и мук, Натянул на небе Радугу, как лук.* Есенин. Ионния). Богини неба – пряжи – дочери бога-неба (*Небесные дщери Куделят кремник; Учил тебя вере Седой огневик.* Отчарь). Небо есть свидетель деяний человека и собеседник, к которому человек обращается за помощью, и в этих признаках прочитываются божественные функции: к небу-богу обращают свои взоры люди (*Так спросил я, дорогая Лала, У молчащих ночью кипарисов, Но их рать ни слова не сказала, К небу гордо голловы завьисив.* Отчего луна так светит тускло...), надеясь на его помощь (*«Обратись лицом к седому небу, По луне гадая о судьбе, Успокойся, смертный, и не требуй Правды той, что не нужна тебе».* Жизнь – обман с чарующей тоскою...).

Небо антропоморфно: оно поет (*«О дево Мария! – Поют небеса. – На нивы золотые Пролей волоса».* Октоих), слушает (*Солнышко к небу глаза подняло И сказало: «Тяжек мой труд!» И вдруг солнышку что-то веки свело, Оглянулося – месяц как тут.* Пропавший месяц; *Облезлый клен Своей верхушкой черной Гнусавит хрипло В небо о былом.* Метель), бьет в барабан-солнце (*Мы идем, а там, за чащей, Сквозь белесость и туман Наш небесный барабанщик Лупит в солнце-барабан.*

Небесный барабанщик), ему улыбается земля (*Слушает ласково песни глубокие С запада розовой лентой заря. С нежностью смотрит на звезды далекие И улыбается небу земля*. Весенний вечер).

Пространство между небом и землей – место молитв (**Понесли удары К синим небесам**, Звонко раздается Голос по лесам. Колокол дремавший...) и жертвоприношений ([*Номах:*] *И знаю сам – Конечно, меня подвезят Когда-нибудь к небесам*. Страна негодяев; ср.: [*Сторож:*] *И течет заря над полем С горла неба перерезанного*. Пугачев). До неба доходят звуки церковных колоколов.

Небо в мифологических представлениях есть корова (*И невольны в море хлеба Рвется образ с языка: Отелившие небо Лижет красного телка*. Не напрасно дули ветры...; ср.: *Мудростью пухнет слово, Вязью колоса поля. Над тучами, как корова, Хвост задрала заря*. Преображение). «В одной из версий египетского мифа солнечный бог Ра поднимается из океана на небесной корове (иногда отождествляется в Нут), которая встала из воды... и превратилась в небо. ... В «Текстах пирамид» об умершем фараоне говорится, что великая корова беременеет им, рождает его и поддерживает своими крыльями. Небесная корова ежедневно дает жизнь теленку, который вырастает в быка, чтобы зачать нового теленка. Небесной коровой, родившей солнце, считалась также Хатор, нередко выступающая в функции богини плодородия. В индийской мифологии корова Камадхену, исполняющая любые желания, появилась из океана при его пахтанье» [Иванов 1988: 5]. Корова символизировала во многих древних религиях плодородие, изобилие, благоденствие (**Небо словно вымя, Звезды как сосцы. Пухнет божье имя В животе овцы**. Тучи с ожереба...). В «Ригведе», гомеровском эпосе и латинском языке слово *вымя* коровы означает в то же время «изобилие, плодородие» там же). Многогранный и яркий древний образ богини неба – Великой Богини Матери был воспринят в разной степени последующими мифологиями и религиями (*Это он! Это он Из чрева неба Будет высовывать Голову...* Сельский часослов). Прежние верования были приспособлены к новым культовым представлениям. Христианские традиции переняли этот образ в виде девы Марии (*В золоченой хате Смотрит божья мати В небо*. Исус-младенец).

Для поэта важны такие небесные объекты, как солнце (*И за эти щедроты теплые, Что сочишь ты дождями в муть, О,*

какими, какими метлами Это солнце с небес стряхнуть? Пантократор), звезды (Пой, зови и требуй Скрытые брега; Не сорвется с неба Звездная дуга! Отчарь; Нефть на воде, Как одеяло перса, И вечер по небу Рассыпал звездный куль. Стансы; [Творогов:] Никому б не открыли наш заговор безъязыкие ивы, Сохранила б молчанье одинокая в небе звезда. Не пугайтесь! Пугачев; В руках – краюха хлеба, Уста – вишневым сок. И вызвездило небо Пастушеский рожок. О Русь, взмахни крылами...), луна (Луну, наверное, Собаки съели – Ее давно На небе не видеть. Метель; [Пугачев:] О Азия, Азия! Голубая страна, Обсыпанная солью, песком и известкой. Там так медленно по небу едет луна, Поскрипывая колесами, как киргиз с повозкой. Пугачев), облака ([Пугачев:] Иль это взвыли в небе облака? Пугачев), комета (Понятен мне земли глагол, Но не стряхну я муку эту, Как отразивший в водах дол Вдруг в небе ставшую комету. Душа грустит о небесах...), буря (Он Медведицей с лазури – Как из бочки черпаком. В небо вспрыгнувшая буря Села месяцу верхом. Пантократор), птицы (Заслонили ветлы сиротливо Косниками мертвые жилища. Словно снег, белеется коливо – На помин небесным птахам пища. Поминки). Автор обращает свой взор вверх, в небесную вышину, чаще именно в ночное небо.

Многие колоративные признаки пересекаются с предметными, а именно артефактными признаками. Предметными являются метафоры домашней утвари: коромысла (Курит облаком болото, Гарь в небесном коромысле. С тихой тайной для кого-то Затаил я в сердце мысли. Есенин. Край любимый! Сердцу снятся...), посуды: чашки (Грянул гром, чашка неба расколота, Тучи рваные кутают лес. Русь; Чашка неба расколота. Разорвались тучи тесные. Богатырский посвист), блюда (На небесном синем блюде Желтых туч медовый дым. Грезит ночь. Уснули люди, Только я тоской томим. На небесном синем блюде...; Облаками перекрещен, Сладкий дым вдыхает бор. За кольцо небесных трещин Тянет пальцы косогор. На небесном синем блюде...). Другими артефактными признаками выступают колокол (Небо – как колокол, Месяц – язык, Мать моя – родина, Я – большевик. Иорданская голубица; Взрастает нива, и зерна душ Со звоном неба спадают в глушь. Под красным вязом крыльцо и двор...), зеркало (В это время лебедь белая Оглянула гладь зеркальную И на небе отражавшемся Увидала крылья длинные. Лебедушка; «Ты иди учишь в пустынях да

лесах; *Наша тайна отразилась в небесах*». Не от холода рябиனுшка дрожит...).

Для С.А. Есенина характерны метафоры дома-неба. Небо описывается признаками дома и его внешних и внутренних частей: крыши (*Чтобы поле его словесное Выращало ульями злак, Чтобы зёрна под крышей небесною Озлащали, как пчёлы, мрак. Инония*), чердака (*Подыму свои руки к месяцу, Раскушу его, как орех. Не хочу я небес без лестницы, Не хочу, чтобы падал снег. Инония; Каждый день, Ухватившись за цепь лучей твоих, Карабкаюсь я в небо. Каждый вечер Срываюсь и падаю в пасть заката. Сельский часослов*), потолка (*Не вбивай руками синими В пустошь потолок небес: Не постройте шляпками гвоздинными Сияние далёких звезд. Инония; У лесной поляны – в свяслах копыи хлеба, Ели, словно копыя, уперлися в небо. Задымился вечер, дремлет кот на бруссе...*), дверей (*Открывались небесные двери, Дьякон бавкнул из кряжистых сил: «Ещё помолимся, братья, о вере, Чтобы бог нам поля оросил».* Заглушила засуха засевки...), икон (*Вот вышла бабка кормить цыплят. Горит на небе святой оклад. Заря над полем – как красный тын...*), лампадок (*На подвесках из легкого золота Закачались лампадки небес. Русь; И пусть они, те, кто во мгле Нас пьют лампадой в небе, Увидят со своих полей, Что мы к ним в гости едем. Пантократор*), а также усадебных построек: колодца (*Я хотел бы под конские храпы Обниматься с соседним кустом. Подымайте ж вы, лунные лапы, Мою грусть в небеса ведром. Ветры, ветры, о снежные ветры...*), хлева с яслями для корма животных (*И лежишь ты, как овца, Дрыгая ногами в небо, Путая небо с яслями, Путая звезды С овсом золотистым. Сельский часослов*). Небо в произведениях поэта окказионально выражается в метафорах погоста (*Чумаков О эта ночь! Как могильные плиты, По небу тянутся каменные облака. Пугачев*).

Небо у С.А. Есенина – это поле, на котором колосятся и зреют хлеба (*Закинь его в небо, Поставь на столпы! Там лунного хлеба Златятся снопы. Отчарь; Радуйся, Сионе, Пропливай свой свет! Новый в небосклоне Вызрел Назарет. Инония*), это нива (*Плечьми трясем мы небо, Руками зыбим мрак И в тощий колос хлеба Вдыхаем звездный злак. Октоих*) и пажить (*Коромыслом серп двурогий Плавно по небу скользит. Пряный вечер. Гаснут зори...*), луг (*Щебетнули звезды месяцу: «Ой ты, желтое янятище! Ты не мни траву небесную, Перестань*

бодаться с тучами.» Песнь о Евпатии Коловрате), сад, куда направляются души после смерти (*Земля моя златая! Осенний светлый храм! Гусей крикливых стая Несётся к облакам. То душ преображённых Неисчислимая рать, С озёр поднявшись сонных, Летит в небесный сад.* Есенин. Иорданская голубица). Сад небесный – это рай (*Гляну в поле, гляну в небо – И в полях и в небе рай. Снова тонет в копнах хлеба Незапаханный мой край. Гляну в поле, гляну в небо...*). Царство небесное, По С.А. Есенину, есть дубрава (*Он зовет меня в дубровы, Как во царствие небес, И горит в парче лиловой Облаками крытый лес. Чую радуницу божью...*). Душа на земле – гостья, ее место жительства – поля, нивы небесные (*Душа грустит о небесах, Она нездешних нив жилица. Люблю, когда на деревьях Огонь зелёный шевелится.* Есенин. Душа грустит о небесах...). «В большинстве традиций на небе располагалась область, через уровни которой души возносились к абсолютному свету и покою» [Тресиддер 1999: 235]. Вегетативные метафоры образуются поэтом на основе религиозных ассоциаций: небо – место Бога и Великой Богини (в христианстве – Божьей Матери), их символами могут быть Дерево Мировое (*Скучно слушать под небесным древом Взмах незримых крыл: Не разбудишь ты своим напевом Дедовских могил! Проплясал, проплакал дождь весенний...*), верба (*Ныне Солнце, как кошка, С небесной вербы Лапкою золотою Трогает мои волоса.* Преображение), кедр (*Шумит небесный кедр Через туман и ров, И на долину бед Спадают шишки слов. Октоих*) и даже тополь (*Там, за млечными холмами, Среди небесных тополей, Опрокинулся над нами Среброструйный Водолей.* Пантократор). Растения, с которыми соотносится небо, выражают разные ассоциативные связи. Верба воплощает идею плодородия, дуб во многих индоевропейских традициях – священное дерево, небесные врата, через которые божество может появиться перед людьми [Топоров 1988: 369-370].

Вода – символ Великой богини. К этой ассоциации восходят мифологические представления о небе как океане, по которому плавают сын божий, Русь и сыны – мечтатели (*Заря над полем – как красный тын. Плышет на тучке превечный сын.* Заря над полем – как красный тын...; *А впереди их лебедь. В глазах, как роца, грусть. Не ты ль так плачешь в небе, Отчалившая Русь?* Иорданская голубица; *«На земле милее. Полно плавать в небо. Как ты любишь доли, так бы труд любил. Ты ли дере-*

венским, ты ль крестьянским не был? Размахнись косою, покажи свой пыл». Я иду долиной. На затылке кепи...). Цвет неба-океана – голубой (*И из лоно голубого, Широко взмахнув веслом, Как яйцо, нам сбросит слово С проклевавшимся птенцом.* Преображение; ср.: лono «высок. недра или поверхность воды, земли»). И песок неба-океана тоже голубой (*Там с утра над церковными глазами Голубеет небесный песок, И звенит придорожными травами От озер водяной ветерок.* За горами, за желтыми долами...). Вода океана-неба течет, пенится («О, веруй, **небо вспенится**, Как лай, сверкнет волна. Над рощею оценится Златым щенком луна. Иной травой и чащею Отенит мир вода. Малиновкой журчащею Слетит в кусты звезда»). Преображение; ср.: *Сшибаю камнем месяц И на немую дрожь Бросаю, в небо свесясь, Из голенища нож.* О Русь, взмахни крылами...). В его воде ловят сетями вселенную (*Ей, россияне! Ловцы вселенной, Неводом зари зачерпнувшие небо, – Трубите в трубы.* Преображение).

В описаниях неба у С.А. Есенина частотны метафоры ткани, полотна (*Ситец неба такой Голубой.* Баллада о двадцати шести; *Снова пришествию его Поднят крест. Снова раздирается небо.* Пришествие; *Лучи ярко-золотые Осветили землю вдруг. Небеса уж голубые Расстилаются вокруг.* Восход солнца), ризы (*Вижу тебя из окошка, Зиждитель щедрый, Ризою над землю Свесивший небеса.* Преображение), платка (*Топи да болота, Синий плат небес. Хвойной позолотой Взвенивает лес.* Топи да болота...), сети (*Задремали звезды золотые, Задрожало зеркало затона, Брезжит свет на заводи речные И румянит сетку небосклона.* С добрым утром!). В основе вариативной метафоры 'небо → ткань/ покров / покрывало' первоначально находился метонимический перенос: «на античных изображениях Великой богини ее лицо часто бывает закрыто вуалью» [Голан 1994: 13].

Небо ограничено кругом (*Потонула деревня в ухабинах, Заслонили избёнки леса. Только видно, на кочках и впадинах, Как синеют кругом небеса.* Русь), у него есть стороны пространственной вертикали (*И, сев со мною рядом, Она шептала мне: «Смирись, моя услада, Мы встретимся у сада В небесной стороне».* Не стану никакую...), пространственной горизонтали – стороны света (*До сегодня еще мне снится Наше поле, луга и лес, Принакрытые сереньким ситцем Этих северных бедных небес.* Низкий дом с голубыми ставнями...). Небо ограничено

тем местом, над которым оно располагается (*Я усталым таким еще не был. В эту серую морозь и слизь Мне приснилось **рязанское небо** И моя непутевая жизнь.* Я усталым таким еще не был). За его пределами находится иное небо, другое, под которым находится иная земля (*Молчит Ус, не кинет взгляда, – Ничего ему от земли не надо. О другой он земле гадает, **О других небесах** вздыхает... Ус*). Небо и земля для С.А. Есенина едины, их объединяют субъекты и объекты мира – люди, селения, страна (*И **небо** и **земля** все те же, Все в те же воды я гляжусь, Но вздох твой ледовитый реже, Ложноклассическая **Русь**.* И небо и земля все те же...; [Чумаков:] *Что это? Как это? Куда мы бежим? Сколько здесь нас в живых осталось? От горящих деревень бьющий лапами **в небо** дым Расстилает по земле наш позор и усталость.* Пугачев), а также события, происходящие в этом мире (*Листьями звезды льются В реки на наших полях. Да здравствует **революция** На земле и на **небесах!*** Небесный барабанщик).

У С.А. Есенина отмечены ocasionальные метафоры продуктов, пищи (*Если волк на звезду завыл, Значит, **небо** тучами **изглодано**. Рваные животы кобыл, Черные паруса воронов. Кобыльи корабли; **Небо сметаной обмазано**, Месяц как сырный кусок. Только не с пищею связано Сердце, больной уголок. Небо сметаной обмазано...).* Небесная корова обеспечивает изобилие на земле (*За тучи тянется моя рука, Бурею шумит песнь. **Небесного молока Дажь мне днесь.*** Преображение). Облака и дождь описываются метафорами молока (*Звери, звери, приидите ко мне В чашки рук моих злобу выплакать! Не пора ль перестать луне **В небесах** облака **лакать?*** Кобыльи корабли), текущего с неба (*Стихи, ветер, Не лай, водяное стекло. **С небес** через красные сети **Дождит молоко.*** Преображение).

Мифологические и символические признаки неба и его объектов связаны прежде всего с образом Великой богини неба: «мировое дерево считалось ... воплощением Великой богини» [Голан 1994: 13]. Этажи неба символизируют пространство обитания богини неба («внутреннее пространство неба»), дарующей и отнимающей жизнь; на небе проявляются знаки-предвестия (комета), живительная влага (дождь и молоко). Небо рождает людей, вынашивая их в своем чреве. Небо пророчествует (*И от вечера до ночи, Незакатный славя край, Будет **звездами пророчить** Среброзрачный урожай.* Преображение). Небо у поэта

описывается признаками дома (ср.: *жить в / на небе*), но не определяется признаками шатра (ср.: *небесный шатер*).

Каждый творец словом пользуется языковым инвентарем, вкладывая свое видение и свое восприятие в ключевые концепты культуры и категории мира. Такие концепты называют индивидуальными, или индивидуально-авторскими, они выражаются ключевыми словами, свойственными тому или иному писателю или философу. Авторское мировидение отображает ценностные установки писателя, его ориентацию на определенные стороны внешних и внутренних качеств человека. Приоритеты в выборе тех или иных признаков концепта позволяют делать выводы об особенностях индивидуально-авторской картины мира. Небеса несут в себе определенную символику этажей мироздания. Для С.А. Есенина характерно представление неба в виде трехчастной модели: *поднебесье* (пространство между небом и землей), поверхность неба (*на небе*) и объем неба (*в небе*). Всего плоскостей-этажей *на небе* в русской языковой картине мира – семь. В мифологии, «наряду с «тремя сводами» или «тремя крышами», которые держат три бога, известны представления о семи мирах или этажах мира» [Брагинская 1988: 207]. Дерево Мировое, церковь с колоколами – вот символы пространственных медиаторов между небом и землей. Небо для автора – освоенное пространство, представленное в обликах поля, сада, царства, и одновременно неосвоенное пространство – луг, дубрава. «Почва» неба возделываема.

В культурах многих народов небо связывалось со сверхъестественными силами. Небесная сфера чрезвычайно насыщена символикой: небо выступает символом превосходства, власти, духовного просвещения и вознесения души. Небо – активная творческая сила, созидающая и рождающая по своему образу и подобию, это Логос (*Теперь бы брызнуть в небо Вишневым соком стих За отческую щедрость Наставников твоих. О муза, друг мой гибкий...*). Небо-творец выступает у С.А. Есенина в двух ипостасях: женской (Великая Богиня Мать; Божья Матерь) и мужской (пастух-пастырь, громовержец, охотник). Как видно из указанных признаков, в представлениях о небе воплотились как дохристианские, так и христианские символы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брагинская Н.В. Небо // Мифы народов мира: Энциклопедия в 2-х т. – М., 1988. – Т.1. – С. 206-208.
2. Голан А. Миф и символ. – 2-е изд. – М.: РУССЛИТ, 1994. –

375 с.

3. Иванов В.В. Корова // Мифы народов мира: энциклопедия в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Советская Энциклопедия, 1988. – Т.2. – С. 5-6.

4. Пименова Е.Е. Религиозные признаки концепта *небо* // Ethnohermeneutik und Antropologie/ Hrsg. von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2004. – S.210-213 (Reihe «Ehnohermeneutik und Ethnorhetorik». Band 10).

5. Пименова Е.Е. Сравнительный анализ мифологических признаков концептов *небо* и *heaven* в русском и английском языках // Материалы XLIII Международной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Языкознание. – Новосибирск: НГУ, 2005. – С. 35-38.

6. Пименова Е.Е. Колоративные признаки концепта *небо* // Sprach in der Welt/ Hrsg. von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2005. – S. 301-306 (Reihe «Ehnohermeneutik und Ethnorhetorik». Band 11).

7. Пименова Е.Е. Лингвокультурологический аспект исследования политической метафоры (способы объективации концепта *небо*) // Известия УрГПУ. Лингвистика. – Екатеринбург: УрГПУ, 2005. Вып. 15. – С. 114-120.

8. Пименова Е.Е. Образные признаки в структуре концепта *Himmel* (на материале немецких художественных произведений) // Мир и язык / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2005. – С. 173-180. (Серия «Филологический сборник». Вып. 6).

8. Пименова Е.Е. Антропоморфные признаки концепта *Himmel* // Грамматика. Семантика. Концептология / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2005. – С. 222-228. (Серия «Филологический сборник». Вып. 7).

10. Топоров В.Н. Растения // Мифы народов мира: энциклопедия в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Советская Энциклопедия, 1988. – Т. 2. – С. 369-371.

11. Тресиддер Дж. Словарь символов. – М., 1999. – С. 235.

12. Фрумкина Р.М. Психолингвистика. – М.: Academia, 2001. – 320 с.

© Пименова Е.Е., Пименова М.В., 2006

Покровская Е.А.

Ростов-на-Дону

**РОЛЬ ПРОЗЫ ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ В СТАНОВЛЕНИИ
ЯЗЫКА ЛИТЕРАТУРЫ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ:
ТЕНДЕНЦИЯ К СИНТАКСИЧЕСКОМУ СЛИЯНИЮ**

В развитии современного русского языка (от Пушкина до наших дней) особое место занимает недавно завершившийся XX век, который принес «невиданные перемены» в такой стабильный языковой уровень, как синтаксис. В начале века маятник развития культуры – «маятник Чижевского» – отскочил в противоположную от классики сторону, и о своем рождении громко объявила новая культура, которая стала употреблять деконструкцию в качестве своего рода конструкции, «освоила парадоксальное искусство строить дом, в котором крыша – ураган, а пол – землетрясение» [Якимович 1994]. В русской литературе периода «высокого модернизма» утверждаются принципы антиклассической парадигмы культуры. Это, во-первых, отказ от воспроизведения, отражения действительности, альтернативой которым становится моделирование своей, авторской картины мира, иначе говоря, реальности противостоит «сделанный текст», мир творца-демиурга. Поэтому огромную роль начинает играть интимизация, субъективизация текста. Автор моделирует свою позицию, позицию читателя и, наконец, рассказчика. Реальность растворяется в аллюзиях, реминисценциях, зеркальном отображении одного в другом; эксплицируется процесс создания текста на его же страницах. Во-вторых, это отказ от гармонии, иерархии, пропорциональности, упорядоченности, это искусство, где «дисгармония доминирует над гармонией, беспорядок над порядком» [Kandinsky 1955]. И наконец, это отказ от рациональности, примата разума над эмоциями, от логики и здравого смысла («стремление художественных сил направить искусство на пути разума дало ноль творчества», – со свойственной авангардистам безапелляционностью заявлял К.Малевич [Малевич 1916]).

Принципы нового искусства реализуются в языковых инновациях модернистов, и в первую очередь – в синтаксических; на последнее обратил внимание крупнейший культуролог В.П. Руднев, среди принципов организации романа XX века назвавший «синтаксис, а не лексику», определяя его так: «Обновление языка в модернистской прозе происходит прежде всего за счет обновления и работы над синтаксическими конструкциями; не над

словом, а над предложением» [Руднев 1999]. Наблюдения над прозой русских модернистов позволяют выделить такие особенности синтаксиса модернистского дискурса, как фрагментарность, расчлененность, краткость, сжатость, информативная спрессованность, динамизм, затемненность смысла, аритмия прозы, нарушения синтаксической иерархии, разговорность и даже устность художественного текста.

В данной работе ставится задача установить роль художественной прозы шестидесятников, заявивших о себе в период хрущевской оттепели, в становлении синтаксических инноваций русского литературного языка XX века.

С конца 20-х до конца 50-х годов в России наблюдается возвращение к традиционной парадигме культуры, что связано не столько с действием закона маятника Чижевского, сколько с политической, идеологической, общекультурной ситуацией в стране в эти годы. Тоталитарный режим консервативен, он выбирает одно, наиболее традиционное, направление и жестко насаждает его в разных видах искусства и культуры в целом. Не будет преувеличением сказать, что борьба не только с искусством, но и языковыми особенностями антитрадиционной парадигмы в художественной литературе велась на идеологическом уровне. Наиболее авторитетный классик социалистического реализма М. Горький так, например, порицает актуализирующий синтаксис в статье «О бойкости», довольно точно нащупав характерные свойства модернистского текста – хаотичность, фрагментарность и предельную субъективированность: «Я не поклонник Хлебникова и Белого, на мой взгляд, они творили словесный хаос, стремясь выразить мучительную путаницу своих, узко и обостренно индивидуальных ощущений». М. Горький далее уточняет, что именно не устраивает его в языке новой прозы, например, «склонность к фразе, которая в середине почему-то перерублена точкой, которая нарушает все течение рассказа» [Горький 1949], то есть речь идет о парцелляции. А идеалом является точность, ясность, простота: «Если писатель пишет недостаточно ясно, значит, он сам плохо видит то, что пишет. Если он пишет вычурно, значит, он пишет неискренно», поучал молодых писателей Горький в журнале «Литературная учеба» [Горький 1949].

В 60-е годы в языке художественной прозы жесткая регламентация и нормированность начинают отступать, в искусстве обозначается возрождение принципов антиклассической парадигмы, и прежде всего это проявляется в такой трудно контролируемой властью сфере, как синтаксис языка художественной

литературы. Возникают эти процессы в творчестве нонконформистов – шестидесятников, авторов так называемой «молодежной прозы» – А. Битова, В. Аксенова, Ф. Искандера, Г. Владимова, Б. Окуджавы, – проникая затем и в прозу В. Катаева, В. Конецкого, Ю. Крелина, И. Грековой, Ю. Трифонова, А. Крона, В. Маканина и даже в языковую ткань произведений писателей-«деревенщиков» – В. Шукшина, Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Распутина и др. Язык произведений названных выше авторов и послужил материалом для данной работы. Небезынтересно обратить внимание на то, что с точки зрения литературоведческой произведения этих писателей нельзя отнести к литературе антиклассической парадигмы. Все они в целом вписываются в понятие реалистического произведения. Однако уже в них возрождается синтаксис антиклассической парадигмы, возникает асимметрия содержания и формы художественного текста, ведь языковые, в частности синтаксические, особенности являются составляющей частью художественной формы. Актуализирующий синтаксис, возникший в прозе эпохи высокого модернизма, возрождается через 30 лет в творчестве шестидесятников.

В русской прозе неклассической парадигмы XX века можно выделить две новаторские противоположно направленные тенденции: к синтаксическому расчленению и к синтаксическому слиянию. Обе они формируют синтаксис потока сознания, с его хаотичностью, ассоциативностью, спонтанностью, скачками мысли, нарушением иерархически организованных синтаксических структур при помощи расчленения единых и слияния различных.

Тенденция к синтаксическому слиянию в творчестве шестидесятников уступает противоположной тенденции по значимости, удельному весу, разнообразию способов выражения и авангардной яркости. Однако ее существование здесь нельзя не замечать, потому что в постмодернистской прозе постперестроечного времени она «наберет обороты» и станет доминировать над теряющей яркость новизны тенденцией к синтаксическому расчленению. В каких же конкретных синтаксических явлениях проявляется тенденция к слиянию в прозе шестидесятников?

В использовании бессоюзной связи вместо союзной – сочинительной и подчинительной; в замене более сильной связи, традиционной для данной структуры, более слабой, нехарактерной для данной структуры; в слиянии различных субъективных

сфер, в слиянии высказываний в форме чужой речи (о последнем см. Покровская 2005).

Языковой материал художественной прозы рассматриваемого периода показывает, что четко выраженные подчинительные связи между предикативными единицами в ряде случаев заменяются недифференцированной бессоюзной, благодаря чему предикативные единицы оказываются скорее соположенными, чем грамматически зависимыми друг от друга. Четкость структуры, соответствующей ее грамматической семантике, размывается:

То ли Пирогов решил, он и впрямь Пирогов, то ли дразнил Петьку, то ли накачивал себя на какой-то подвиг, а подвига он жаждал всегда, но поза его оставалась прежней расслабленной и колебимой. (Ю. Крелин. «На что жалуетесь, доктор?»)

Он-то думал – они все погибли. (Г. Владимов. «Три минуты молчания»)

Сравним интересующую нас структуру в первом примере со стандартным сложноподчиненным предложением - ее синтаксическим синонимом: «то ли Пирогов решил, он и впрямь Пирогов» и «то ли Пирогов решил, что он и впрямь Пирогов». Во втором варианте подчинительная связь, выраженная изъяснительным союзом «что», четко соответствует грамматической семантике этого сложного предложения, зависимая часть которого находится в объектных отношениях с главной, относясь к опорному слову – сильноуправляющему переходному глаголу, насыщает эту связь, поскольку в главной части нет прямого дополнения. Синтаксис четко структурирован и иерархически организован. В предложении из романа Ю. Крелина утрачено это четкое членение и эксплицитно выраженная иерархическая организация. Те же объектные отношения сохраняются, но они не имеют эксплицитного выражения, не только отсутствует подчинительный союз – основной выразитель этих отношений и иерархии главного – зависимого, но и отсутствует интонация, характерная для изъяснительных отношений в бессоюзном сложном предложении. На это указывает ненормативная пунктуация, вместо двоеточия – запятая. Эта интонация усиливает слияние, размывание границы между структурами, вторая часть, интонационно сливаясь с первой, предельно приближается к члену предложения первой – отсутствующему прямому дополнению. Все эти наблюдения позволяют нам видеть в таких примерах зарождение, минимальное выражение тенденции к синтаксиче-

скому слиянию, которая в более поздней литературе проявится более ярко и очевидно.

Аналогичные рассуждения возникают и при анализе бессоюзных предложений с временными и причинными отношениями. Например:

«Дед» со «старухой» читали – прослезилась. (Г. Владимов. «Три минуты молчания»).

Сравнение примера из Г. Владимова с синонимичным ему сложноподчиненным «Дед» со «старухой» читали – прослезилась» и «Когда «дед» со «старухой» читали – прослезилась» приводит к мысли о том, что в первом предложении налицо определенное слияние двух сказуемых, некое приближение к их рядоположенности, размывание границы, обычно разделяющей части сложного предложения, «читали – прослезилась» приближается к синтаксическому ряду однородных членов при общем подлежащем «дед со старухой».

Очень часто семантическая взаимообусловленность, свойственная для подчинительных связей, оформляется не сложноподчиненным предложением, а бессоюзной связью, парцелированным однородным сказуемым, и взаимообусловленность не получает эксплицитного грамматического выражения. Например:

А Колька спит. Умаялся. (Ю. Крепин. «На что жалуетесь, доктор?»)

Чудик уважал городских людей. Не всех, правда: хулиганов и продавцов не уважал. Побаивался. (В. Шукшин. «Чудик»)

Если эксплицитировать имплицитное грамматическое значение, то мы можем выразить его сложноподчиненным предложением «хулиганов и продавцов не уважал, потому что побаивался». Но в предложении В. Шукшина причинное значение остается имплицитным, и предикативная единица заменяется однородным сказуемым, вследствие чего происходит синтаксическое слияние сложноподчиненного предложения в простое с рядоположенными компонентами.

Нельзя не отметить, что во всех этих случаях, когда союзная связь вытесняется бессоюзной, несомненно, влияние разговорной речи на речь письменную. Экспансия разговорной речи в художественную литературу – процесс, характерный для прозы шестидесятников, и он не в последнюю очередь связан с организацией синтаксиса потока сознания, имитирующего устность, спонтанность разговорной речи. А тот факт, что в разговорной речи бес-

союзные сложные предложения доминируют над союзными, является общепризнанным. [Земская 1981].

Тенденцию к синтаксическому слиянию формирует и замена более сильных связей более слабыми в простом предложении, что наблюдается в прозе рассматриваемого периода.

Этот путь проходит и глагол при своей десемантизации и превращении в осложняющий компонент простого сказуемого. Проследим этот путь:

Утром он проснулся в обычное время и пошел поставил чайник на огонь. (Ю. Крелин. «На что жалуетесь, доктор?»)

Очевидно, что более привычным и традиционным был бы синтаксический синоним «пошел поставить», но Ю. Крелин употребляет «пошел поставил». О чем свидетельствует такая замена? Только об экспансии разговорности? (Хотя и о ней, бесспорно, тоже). В традиционном «пошел поставить» оба глагола полнозначны, каждый является членом предложения (пошел – сказуемое, поставить – обстоятельство цели), обладают определенной самостоятельностью, хотя и вступили в подчинительную связь примыкания друг с другом. Крелин отказывается от традиционной конструкции, заменяя ее разговорноречевой «пошел поставил», где происходит частичная десемантизация глагола «пошел» и он перестает быть самостоятельным членом предложения, становясь элементом, осложняющим простое глагольное сказуемое «поставил». Ср.: «сядем поговорим, возьму и уеду», где первый глагол десемантизируется и функционально приближается к частице («как закричит», «будто онемел»). Теряя свою семантическую, функционально-синтаксическую самостоятельность, компонент таким образом сливается с другим («пошел» с «поставил»), и мы опять являемся свидетелями тенденции к синтаксическому слиянию, пока еще столь слабо проявляющейся, но очень перспективной для русской прозы неклассической парадигмы.

Тенденция к синтаксическому слиянию проявляется и в очень мощном и неоднократно привлекавшем внимание лингвистов процессе литературы 60-х-80-х – в слиянии разных субъектных сфер [Языковые... 1977; Караулов 1992, Кожевникова 1994]. Без какого-либо вербализованного обозначения границы, повествование автора-рассказчика скатывается на изображение глазами кого-то из персонажей, а иногда даже в субъектную сферу персонажа проникает еще чья-то субъектная сфера, чья-то точка зрения, чье-то видение событий. Такие явления мы относим к тенденции к синтаксическому слиянию потому, что граница меж-

ду субъектными сферами вербально не обозначается, потому что обычные для введения иной субъектной сферы формы чужой речи здесь не используются.

В прозе шестидесятников широко представлено переплетение разных субъектных сфер: повествователя и персонажа, повествователя и некой коллективной позиции, повествователя, персонажа и групповой, неиндивидуализированной точки зрения. Субъектная сфера может быть обозначена языковыми средствами, характерными для данного субъекта, а может быть вполне нейтральной в языковом отношении [Языковые... 1977]. Но важно, что в любом случае происходит это самое синтаксическое слияние, действует пусть пока что на минимальном, зачаточном уровне; оно гораздо ярче проявится в конструкциях с чужой речью и станет важнейшим в постмодернистской прозе конца века.

Подожел к магазину, хотел хоть издала посмотреть на бумажку, постоял у входа... И не вошел. Совсем больно станет. Сердце может не выдержать. (В. Шукшин. «Чудик»)

В этом примере мы видим не обозначенное никаким переходом сползание со сферы сознания повествователя-автора (до «И не вошел») на сферу сознания персонажа (с «Совсем больно станет»). Традиционно в литературе для такого переключения использовались формы чужой речи – прямая, косвенная или несобственно-прямая, что выражалось грамматически и, если это прямая, пунктуационно-графически, интонационно. Здесь нет никаких показателей чужой речи, даже стилистических, нет и авторской ремарки, объявляющей об этом переходе (типа «Он подумал...»). Поэтому мы и относим такое переключение с одной сферы сознания на другую к общей тенденции слияния, но сливаются здесь не синтаксические структуры, а сферы сознания.

Такое слияние может сопровождаться использованием маркированных речевых средств, характерных для иного субъекта. В следующих примерах из рассказа В. Шукшина «Срезал» таким маркированным языковым средством является разговорное «зря».

– Да нет такой проблемы! – опять с плеча рубанул кандидат.

Зря он так. Не надо бы так. (В. Шукшин. «Срезал»).

– Так, так. Кандидат пошевелился и значительно посмотрел на жену. Это очень интересно: каким законам? Это он

тоже зря, потому что его значительный взгляд был перехвачен. (В. Шукшин. «Срезал»)

Оценка слов персонажа, по-видимому, не собственно-авторская, а коллективная: это мнение группы мужиков, которые пришли насладиться словесным боем их односельчанина с кандидатом наук, выходцем из этой деревни. Именно они оценивают, по-видимому, ходы каждого, «болея» за своего. Так переключение на иную, неавторскую точку зрения осуществляется с использованием маркированных характерологических средств. Но и здесь нет четкой границы между сознанием повествователя и иной субъектной сферой, поэтому и здесь можно говорить о слиянии субъектных сфер.

Маркированность, характерологичность субъектной сферы повествователя может выражаться не только лексическими показателями «чужого слова». Здесь могут быть задействованы и грамматические формы, и синтаксические структуры, маркированные как неавторские, не-повествовательские. Например:

И вот «дед» поднимается, кряхтит, накидывает бушлат, сует ноги в теплые галоши, идет, и вся квартира, конечно, пристраивает уши к дверям: кому же он понадобился в столь поздний час? Любопытно, любопытно, майор Запылаев из милиции, то-то нынче пошатывались, когда пришли. Нет, с «дедом» все в порядке, матросик из его экипажа набедокурил «в нетрезвом, конечно», – теперь на него ссылается.

Скажите, полторы косых, размотал за ночь, теперь не помнит где.

Хорош экипаж! А «деду» он что - сын, племянник...

(Г. Владимов. «Три минуты молчания»).

Несомненно, точка зрения повествователя сменяется точкой зрения соседей «деда» по коммунальной квартире. Именно в их интерпретации далее идет повествование – о звонке «деду» из милиции о пьянке и дебоше главного героя романа. Но это именно повествование, а не чья-то чужая речь, хотя это повествование – с позиции коллективного персонажа, с его оценками и его яркими речевыми средствами: форма множественного числа глагола, обозначающего действие одного лица – «пошатывались», «пришли», десе-мантизированное повелительное наклонение как средство речевого контакта «Скажите», восклицательно-оценочное «Хорош экипаж», лексика – «набедокурил», «полторы косых», «размотал». И опять – слияние: здесь уже сливаются четко не отграниченные друг от друга, но ведущие каждый

свою партию в этом хоре – повествователь, коллективный персонаж – соседи, звонящий по телефону майор Запылаев...

Слияние не двух, а нескольких субъектных сфер является основным сюжетообразующим и композиционным принципом рассказа А. Битова «Пенелопа». Его композиционно-синтаксический анализ мог бы стать темой самостоятельной работы, здесь же мы проанализируем с точки зрения слияния нескольких субъектных сфер только два эпизода. Главный герой – закомплексованный, как мы сегодня скажем, молодой мужчина, которого очень беспокоит, каким его видят люди. Поэтому в изображении событий вторгается не только сфера сознания героя (к этому мы уже привыкли), но и сфера сознания окружающих, толпы, посторонних. Это нигде не выражено эксплицитно, имплицитное переплетение трех сфер сознания и составляет то самое слияние, которому посвящена наша работа.

– Что вы? Такому симпатичному?

И тут все оборачивалось по-новому. Этого он не ожидал.

И это его окрылило, и он сказал: – Бывает и симпатичный, а скот.

И вот он, такой высокий и широкоплечий, чуть повернув и наклонив к ней голову, такой маленькой и ладной, и улыбнувшись широко, по-светски, добавил с легкой иронией в голосе, которая должна была означать некую посвященность обеих сторон: мол, они оба знают, – и вот, со всем этим в голосе, он добавил:

– Или так не бывает? (А. Битов. «Пенелопа»).

Они вышли на Невский. Шли нарядные люди. Женщины среди прочих. Девочки. Лобышев остановился. И она рядом, маленькая и задриганная. Кто-то на них посмотрел. Кто-то что-то сказал.

Он сам-то не расслышал. Но наверняка кто-то что-то сказал. (Там же).

Соскальзывание с позиции повествователя на позицию героя – это уже известный нам вид слияния. Но в позиции героя сливается его собственное видение с тем, каким его видят другие. Данная в первом отрывке портретная зарисовка его и его знакомой выражает нахлынувшую вдруг на него уверенность в себе, и он уже видит себя чужими глазами, со стороны, высоким и широкоплечим, улыбающимся широко и светски – он, только что не знавший, куда себя девать от смущения. И это смущение, закомплексованность, боязнь выглядеть жалким и смешным, осо-

бенно в глазах женщин, обуславливает и переплетение субъектных сфер во втором отрывке: Лобышев, выйдя из темного кино-театра на Невский, видит ее и себя чужими глазами, и если в первом отрывке она была «маленькой и ладной», то здесь она уже «маленькая и задриганная», и это не его мнение, а такую она ему кажется в восприятии идущих по улице; ему кажется, что «кто-то на них посмотрел. Кто-то что-то сказал. Он сам-то не расслышал. Но наверняка кто-то что-то сказал». В такой сложной системе зеркал – глаз – восприятий отразилась девушка, «такая маленькая и ладная» или «маленькая и задриганная». Эти примеры иллюстрируют слияние, не чисто синтаксическое, а композиционно-синтаксическое.

Итак, в художественной прозе шестидесятников можно наблюдать тенденцию к синтаксическому слиянию. Противопоставленная тенденции к расчленению, она вместе с нею образует синтаксис потока сознания, с его ассоциативностью, хаотичностью, скачками мысли, с его расчленением единых структур и соединением различных в общий «поток». Эта тенденция лишь «набирает обороты» в прозе рассматриваемого периода и еще не имеет столь радикального выражения, как тенденция к расчленению.

Она выражается в использовании бессоюзной недифференцированной связи для выражения причинных, изъяснительных, противительных, временных отношений без нормативных знаков препинания и интонации, приближая их интонационно и пунктуационно к перечислению; в использовании слабых связей на месте традиционных более сильных, а также и композиционно-синтаксическими средствами – переплетением различных субъектных сфер, отсутствием показателей, вводящих новую сферу сознания.

Тенденция к синтаксическому слиянию, возникшая в прозе русского модернизма, была утрачена русской литературой в 30-50 гг. XX века и возрождена в творчестве шестидесятников, чтобы позже, в русской литературе постмодернизма конца XX века, стать доминирующей тенденцией синтаксической организации текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горький М. О бойкости. – Горький М. Полн. собр. соч.: В 36 т. М., 1949. Т. 27.

2. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.

3. Караулов Ю.Н. Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности. М., 1992.
4. Кожевникова Н.А. Типы повествования в русской литературе 19-20 вв. М., 1994.
5. Малевич К. От кубизма к супрематизму. – Новый живописный реализм. СПб., 1916.
6. Покровская Е.А. Чужая речь и диалог в потоке сознания. – Известия Ур ГПУ. Лингвистика. Вып. 16. Екатеринбург, 2005.
7. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М., 1999.
8. Языковые процессы современной русской художественной литературы. Проза. М., 1997.
9. Якимович А. О лучах Просвещения и других световых явлениях. Культурная парадигма авангарда и постмодерна. – Иностранная литература. 1994. №1.
10. Kandinsky W. Essays Uber Kunst und Kunstler. – Teifen. 1955.

© Покровская Е.А., 2006

Попова Э.Ю.
Екатеринбург

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ СТУДЕНТА ГЛАЗАМИ САМОГО СТУДЕНТА

Знания о речи и умение общаться необходимы каждому культурному человеку. Речевое общение – важная составляющая деятельности педагога, поэтому учитель должен уметь оценить не только речь своих учащихся, но и свою собственную. «Человек долго вдыхал в себя воздух, прежде чем узнал о его существовании, и долго знал о существовании воздуха, прежде чем открыл его свойства, его состав, его значение в жизни тела. Люди долго пользовались богатствами родного слова, прежде чем обратили внимание на сложность глубину его организма и оценили его значение в своей духовной жизни», – так писал К.Д. Ушинский, рассуждая о значимости преподавания родного языка в школе [Ушинский 1988: 110].

Создавая речевой автопортрет по окончании изучения курса «Русский язык и культура речи», студенты приходят к осознанию роли языка в жизни человека и определяющего значения речи в процессе взаимодействия с другими людьми: *«Благодаря этой работе я, наконец, смогла увидеть недостатки и достоинства своей речи»; «Каждый должен объективно оценить – кем он является: оратором или слушателем?»; «Я решил уточнить,*

какую речь я использую в общении, ответив себе на некоторые вопросы».

Создание речевого автопортрета – нелегкая задача для студентов неязыковых факультетов, хотя изучение культуры речи помогает им понять, что профессиональная речь педагога – главное средство обучения и воспитания и любой учитель, не только словесник, должен владеть навыками профессиональной коммуникации, взаимодействовать с другими людьми посредством языка. Речевые автопортреты студентов показали, что студенты уже в достаточной степени грамотно могут оценить свою речь, учитывая свои личные качества, особенности речевого поведения. Несмотря на то, что каждый студент создавал индивидуальный речевой портрет, анализ работ выявил собирательный автопортрет студента, характеризующийся общими особенностями и признаками.

Современный студент неязыкового факультета в собственной оценке речи может быть представлен как человек, легко вступающий в речевое общение: *«Мне нравится разговаривать с людьми, и потому я со всеми легко нахожу общий язык»; «На мой взгляд, мне несложно принимать участие в разговоре»; «Я легко вступаю в разговор и поддерживаю ход беседы».* Тем не менее, студент отдает предпочтения таким темам, которые ему интересны или хорошо известны, в которых речь обязательно имеет смысл: *«Если тема обсуждения мне не понятна, то перед тем, как что-то сказать, я тщательно подумаю»; «Мне нравится узнавать мнения людей, получать новые сведения, делиться впечатлениями»; «Если разговор мне интересен, и я могу рассуждать на эту тему, я легко вступаю в разговор, также для меня важно, чтобы собеседник был мне приятен, мог выслушать меня, высказать свою точку зрения и, может быть, дать совет»; «Все зависит от темы разговора, собеседника, аудитории, от степени моей посвященности и подготовленности».*

Из двух видов речевой деятельности – говорение и слушание – студент предпочитает второе: *«Я больше люблю слушать, чем говорить»; «В общении я предпочитаю тех, кто мало говорит, уметь слушать – это даже важнее»; «Все люди любят говорить, но далеко не все умеют слушать. Важно не просто слушать то, о чем говорит собеседник, но и слышать его, и понимать его, и формировать свое отношение к услышанному».*

Большая аудитория не пугает студента, но все же он чувствует ответственность, выступая в роли оратора, и он сам признается в том, что умение публичного выступления достигается большим трудом: *«Я спокойно чувствую себя перед большими аудиториями и люблю выступать с докладами, рефератами, сообщениями»; «Сейчас я довольно легко себя чувствую перед большой аудиторией, хотя доля неловкости все равно присутствует»; «Когда я выступаю перед большой аудиторией, волнуясь, говорю много ненужных слов, хотя и стараюсь следить за своей речью. Думаю, что со временем мне удастся говорить красиво и правильно»; «Обычно я не люблю выступать перед большой аудиторией и теряюсь, когда меня неожиданно просят высказать какие-то свои мысли, но если я хорошо подготовлюсь к выступлению, продумаю вопросы, которые мне могут задать, то чувствую себя в этом случае более уверенно».*

Речи студента, по его мнению, свойственны многие коммуникативные качества: *«В ней присутствуют точность и логичность. Моя речь достаточно выразительная и чистая»; «Моя речь безошибочна, логична, чиста и выразительна»; «У себя я могу отметить логичность, точность, богатство и доступность».* Однако это мнение неоднозначно: *«Есть преграда, мешающая достичь по-настоящему красивых выступлений. На мой взгляд, это небогатый лексический запас. Русский, которым я обладаю, не располагает большим объемом выразительных средств»; «Мое отрицательное качество – небогатый лексический запас»; «Я легко вступаю в разговор, и на бытовом уровне не бывает проблем со словарным запасом, а вот на семинарах в университете ощущаю нехватку слов».* Подобная неоднозначность объясняется тем, что студент не в полной мере владеет книжными стилями речи, в частности научным.

По отношению к грубым словам и выражениям студент категоричен: *«Я стараюсь не употреблять грубых слов и выражений, так как понимаю, что это некультурно и неприятно»; «Я категорически против использования в нашей речи подобных слов, так как это мерзко и отвратительно!»; «К бранным выражениям и грубым словам я отношусь крайне негативно. Сама я, даже в самых стрессовых ситуациях, не употребляю грубые и бранные слова»; «Считаю, что грубые слова и выражения используют люди, у которых ограниченный словарный*

запас, низкий интеллектуальный уровень и культура». С другой стороны, студент с откровенностью отмечает: «В моей речи нет грубых слов, так как нет в них необходимости, в крайнем случае, возможно употребление одного-двух матерных слов, не несущих оскорбительный тон»; «В разговорном стиле порой отказаться от грубых выражений сложно, ведь только так некоторые люди могут тебя понять»; «Грубые слова и выражения занимают особое место в моей жизни – я студент, и в силу «неизвестных обстоятельств» я их использую. Страшно, что они (грубые слова и выражения) приобретают форму слов-паразитов, и я их начинаю использовать в своей речи, хотя понимаю, что они не нужны». Оказывается, что мнение об использовании грубых слов и выражений расходится с реальной речевой практикой студента.

Нелитературные формы национального языка присутствуют в речи студента и занимают в ней особое место: «Что касается жаргона, то я использую только профессиональный и молодежный жаргон»; «В своей речи я иногда пользуюсь жаргоном, то есть молодежным сленгом. Но я им не злоупотребляю и использую только в общении со своими друзьями»; «Относительно жаргона я занимаю нейтральную позицию. Иногда мне кажется, что жаргон не столько груб, сколько забавен. Мне нравятся некоторые жаргонные слова. Конечно, я употребляю молодежный сленг, но только в соответствующей обстановке».

Речь студента полностью соответствует нормам речевого этикета: «Я стараюсь постоянно пользоваться формулами речевого этикета, например, приветствие, прощание, обращение и другие»; «Речевой этикет нужен каждому человеку. Он направлен на улучшение обстановки, в которой происходит общение, на формирование речевой культуры собеседников и шире – на формирование общей культуры человека».

Самым большим недостатком речи студента, по его наблюдениям, является употребление слов-паразитов: «При разговоре у меня постоянно выскакивают слова-паразиты», «Но моя самая ужасная привычка в том, что в моей речи «завелись» слова-паразиты, такие, как: типа, короче, как бы и другие. Я понимаю, что они мешают моему речевому развитию, поэтому начинаю от них потихоньку отвязываться».

Таков речевой портрет студента, составленный по самостоятельному анализу своей речи студентами неязыковых факульте-

тов УрГПУ. В речевом автопортрете достаточно объективно отразились черты языка современного молодого человека, были выявлены общие особенности речи, связанные с одинаковым уровнем образования, возрастом, близкими интересами.

Однако наряду с общими чертами каждой работе свойственны индивидуальные особенности анализа собственной речи. Некоторые студенты не могут объективно оценить свою речь. Так, например, студентка считает свою речь практически образцовой: *«Так же я могу выступать в любом месте, в любое время без каких-то дискомфорта. Не стесняюсь ни кого выражаю свою речь коммуникабельно, то есть использую различные речевые стандарты, строю свою речь грамотно... Я отличаюсь от многих тем, что у меня четкая, громкая, грамотная и уместная выразительная информированная речь. Можно сказать то, что я обладаю ораторскими способностями»*. Орфография, пунктуация и стиль работы доказывают, насколько объективно оценила свою речь данная студентка. В то же время многие студенты отмечают недостатки своей речи и выражают желание избавиться от них, например. *«Иногда не могу найти нужное слово или выражение, не справляюсь со своими же словами, они становятся механическими, производными, бессмысленными. Хочу избавиться от своих недостатков, так как это не украшает любого специалиста. Я быстро подавляю волнение, не имею проблем с уместностью речи, но краткость – сестра не моего таланта!»*. Сам текст этого автопортрета свидетельствует о том, что студентка работает над своей речью, совершенствует ее и, несомненно, добьется успеха. Некоторые студенты вышли за рамки предложенного задания, включив в автопортрет другие аспекты речевой деятельности. *«Техника речи складывается из владения голосом ...Владение голосом – важнейшее качество любого человека. Это мой голос, и моя главная задача – научиться им управлять. Мой голос обладает рядом характеристик: тембр, высота, диапазон. Сохраняя устойчивость, плавно переходя от одной тональности к другой, он приобретает колоссальные возможности дополнительной выразительности устной речи. Это умение «интонировать», или «живописать», голосом. Мы с вами и не замечаем, что в нашей повседневной речи мы непрерывно «интонируем», вкладывая в наши слова наши чувства»*.

В заключение следует отметить, что анализ собственной ре-

чи должен стать неотъемлемой частью занятий по «Русскому языку и культуре речи». Только научившись оценивать собственную речь, будущий педагог сможет оценить речь других, прежде всего своих учеников. Отметив достоинства и недостатки в своей речи и речи окружающих, студент написал в своей работе *«Мечтаю, чтобы наша речь была красивой, вежливой, грамотной и чистой!»*

ЛИТЕРАТУРА

1. Десяева Н.Д. и др. Культура речи педагога: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Н.Д. Десяева, Т.А. Лебедева, Л.В. Ассуирова – М.: Издательский центр «Академия», 2003.

2. Еремина С.А. Речевой портрет политика.// Современная политическая лингвистика: Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, октябрь 2003 / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург. 2003. С.195-198.

3. Ушинский К.Д. Родное слово // Ушинский К.Д. Педагогические сочинения: В 6 т. Т.2 / Сост. С.Ф. Егоров. – М.: Педагогика, 1988. С.110-122.

© Попова Э.Ю., 2005

Прокопьева А.А.

Екатеринбург

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ МЕТАФОР ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В.В. НАБОКОВА

При переводе художественного произведения неизбежно возникает необходимость передачи использованных автором тропов, в том числе метафор, сравнений, метонимических переносов и т.д. Встречая в тексте тот или иной троп, переводчик должен решить, стоит ли воспроизводить соответствующую конструкцию в переводе или опустить ее и компенсировать каким-либо другим способом. Выбор обычно зависит от прагматических целей перевода. Во многих случаях цель коммуникации – передать ту или иную идею, а фигуры речи воспринимаются как своего рода излишество, роскошь, без которой можно обойтись. Когда "a skeleton in the family cupboard" («скелет в шкафу») превращается в «постыдную семейную тайну», происходит, несомненно, некоторая утрата экспрессивности, но основной смысл, тем не менее, сохраняется. В художественном тексте поэтический или стилистический эффект не менее важен, чем сама идея, что особенно важно, когда переводчик встречается с игрой

слов или развернутой метафорой. В таких случаях утрата фигуры речи может привести к тому, что часть текста потеряет смысл, поэтому сохранение метафорического значения становится необычайно важным.

В теории перевода различают конвенциональные (общеупотребительные) и авторские (креативные) метафоры и сравнения [Комиссаров, Кораллова 1990: 115-116]. Конвенциональные фигуры речи часто используются носителями языка и могут рассматриваться как идиомы или фразеологические единицы. Так же, как в случае с идиомами, русские эквиваленты для таких метафор могут основываться на том же самом образе:

– broken English – ломаный английский

I could have telephoned but fearing my voice might go out of control and lapse into coy croaks of broken English... (V. Nabokov, *Lolita*)

Я мог бы позвонить, но, боясь, что потеряю власть над голосом и разражусь жеманным кваканьем на ломаном английском языке... (В. Набоков, «Лолита»);

– barking laugh – лающий смех

Her lips were like large crimson polyps, and when she emitted her special barking laugh, she showed large dull teeth and pale gums (V. Nabokov, *Lolita*)

Ее губы были как большие пунцовые слизи, и когда она разражалась своим характерным лающим смехом, то показывала крупные, тусклые зубы и бескровные десны (В. Набоков, «Лолита»).

Возможны случаи, когда при переводе метафора основывается на ином схожем образе:

– hot thunder of wisper – горячий гул шепота

... but for quite a while my mind could not separate into words the hot thunder of her whisper (V. Nabokov, *Lolita*);

... но рассудок мой долго не мог разбить на слова жаркий гул ее шепота (В. Набоков, «Лолита»).

– as black as a sin – черен как грех

We did not see any next traffic light – in fact, The Park was as black as the sins it concealed (V. Nabokov, *Lolita*);

Никакого светофора мы не нашли – парк был черен как грех, которому он служил прикрытием (В. Набоков, «Лолита»).

В то же время существуют случаи, когда значение метафорического выражения может быть передано только с помощью неметафорического объяснения:

– as large as life – в натуральную величину (рост)

I kept telling myself, as I wielded my brand-new large-as-life wife, that biologically this was the nearest I could get to Lolita (V. Nabokov, Lolita);

Я все повторял себе, меж тем как орудовал моей только что сфабрикованной, в натуральный рост женой, что в биологическом смысле она собой представляет максимально доступное мне приближение к Лолите (В. Набоков, «Лолита»).

Проблема передачи индивидуальных, креативных тропов, созданных воображением автора на языке оригинала, является гораздо более сложной. Такие метафоры представляют собой часть авторского стиля и обычно передаются дословно. Тем не менее, некоторые оригинальные образы не могут быть адекватно представлены в переводящем языке, в таком случае переводчику приходится подыскивать подходящее окказиональное соответствие, как в следующем примере:

In order to break some pattern of fate in which I obscurely felt myself being enmeshed, I had decided — despite Lo's visible annoyance — to spend another night at Chestnut Court (V. Nabokov, Lolita).

"Pattern" обычно переводится как «узор, рисунок», но узор в русском языке невозможно сломать (break) или запутать (enmesh). В таком случае переводчику нужно подыскивать соответствующий эквивалент в русском языке:

Желая разорвать сеть судьбы, которая, как я смутно чувствовал, опутывала меня, я решил (несмотря на нескрываемую досаду Лолиты) провести лишнюю ночь в “Каштановых Коммеджах” (В. Набоков, «Лолита»).

Таким образом, в теории перевода можно выделить следующие способы передачи метафорических выражений:

- 1) подыскивание образного аналога в языке перевода;
- 2) создание дословного эквивалента;
- 3) описательный перевод;
- 4) замена образа оригинала на принятый в языке перевода образ.

Однако в когнитивной лингвистике существует принципиально иной подход к пониманию метафоры, которая рассматривается как основная мыслительная операция, важный способ категоризации и концептуализации мира. При этом метафора не ограничивается простым переносом значения, а представляет собой структурирование одной области опыта (концепта) в терми-

нах другой области. В данном случае на первый план выходит не поиск языкового переводческого соответствия единицы исходного языка, а поиск соответствующего соотношения концептов в концептосферах исходной и принимающей культур. Важной теоретической проблемой является проблема национальной специфики концептов. В концептуальной сфере разных народов наблюдается значительно больше сходств, чем в языковой сфере. Именно общность значительной части концептосфер обеспечивает переводимость с одного языка на другой – переводчик постигает концепт языка оригинала, а затем старается подобрать языковые средства, наиболее адекватно передающие этот концепт в переводе. Принципиальная переводимость текстов одного языка на другой – свидетельство существенной общности концептосфер народов, особенно стоящих на близком уровне социально-экономического развития [Вежбицкая 1997: 28].

Известно, однако, что в языках есть лакуны, то есть отсутствуют лексемы для тех или иных концептов, а также есть безэквивалентные единицы, которые присущи только данной языковой системе и отсутствующие в других языковых системах. Безэквивалентные единицы свидетельствуют о наличии национального концепта. Например, в сознании европейских народов отсутствуют концепты, обозначаемые русскими безэквивалентными единицами «земляк», «пошлость», «автолюбитель» и т.д. Лакуна – отсутствие лексемы при наличии концепта в лексико-семантической системе языка. Так, в русском языке нет лексемы для обозначения лиц, давно состоящих в браке, в отличие от молодоженов, хотя данный концепт, несомненно, существует [Вежбицкая 1997: 25].

Анализ репрезентации одного и того же концепта в разных языках позволяет выявить национальную специфику языковых систем. Эта специфика проявляется в разных способах репрезентации одного и того же концепта, в степени потребности или обобщенности репрезентации концепта в разных языках, в количестве и наборе лексем, фразеологических сочетаний, репрезентирующих концепт, в уровне абстракции, на котором концепт представлен в том или ином языке. Хороший пример существования таких специфических культурных концептов дает неперебиваемое русское слово «пошлый» и его производные («пошлость», «пошляк»), подробному рассмотрению которых В.В. Набоков посвятил много страниц (V. Nabokov 1961):

«На русском языке при помощи одного беспощадного слова

можно выразить суть широко распространенного порока, для которого три друга знакомых мне европейских языка не имеют специального обозначения. Некоторые, хотя далеко не все оттенки пошлости выражаются, например, английскими словами cheap, sham, common, smutty, pink-and-blue, high falutin', in bad taste. Но все они предполагают лишь определенные виды фальши, для обнаружения которых не требуется особой проницательности. На самом деле они, эти слова, скорее, дают лежащую на поверхности классификацию ценностей для отдельного исторического периода; но то, что русские называют пошлостью, очаровательным образом неподвластно времени и так хитро разукрашено в защитные цвета, что часто не удается обнаружить ее (в книге, в душе, в общественном установлении и в тысяче других мест)» [цит. по: Вежбицкая 2001: 15-17].

Таким образом, некоторые национальные концепты принципиально не могут быть адекватно отображены в языке другой культуры. Каждая культура обладает определенным набором концептов, составляющих концептосферу народа и организованных в связную систему. Метафорическая модель соединяет две части (два концепта) этой системы путем переосмысления области-цели относительно области-источника. Очевидно, что при отсутствии одной из частей опыта (области-цели или области-источника) в концептосфере принимающей культуры воссоздание оригинальной метафоры невозможно.

В теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона существует, помимо общепринятого деления на конвенциональные и авторские, классификация метафор на основании концептов, входящих в состав модели. Дж. Лакофф и М. Джонсон выделяют, таким образом, структурные метафоры, ориентационные метафоры и онтологические метафоры [Лакофф, Джонсон 2005]. Каждой разновидности метафор соответствуют различные способы перевода.

Ориентационные метафоры основаны в основном на физическом опыте. Поскольку любому человеку любой культуры присуще тело определенной формы, взаимодействующее с окружающим миром, ориентационные метафоры в большинстве случаев переводятся дословно. В частности, как в англоязычной, так и в русскоязычной культуре существуют метафорические модели: MORE IS UP (БОЛЬШЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАВЕРХ) LESS IS DOWN (МЕНЬШЕ – ВНИЗ). Поэтому возможны варианты перевода:

Her weekly allowance, paid to her under condition she fulfill her basic obligations, was twenty-one cents at the start of the Beardsley era – and went up to one dollar five before its end (V. Nabokov, Lolita).

Ее недельное жалование, выплачиваемое ей при условии, что она будет исполнять трижды в сутки основные свои обязанности, было, в начале Бердслейской эры, двадцать один цент (к концу этой эры оно дошло до доллара и пяти центов) (В. Набоков, «Лолита»).

I slowed down from a blind seventy to a purblind fifty (V. Nabokov, Lolita).

Я перешел со слепой скорости в семьдесят миль в час на полуслепую в пятьдесят (В. Набоков, «Лолита»).

Основу онтологических метафор составляет представление некоторой недискретной сущности в виде более конкретной сущности. В данном случае при переводе главную роль играет наличие соответствующего концепта в принимающей культуре. Чаще всего приходится подыскивать эквивалентный концепт, в большей или меньшей степени схожий с понятием исходной культуры. Например, английскую метафору

MIND IS A CONTAINER невозможно перевести дословно и однозначно, поскольку в русском отсутствует однословное понятие, соответствующее английскому MIND, которое в различных контекстах понимается либо как «ум», «разум», либо как «дух», «душа». Кроме того, понятийные области, структурируемые соответствующими понятиями, не совсем совпадают:

Now, in perusing what follows, the reader should bear in mind not only the general circuit as adumbrated above (V. Nabokov, Lolita).

Просматривая следующие страницы, читатель должен считаться не только с общим маршрутом, намеченным выше (В. Набоков, «Лолита»)

В английском языке возможно «носить в уме» (bear in mind) некоторые сведения, в русском этому понятию соответствует неметафорический концепт «считаться с чем-либо».

Let's explore your mind (V. Nabokov, Lolita).

Посмотрим, насколько вы сообразительны (В. Набоков, «Лолита»).

Тем не менее, существуют случаи, когда концептуальные системы в английском и русском полностью совпадают:

There was but one thing in my mind and pulse (V. Nabokov, Lolita).

та).

У меня было всего лишь одно на уме и в крови (В. Набоков, «Лолита»).

Структурные метафоры, соотносящие два концепта при структурировании одного в терминах другого, как правило, культурно обусловлены, поэтому при переводе таких метафор необходимо учитывать наличие такого же способа представления опыта в принимающей культуре. И в российской, и в европейской культуре существует традиция рассматривать ЖИЗНЬ как ХРУПКИЙ ОБЪЕКТ, что делает возможным переводы:

I leaf again and again through these miserable memories, and keep asking myself, was it then, in the glitter of that remote summer, that the rift in my life began (V. Nabokov, *Lolita*).

Снова и снова перелистываю эти жалкие воспоминания и все допытываюсь у самого себя, не оттуда ли, не из блеска ли того далекого лета пошла трещина через всю мою жизнь (В. Набоков, «Лолита»).

"You are ruining my life and yours," I said quietly (V. Nabokov, *Lolita*).

"Ты разбиваешь и мою жизнь и свою", – сказал я спокойно (В. Набоков, «Лолита»).

Тем не менее, если в культуре не принято рассматривать жизнь как нечто хрупкое, дословный перевод такого английского предложения будет невозможен.

Таким образом, при переводе метафорических выражений необходимо учитывать достижения когнитивной лингвистики в области соотношения концептов в различных культурах, что позволит достигнуть большей адекватности перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.

2. Комиссаров В.Н., Кораллова А.Л. Практикум по переводу с английского языка на русский. – М., 1990.

3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М., 2005.

4. Набоков В.В. Приглашение на казнь. Лолита. – М., 1994.

5. Nabokov V. *Lolita*. На англ. яз. – М., 2004.

© Прокопьева А.А., 2005

Устинова Е.В.
Ростов-на-Дону

**СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ
ИДЕИ НЕАГЕНТИВНОСТИ В МОДЕРНИСТСКОМ ТЕКСТЕ
(на материале романа «Петербург» и субъективной эпопеи
«Москва» А. Белого)**

Сегодня, без сомнения, мы можем назвать лингвокультурологию одним из самых актуальных и перспективных направлений в лингвистике. Это неудивительно, ведь человек живет в контексте культуры. Она является для него «второй реальностью». Культура во многом формирует и языковую принадлежность индивида. Язык может рассматриваться двуаспектно: в отвлечении от жизни, в том числе и культурной, и в своей погруженности в нее. Но чаще язык и культура взаимодействуют, причем, «язык есть одновременно и продукт культуры, и ее важная составная часть, и условие существования культуры. Более того, язык – специфический способ существования культуры, фактор формирования культурных кодов» [Маслова 2001: 62].

Одной из самых интересных, противоречивых и ярко проявляющихся лингвокультурологических категорий, составляющих языковую картину мира русского народа, является неагентивность. Теоретической основой идеи неагентивности послужили исследования А. Вежбицкой. В работе «Русский язык» исследователь выделяет неагентивность (наряду с эмоциональностью, иррациональностью и любовью к морали) в качестве признака, который «отчётливо выступает как в русском самосознании – в том виде, в каком оно представлено в русской литературе и русской философской мысли, – так и в записках людей, оценивающих русскую культуру извне, с позиции внешнего наблюдателя, – учёных, путешественников и др.» [Вежбицкая 1997: 34].

Неагентивность – это ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, а их способность контролировать жизненные события ограничена; склонность русского человека к фатализму, смирению и покорности; недостаточная выделенность индивида как автономного агента, как лица, стремящегося к своей цели и пытающегося её достичь, как контролёра событий [Вежбицкая 1997: 34].

Безусловно, идея неагентивности вписывается в концепцию парадигм культуры, базирующуюся на идеях Ф. Ницше, Д. Чижевского, Д. Лихачева и др. и предложенную искусствоведам А.

Якимовичем. Согласно этой концепции, в культуре и искусстве XX века взаимодействуют две парадигмы. Первая парадигма досталась XX веку от прошлого: от античного римского и ренессансного идеала Homo Humanus, противоположного Homo Barbarus. Сообщество просвещённых и гуманных людей плюс сам комплекс просвещённости и гуманности А. Якимович называет антропоцентрическим цивилизационизмом. Эта позиция приводит к определённому структурированию картину мира, в центре и наверху которой помещается цивилизованный человек. Эта парадигма зиждется на разуме и морали, на системе смыслов, заряженных духовностью [Якимович 1997: 13]. Во всех видах и на всех уровнях искусства и культуры, по А. Якимовичу, вырабатывается альтернативная парадигма, исходящая из мысли о том, что цивилизация с небрежностью производит некие силы хаоса, варварства, разрушения. Культура резко выдвигает вперёд реалии, которые явно не подлежат контролю со стороны разумно-моральных ценностей и иерархий, возникает эстетика новой первобытности. Вторую, альтернативную парадигму Якимович называет биокосмической, так как в основе её лежит природность, понимаемая как средоточие хаоса, телесности, иррациональности, смеха, уродства, фрагментарности, бессистемности, имморализма [Якимович 1997: 16].

Что касается лингвистической составляющей, идея неагентивности прослеживается на разных уровнях языка (лексико-словообразовательном, грамматическом, фразеологическом), что позволяет нам предположить следующее: в языке существует функционально-семантическое поле неагентивности, доминантой которого является безличное предложение, которое сквозной линией проходит через весь язык и составляет одну из характерных особенностей русского способа мышления. Думается, именно безличные предложения являются культуроспецифичными для русского языка, что проявляется, по Вежбицкой, «в колоссальной (и все возрастающей) роли, которую играют в этом языке безличные предложения разных типов» [Вежбицкая 1997: 41] и в разработанности понятия «безличное предложение» в русском языке (по сравнению с другими языками, например, романскими и германскими, для которых более характерна субъектно-предикатная схема построения предложения). Вежбицкая отмечает, что «неуклонный рост и распространение в русском языке безличных конструкций отвечает особой ориентации русского семантического универсума и, в конечном счете,

русской культуры» [Вежбицкая 1997: 43].

Так как в данной работе главной целью является рассмотрение синтаксических средств, выражающих идею неагентивности в рамках модернистского текста, проанализируем безличные предложения, которые активно функционируют в романном пространстве А. Белого.

А. Белый – яркий прозаик первой трети XX столетия, творящий в рамках символистского течения. Его творчество невозможно рассматривать вне лингвокультурологического контекста. Во-первых, оно вписывается в одну из парадигм культуры (в частности, мы можем говорить о том, что в произведениях Белого отражены все признаки, свойственные II парадигме). Во-вторых, если мы обратимся к языку произведений автора, то увидим, что действие общекультурной парадигмы проявляется в разрушении всех существующих отношений, норм и связей между языковыми единицами. Ярким доказательством является свойственный Белому «рваный» синтаксис и активизация безличного предложения как выразителя стихийности, иррациональности, непостижимости и загадочности бытия. Этносемантический и лингвокультурологический анализ безличных предложений в романе «Петербург» и субъективной эпопее «Москва» А. Белого не только иллюстрирует уникальное словотворчество автора, но и позволяет говорить о том, что данные синтаксические конструкции в своём структурно-семантическом разнообразии обнаруживают процесс субъективизации прозы и раскрывают его лингвокультурологические особенности.

Взаимоотношениям сознания и стихии посвящён роман «Петербург». Сам А. Белый писал о том, что, если в «Серебряном голубе» «сознание героев, так сказать, без смысла и толку бросается в стихийность», то в «Петербурге» «сознание отрывается от стихийности. Вывод – печальный: в том и другом случае». В третьей части трилогии (имеется в виду трилогия Белого, в которую входят «Серебряный голубь», «Петербург» и «Москва» – прим. Е.У.) формула будет такова: «сознание, органически соединившееся от стихиями и не утратившее в стихиях себя, есть жизнь подлинная» [Арутюнова 1999: 805]. Автор также отмечал: «...кто сознательно не вживется в мир стихийности, сознание того разорвётся в стихийном, почему-либо выступившем из берегов сознательности» [Арутюнова 1999: 806]. Да, в творчестве Белого существование на грани сознательного и бессознательного, сознания и стихии – естественное явление. Оно получило

отражение в активном функционировании безличных предложений в языковом пространстве романа «Петербург».

- Рукou помахало в тумане: «Извозчик!»

Безличная форма глагола помахать в сочетании с творительным падежом лексемы рука подтверждает наличие субъекта, в данной ситуации невербализованного (кто-то помахал рукой, но его опознание затруднено). Причем, обстоятельственный элемент в тумане даёт возможность обрисовать действие как мнимое, кажущееся и не вполне реальное.

- До слуха долетело: «Цыпленок!»

Безличная конструкция, идентичная предыдущей, тоже представляет ситуацию, где субъект не вербализован, но мыслится, так как прямая речь предполагает существование лица, которое произнесло данную фразу. Пациентивное предложение носит псевдосубъектный характер, потому что задача автора - изобразить не самого субъекта, а его действие скорее как действие некой стихийной силы, при помощи которой другой субъект получает информацию.

- ...И мыслил не он, но...себя мысли мыслили...: мыслилось, рисовалось, вставало; и прыгало в сердце, сверлило в мозгу...

Использование автором данных лексем обусловлено замыслом представить стихийную силу вне говорящего. Бессознательное проявляется даже за пределами мыслительной деятельности героя. Мысли себя мыслят, но также присутствует нечто, чья деятельность проходит на всех уровнях: от внешнего (рисовалось, вставало) к внутреннему (мыслилось, сверлило в мозгу, прыгало в сердце), однако, все эти акты осмысливаются как проявление бессознательного в недрах человеческого сознания.

- Шарахнулось в мозгу.

Образование от глагола шарахнуть окрашивается дополнительным смыслом, помимо традиционного значения этой лексики, а именно: мысли шарахаются друг от друга, как реальные данности, но так как они не указаны, можно усматривать присутствие того бессознательного, что проявляется стихийно. Субъект не может контролировать все, что происходит в его сознании и душе, потому что существование самого субъекта иногда под вопросом.

- У! Как сыро! Как мозгло!

Авторская инновация мозгло предположительно образована

отсечением морфемы про от безличного глагола промозгло. Данная лексема, как кажется, носит двойственный характер: характеризует состояние природы и состояние человека (если отталкиваться от семантики лексемы мозг).

Ярко иллюстрирует положение о балансировании на грани сознательного и бессознательного следующий диалог:

- Пересекая столбы разговоров, ловил их отрывки, и составлялись предложения.

- «Знаете?» – пронеслось где-то справа, погасло. И – вынырнуло.

- «Собираются...»

- «Бросить...»

- Шушукало сзади.

- «В кого?»

И вот темная пара сказала:

- «Абл...»

Прошла.

- «В Аблеухова?!

Пара закончила где-то вдали... и др.

В этом диалоге мы не можем выявить грамматически почти ни одного субъекта, однако, лексема пара указывает на то, что разговор имел место быть. Безличные глаголы были выбраны автором не столько для того, чтобы скрыть личность говорящих, сколько для того, чтобы показать неконтролируемость ситуации, стихийность ее возникновения и ее мистическую сущность. Грамматические субъекты или скрыты в безличных или неполных бесподлежащих предложениях, или они вербализованы с нарочито неопределенной семантикой. Лексема пара подчеркивается умышленно, подчеркивается определением темная, в котором скрыт игровой момент: темная по цвету и темная по смыслу. Это дает нам право предположить, что в отрывке представлены действия псевдосубъектов («темная пара») в псевдореальности («где-то справа», «сзади», «где-то вдали»).

Таким образом, анализ некоторых безличных конструкций в романе «Петербург» показывает, что их семантика существенно отличается от нормативной, устоявшейся в языке семантики безличных бессубъектных предложений, где лицо, как известно, не мыслится, где абсурден вопрос о деятеле или носителе признака. У Белого субъект мыслится как данность – реальная или псевдореальная, что позволяет рассматривать его внутри суждения как элемент высказывания, независимо от того, вербали-

зован он (в форме косв. падежа, например) или нет (но подразумевается, мыслится, устанавливается из смыслового контекста). У А. Белого предложения такого рода, где речь идет о действиях, мыслях, чувствах человека, иллюстрируют сосредоточенность на проблеме стихии, стихийности. Мир не познаваем, он изначально иррационален.

Трилогия А. Белого «Москва» – почти не изученное произведение и в литературоведческом, и в лингвистическом аспектах. Вопрос о жанровой принадлежности трилогии является спорным, потому что «Москва», состоящая из романов «Московский чудак», «Москва под ударом» и «Маски», не укладывается в привычные рамки. Сам Белый как теоретик замечал: «Моя проза – совсем не проза; она – поэма в стихах (анапест); она напечатана прозой лишь для экономии места... Я – поэт, поэмник, а не беллетрист...» [Белый 1989: 10]. Перед нами поэтическая проза, называемая чаще всего орнаментальной.

В «эпопейном» контексте «Москва» стоит несколько особняком (по сравнению с «объективными» эпопеями: «Война и мир», «Тихий Дон» и др.), однако, может быть названа «эпопеей» по своему размаху. Отсюда жанровая неопределённость: «Москву» называют «романом», «большим эпическим явлением», «субъективной эпопеей» и даже «антиэпопеей».

Мне «Москва» А. Белого видится «субъективной эпопеей»: произведение, живущее по поэтическим законам с эпическим размахом через автобиографический подход, лишено какой бы то ни было объективности, – даже историческая Москва у Белого – «хаос как фактор развития». Субъективным предстаёт не только содержание, где у каждого героя есть прототип и каждое явление пережито самим автором.

Языковой строй произведения не соответствует классическому типу прозы, который основан на «последовательном изложении мыслей». В синтаксическом плане можно говорить об «актуализирующем» типе синтаксиса [Арутюнова 1972: 25], где авторская модальность превалирует над содержанием, коммуникативная организация не совпадает со структурной; где мы встречаем фрагментарность, разорванность, дисгармонию, актуализацию речи, а следовательно парцелляцию, вставки, неполноту предложений, неграмматическое обособление и обилие безличных предложений как следствие повышенной интимизации, иррациональности и противопоставления субъективного начала объективному.

Мне представляется, что безличное предложение в «субъективной эпопее» А. Белого выполняет, по меньшей мере, несколько функций, участвуя в создании индивидуального авторского жанра.

1) Как и в романе «Петербург», в трилогии «Москва» часть безличных предложений иллюстрирует сосредоточенность на проблеме стихии и стихийности. Можно говорить о природной стихии и стихии непознанного.

- Тут заюжанило; все – разжиднело, стекло; сняли шубы: пролётки загрохали; вновь – подморозило; вечером же серо-розовый и лакастый булыжник – поглядывал в окна и твёрдо, и сиверко;

- ...Задробеденилось как-то; он сам понимал: ничего, ничего не создал, четверть века хвалясь, что схватил быка за рога...;

- Вот и завьюжило: прыснуло с завизгом... И – задождило пустым пустоплюем в лицо;

- ...Размокрогодилось и распространилось лужами, заволдырились пузырьки; да, - пережуй снегов и др.;

2) В некоторых конструкциях безличные предложения представляют ситуацию, где субъект не вербализован, но мыслится. Безличное предложение носит псевдосубъектный характер, потому что задача автора – изобразить не самого субъекта и его действия, а действие некой стихийной силы, при помощи которой идёт получение информации. В основном, конструкции с такой семантикой представлены в предложениях с прямой речью.

- Отконкретилось в нём, наконец:

- Кувердяев...

- Продребежжало весьма назидательно:

- Коли со свищиком ходите, – плюньте, что свищик, что прыщик: телесности; умственной жизнью живите, раздумывайте о прекрасных твореньях природы...;

- С веранды взмывало:

- Ммыы... ммыы!

- Вдруг, хрусталея, крыло коромысла: и ближе, и ближе; и –

- бац: протрескочило около рта, сев на рот обнажившийся:

- Быы!..

- Из красного лая – на кубовый сумрак:

- Допустим, – просумеречило;

- Тут и орнуло, с Мандро... и др.

Безусловно, помимо великолепной иллюстрации стихии не-

познанного, необъяснимого, иррационального, «Москва» А. Белого изобилует словотворчеством автора – многие лексемы не зафиксированы ни в одном из словарей, другие – «обновились» приставочно-суффиксальным способом, третьи – под традиционной лексемой скрывают «нетрадиционный» смысл, понятный только из эпоейного контекста.

3) Лексемы с семантикой безличности (глаголы, реже – предикативные наречия) выступают как элементы лингвистического эксперимента автора (на лексическом и словообразовательном уровнях) и представлены как неологизмы в контексте словотворчества Белого.

- – Бутылочку мы раскрутили. Жизнь – размозгляло что-то;

- ...бессмыслилось, рожилось, перебежало дорогу; отбитые пальцы горели; душа изошла красноедами; щёки пылали; и ухали пульсы;

- Адвокат Перокловский пленил перспективами: слажено, сглажено, схвастано, спластано, намилюковено, – запро-токолено при резолюции: мы – протестуем; и мы умоляем, – всеподданнейшие...;

- Там машина как тяпнет; бензинный дымок подлетел над забором: в окно Неперепрева; затараракало рывами и др.

Можно было бы ещё приводить примеры интересных конструкций с семантикой безличности, кажется, вся «Москва» только на них и построена.

Поэтому, думается, жанр «субъективной эпопеи» создаётся не только на содержательном, но и на языковом уровне. Одним из средств создания особого мира в трилогии «Москва» являются синтаксические конструкции, а именно безличные предложения и лексемы с безличной семантикой. Они выступают как показатели особого субъективного языка автора, которым творится текст (творчество как языкотворчество) – это и есть авторская «субъективизация».

Итак, основным синтаксическим средством выражения идеи неагентивности в текстах А. Белого является безличное предложение. Именно эти конструкции демонстрируют, что «таинственные и непонятные события происходят вне нас совсем не по той причине, что кто-то делает что-то, а события, происходящие внутри нас, наступают отнюдь не потому, что мы этого хотим. В агентивности нет ничего загадочного: если человек что-то делает и из-за этого происходят какие-то события, то всё представ-

ляется вполне ясным; загадочными и непостижимыми предстают те вещи вокруг и внутри нас, появление которых вызвано действием таинственных сил... Богатство и разнообразие безличных конструкций в русском языке показывают, что язык отражает и всячески поощряет преобладающую в русской культурной традиции тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому уразумению...» [Вежбицкая 1997: 76]. Синтаксические конструкции с семантикой неагентивности играют важную роль в создании идиостиля А. Белого, определяют специфику художественного (шире – лингвокультурологического) пространства текста и наряду с другими единицами языка (в частности, лексическими) выступают главным «орудием» авторской субъективизации, и, как мы уже отмечали, данные конструкции характерны для II общекультурной парадигмы и русского семантического универсума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. О синтаксических типах художественной прозы // *Общее и романское языкознание*. – М., 1972.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека // *Языки русской культуры*. – М., 1999.
3. Белый А. Москва. – М., 1989.
4. Белый А. Петербург // *Собрание сочинений в 2-х тт.* – М., 1990.
5. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1997.
6. Маслова В. А. Лингвокультурология. – М., 2001.
7. Якимович А. Парадигмы XX века // *Вопросы искусствоведения*. – 1997, №2.

© Устинова Е.В., 2006

Шустрова Е.В.

Екатеринбург

ФИТОМОРФНАЯ И ЗООМОРФНАЯ КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В ТВОРЧЕСТВЕ Р. ЭЛЛИСОНА

Предметом нашего исследования является метафорическое моделирование различных концептов в произведениях афроамериканских писателей. При этом мы рассматриваем метафору с позиций когнитивного подхода, предполагающего включение в состав концептуальной метафоры и других тропов качества, в частности метонимии и аллегии. В данной статье сделана попытка проследить способы конкретной языковой реализа-

ции и выявить функциональную роль каждого из тропов качества при разворачивании фитоморфных и зооморфных образов в идиостиле Р. Эллисона – афро-американского писателя, чье творчество традиционно относится к течению реализма, натурализма и модернизма американской литературы 1940–1960 гг.

В первую очередь интерес представляет авторское смешение «черной» и «белой» трактовок при использовании фитоморфных и зооморфных образов. Отметим, что к данной группе концептов мы относим понятия различных растений, насекомых, птиц, пресмыкающихся и млекопитающих.

Фитообразы используются Р. Эллисоном главным образом при описании физических черт, внешности человека. Встречаются традиционные уподобления, например, красота девушки сравнивается с едва распустившимся цветком (*a delicate flower*) [Ellison 1992: 42], или же умирающий описывается как «яблоко побитое морозом» (*a frost-bit apple*) [Ellison 1992: 10]. В эту же группу можно отнести сравнение с дрожанием листа, белизной лилии, плодоносным полем [Ellison 1992: 122, 124, 241, 309, 444, 564 и др.]. С другой стороны, привлекается ряд денотатов, связанных с природой южных штатов и имеющих ряд переносных значений в афро-американском варианте английского языка (ААЕ). В частности, используется уподобление человеческого лица черносливу, при этом описание касается исключительно лживых, неискренних людей, поскольку в ААЕ переносное употребление слова *prune* указывает на ниггеризм, раболепие и имеет ярко выраженную отрицательную коннотацию. Другой пример связан с употреблением слова *walnut*.

Returning, he looked at me sharply, his withered face an *animated black walnut* with shrewd, reddish eyes. [Ellison 1992: 204]

В данном случае необходимо помнить о переносном значении слова *nutty* – «умный, просвещенный, достойный» в афро-американском варианте английского языка.

Одной из наиболее частотных связей во всем афро-американском наследии и творчестве Р. Эллисона, в частности, является связь «афро-американец, диаспора, жизнь – сладкий картофель, ямс».

“I can see you one of these old-fashioned yam eaters.” “They’re my birthmark,” I said. “I *yam* what I am!” [Ellison 1992: 260]

Еще один пример кодирования информации и наличия скрытых намеков содержится в следующем отрывке:

And just as I caught sight of the glasses I remembered grasping

Rinehart's girl's hand. I lay there unmoving, and she seemed to perch on the bed, a bright-eyed bird with her glossy head and ripe breasts, and I was *in a wood* afraid to frighten the bird away. Then I was fully awake and the bird gone and the girl's image in my mind. [Ellison 1992: 504]

Это видение сопутствует состоянию тревоги, страха, переживанию неудач, связанных с исключением из колледжа по настоянию декана. Выражение *in a wood* здесь с одной стороны выполняет метафорическую роль, а с другой призвано служить намеком на афро-американскую единицу *bull of the woods*, которая означает «ректор или декан колледжа» и имеет отрицательный коннотативный компонент.

Примеры олицетворения фитообразов в основном связаны с жизнью студентов и рисуют образ молодого, неопытного и радостного существа, которому еще неведомы страх и печаль, осознание своей беспомощности и никчемности. Подобное олицетворение служит контрастом для других образов, передающих ощущения главного персонажа, которому уже отказано в чувстве покоя и уверенности.

Фитоолицетворение часто дополняется примерами метонимии, где описание природы юга, растений и запахов являются частью состояния мира, покоя, прошлого, а также ощущений грусти, потери, осознания безвозвратно утраченных возможностей, времени, надежд.

At the sound of vespers I moved across the campus with groups of students, walking slowly, their voices soft in the mellow dusk. I remember the yellowed globes of frosted glass making lacy silhouettes on the gravel and *the walk of the leaves and branches* above us as we moved slow through the dusk so restless with *scents of lilac, honeysuckle and verberna*, and the feel of spring greenness; and I recall the sudden arpeggios of laughter lilting across *the tender, springtime grass* - gay-welling, far-floating, fluent, spontaneous, a bell-like feminine fluting, then suppressed; as though snuffed swiftly and irrevocably beneath the quiet solemnity of the vespersed air now vibrant with somber chapel bells. [Ellison 1992: 107]

[Ср. Ellison 1992: 36, 108, 197, 229-230].

Фитоаллегории построены на образе ямса, как символа жизни диаспоры.

Continue on *the yam level* and life would be sweet – though somewhat yellowish. [Ellison 1992: 260]

Присутствует ряд ссылок на уже упоминавшееся выражение

bull of the woods.

I didn't know whether I was awake or dreaming. It was dead quiet, yet I was certain that there had been a noise and that it had come from across the room as she beside me made a soft sighing sound. It was strange. My mind revolved. I was chased out of a *chinkapin woods* by a bull. I ran up a hill; the whole hill heaved. I heard the sound and looked up to see the man looking straight at me from where he stood in the dim light of the hall, looking in with neither interest nor surprise. [Ellison 1992: 410]

Кроме «черных» аллегорий в идиостиле Р. Эллисона присутствуют и традиционные «белые» образы плодов, фруктов, семян, связанных с результатами труда [Ср. Ellison 1992: 45, 110, 130 и др.].

Образ **насекомого** используется Р. Эллисоном в метафорической группе как для описания самого человека (афро-американца) [Ellison 1992: 296, 407, 529], так и его эмоций, состояний.

My mind fluttered *like the moths* that veiled the street lamp which cast shadows upon the bank of grass below me. [Ellison 1992: 133]

Gradually she increased its volume, until at times the voice seemed to become a disembodied force that sought to enter her, to violate her, shaking her, rocking her rhythmically, as though it had become the source of her being, rather than *the fluid web* of her own creation. [Ellison 1992: 114]

Метонимическая группа дает примеры традиционных словарно зафиксированных метонимических связей. Что касается смешанной группы, то в данном случае используется аллегоричный образ сверчков и бабочек, призванный символизировать преступную беспечность, приводящую к потерям, беде.

I'm convinced it was the product of a subtle magic, the alchemy of moonlight; the school a flower-studded wasteland, the rocks sunken, the dry winds hidden, *the lost crickets chirping to yellow butterflies*. And, oh, oh, oh, those multimillionaires! [Ellison 1992: 36-37]

Образ яркой бабочки сливается с аллегоричными описаниями слепоты, тьмы, водных глубин, крови и символизирует спекулирование бедами афро-американской диаспоры, неспособность осознать всю тяжесть своего положения.

And I looked up through a pain so intense now that the air seemed to roar with the clanging of metal, hearing, HOW DOES IT FEEL TO BE FREE OF ILLUSION...

And now I answered, "Painful and empty," as I saw a *glittering*

butterfly circle three times around my blood-red parts, up there beneath the bridge's high arch. [Ellison 1992: 51]

Другим символом лжи, неискренности является демонстрация своих увечий, ран с вьющимися вокруг насекомыми.

He cleared his throat, his eyes gleaming and his voice taking on a deep, incantatory quality, as though he had told the story many, many times. *Flies and fine white gnats swarmed about his wound.* [Ellison 1992: 53]

Описания *птицы* присутствуют у Р. Эллисона в следующих контекстах. Во-первых, это ряд тропов метафорической группы, где проводится параллель между человеком и петухом (цыпленком), чайкой и пингвином. Последние два уподобления основаны на прямом сходстве объектов, где толпа и ее крики напоминают крики охотящихся чаек, а манера поведения и внешние черты исполнителя позволяют сравнить его с пингвином, дополнительно задействуются и потенциальные семы жадности, глупости и т. д.

"Ah went to Atlanta – nevah been there befo'," he sang, his arms held out from his body *like a penguin's wings*, glass in one hand, cigar in the other. [Ellison 1992: 305]

And my heart tightened as the first crowd swung imperturbably back to their looting with derisive cries, *like sandpipers* swinging around to glean the shore after a furious wave's recession. [Ellison, 1992: 545]

При сравнении с петухом в контексте романа возможно «черное» и «белое» употребление самого существительного *rooster*. Таким образом, Р. Эллисон задействует потенциальные семы слова, присущие ему в двух вариантах английского языка. Так, в нижеприведенном контексте речь идет об афро-американском политическом деятеле, имеющем белых спонсоров и пытающемся использовать в корыстных целях афро-американскую культуру и свою расовую принадлежность.

Who – he halted to crouch with one foot on the curb *like a country preacher* about to pound his Bible – "got...the...dog", his head snapping with each word *like an angry rooster's*. [Ellison 1992: 170]

Сравнение с петухом неслучайно, поскольку одно из значений *rooster* в афро-американском английском – «(джазовый) музыкант (часто белый), намеренно использующий афро-американскую технику исполнения» и в качестве потенциальных сем имеет семы «хладнокровие», «безжалостность», «нахальство» – черты, которые впоследствии проявятся в сюжете романа.

Потенциальные семы, присущие *rooster* в стандартном английском, такие как «важный», «склочный», «задиристый» проявляются и в контекстах Р. Эллисона. Сравнение и метафора дополняются инвертированным эпитетом.

The pathetic ones who possessed nothing beyond their dreams of being gentlemen, (...), who affected the pseudo-courtly manners of certain southern congressmen and bowed and nodded as they passed *like senile old roosters in a barnyard*. [Ellison 1992: 251]

I looked at him again as for the first time, seeing *a little bantam rooster of a man* with a high-domed forehead and a raw eye-socket that wouldn't quite accept its lid. I looked at him carefully now with some of the red spots fading and with the feeling that I was just awakening from a dream. I had boomeranged around. [Ellison 1992: 468]

Если с взрослой птицей сравнивается белый или афроамериканец, презираемый диаспорой, то сравнение с цыпленком всегда связано с беззащитностью негра [Ср. Ellison 1992: 6, 155, 270 и др.].

Уподобление молодой девушки маленькой птичке также связано с рядом значений существительных *bird*, *bidly*, *bantam*, *pigeon* в ААЕ. Если в стандартном английском *bird* может употребляться в значении «легкомысленная девчонка» и имеет коннотативный компонент близкий к отрицательному, то в ААЕ это существительное и его синонимы по отношению к молодой девушке, женщине имеют исключительно положительную коннотацию и потенциальные семы «беззащитность», «хрупкость», «привлекательность». Именно эти составляющие и задействуются в контекстах Р. Эллисона [Ср. Ellison 1992: 19, 504].

Еще одним полюсом для употребления тропов метафорической группы для Р. Эллисона становится песня или мелодичный голос.

Then somewhere in the procession an old, plaintive, masculine voice arose in a song, wavering, stumbling in the silence at first alone, until in the band a euphonium horn fumbled for the key and took up the air, one catching and rising above the other and the other pursuing, *two black pigeons rising above a skull-white barn to tumble and rise through still, blue air*. [Ellison 1992: 445]

Hey, Miss Suise! The sound of words that were no words, counterfeit notes singing achievements yet unachieved, riding upon *the wings of my voice* out to you. [Ellison 1992: 111-112]

В метонимической группе птица выступает частью картины

мирной жизни, спокойного, безбедного существования, счастливого прошлого, а также грусти, осознания утраты.

And in my mind I could see the brightly trimmed and freshly decorated campus buildings as they appeared on spring mornings – after the fall painting and the light winter snows, with a cloud riding over and a *darting bird* above – framed by the trees and encircling vines. [Ellison 1992: 197]

Green hedges, dazzling with red wild roses appeared behind my eyes, stretching with a gentle curving to an infinity empty of objects, a limpid blue space. Scenes of a shaded lawn in summer drifted past; I saw a uniformed military band arrayed decorously in concert, each musician with well-oiled hair, heard a sweet-voiced trumpet rendering “The Holy City” as from an echoing distance, buoyed by a choir of muted horns; and above, the mocking obligato of a *mocking bird*. I felt giddy. [Ellison 1992: 229-230]

В аллегоричном образе птицы снова наблюдается смешение «черной» и «белой» трактовок. Так, с одной стороны в ряде контекстов применяется образ парящего стервятника, благородного орла или стонущего голубя (*a soaring vulture, a noble eagle, a moaning dove*). Настойчиво вводится традиционный для детской английской поэзии образ Робина-красношейки (в другом варианте Робин-Воробин) (*Robin Redbreast*). В контекстах Р. Эллисона это аллегория обманутого, искалеченного афро-американца.

Suddenly the bus jerked to a stop and I heard myself humming the same tune that the man ahead was whistling, and the words came back: well *they picked poor Robin clean* | well they picked poor Robin clean | Well they tied poor Robin to a stump | Lawd, they picked all the feathers round | From Robin’s rump | Well they picked poor Robin clean. [Ellison 1992: 190]

Введение аллегории с использованием образа стаи гусей при описании негров построено на производном значении «простофиля», «дурачок», существующем в «белом» варианте английского.

С другой стороны, «черные» описания пересмешника намекают на ласковое, бережное отношение к этой птице, как символу диаспоры, и одновременно на тиражирование этого образа, использование его в корыстных целях. Неслучайно образ появляется в одном контексте с выражением «коленипреклоненный раб» (*eternally kneeling slave*).

A *mockingbird* trilled a note from where it perched upon the hand of the moonlit Founder, flipping its moon-mad tail above the head of

the eternally kneeling slave. I went up the shadowy drive, heard it trill behind me. The street lamps glowed brilliant in the moonlit dream of the campus, each light serene in its cage of shadows. [Ellison 1992: 132]

Подобные трактовки наблюдаются и при использовании образа змеи и других *пресмыкающихся*. С одной стороны, это описания беды, отравы, болезни, испуга, наиболее традиционные для европейского понимания этого символа [Ср. Ellison, 1992: 266, 366, 369, 386 и др.]. Здесь задействуются все три группы тропов качества. В то же время, образ змеи в его африканской трактовке используется Р. Эллисоном в контекстах, повествующих о возрождении, обретении сил, здоровья, мудрости, словом, всего того, с чем божественный змей связывался в африканских верованиях. В данном случае преимущественно используется метафора и аллегория.

Perhaps you were, but that's all past, *dead*. You might not recognize it just now, but that part of you is *dead!* You have not completely *shed* that self, that old agrarian self, but it's *dead* and you will throw it off completely and emerge something new. [Ellison 1992: 285]. [Ср. также Ellison 1992: 571, 572].

Зооморфизмы в идиостиле Р. Эллисона рисуют образ красивого, искалеченного животного, зверя, загнанного в угол, в боли, агонии. Наиболее частотными являются описания собаки, кошки (льва, львицы), обезьяны, лошади, быка, медведя, кролика [Ср. Ellison 1992: 6, 15-16, 165, 86, 171, 215, 237, 293, 330-331, 410, 552 и др.]. Также встречаются уподобления кроту, мыши, гиене, оленю [Ср. Ellison 1992: 107, 270, 336, 338, 516, 537 и др.]. У денотатов «крот» и «мышь» подчеркивается слепота животного, что переплетается с темой физической и духовной слепоты действующих лиц. При реализации зооморфных образов Р. Эллисон активно использует тропы метафорической группы и аллегорию. Метонимическая группа представлена традиционными и словарно зафиксированными зооморфными значениями.

Подобно афро-американскому варианту английского языка, афро-американское литературное наследие с одной стороны дает примеры образных связей, близких к европейским моделям, и в то же время выражает многие позиции, характерные для африканской культуры и резко контрастирующие с «белой» традицией. Это мы попытались показать на примере фито- и зооморфизмов в художественной картине мира Р. Эллисона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В.Н. Телия. М.,

1988.

2. Общая риторика: Пер. с фр. / Ж. Дюбуа, Ф. Эделин, Ж. М. Клинкаберг и др.; общ. ред. А.К. Авеличева. М., 1986.

3. Очерки истории языка русской поэзии 20 века: Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке. / Григорьев В.П., Иванова Н.Н., Некрасова Е.А., Северская О.И. – М.: Наука, 1994.

4. Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990.

5. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры. (1991-2000). Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2001.

6. Чудинов А.П. Методика сопоставительного исследования метафорических моделей // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2003. Т. 9. С. 47-57.

7. Шанский Н.М., Махмудов Ш.А. Филологический анализ художественного текста. СПб: Специальная литература, 1999.

8. Galperin I.R. Stylistics. Moscow, 1971.

9. Gates H.L., Jr. Figures in Black: Words, Signs and the "Racial" Self. N. Y.: Oxford University Press, 1987.

10. Ellison R. Shadow and Act. N. Y.: Random House, 1964.

11. Ellison R. Invisible Man. N. Y.: The Modern Library, 1992.

12. Ellison R. The Collected Essays. N. Y.: Modern Library, 1995.

13. Ellison R. Flying Home and Other Stories. N.Y.: Random House, 1996.

© Шустрова Е.В, 2006

РАЗДЕЛ 3. ХРОНИКА

Гиниатуллин И.А.
Екатеринбург

ХРОНИКА.

ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ К 212.283.05 В 2005 ГОДУ

Диссертационный Совет К 212.283.05. был создан приказом Высшей аттестационной комиссии № от 1 декабря 2000 г. на базе существовавшего в УрГПУ с 1997 года Диссертационного совета К 212.42.09. Председатель Совета – д.ф.н., проф. А.П. Чудинов, заместитель председателя – д.ф.н., проф. Зоя Ивановна Комарова, ученый секретарь – к.п.н., проф. Игорь Ахмедович Гиниатуллин. Совет имеет право принимать диссертации по специальностям "13.00.02 – теория и методика обучения и воспитания (русский язык, иностранные языки)" и "13.00.08 – теория и методика профессионального образования".

В 2005 году Диссертационный совет К 212.283.05 провел 12 заседаний, на которых были защищены следующие диссертации:

1. 18.03.2005. к.п.н. (13.00.08) **Зудова Яна Викторовна** (Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия). Дидактические основы обучения аудированию иноязычной речи студентов неязыкового вуза. Научный руководитель – д.п.н., проф. Наталья Николаевна Сергеева. Оппоненты – д.п.н., проф. Тамара Сергеевна Серова и к.п.н., доц. Галина Александровна Завелева. Ведущая организация – Удмуртский государственный университет.

2. 18.03.2005. к.п.н. (13.00.08) **Кустова Анна Евгеньевна** (Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия). Обучение иноязычным фразеологическим единицам при изучении французского языка как дополнительной специальности. Научный руководитель – д.п.н., проф. Наталья Николаевна Сергеева. Оппоненты – д.п.н., проф. Алла Николаевна Утехина и к.п.н., доц. Людмила Валентиновна Скопова. Ведущая организация – Пермский государственный технический университет.

3. 17.06.2005. к.п.н. (13.00.02) **Чайковская Елена Николаевна** (Кузбасская государственная педагогическая академия). Изучение текста родословной на уроках развития речи как средство развития коммуникативных умений учащихся 9-х классов. Научный руководитель – д.п.н., проф. Евгения Владиславовна

Коротаева. Оппоненты – д.п.н., проф. Людмила Александровна Месеняшина и к.п.н., доц. Галина Ивановна Быкова. Ведущая организация – Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия.

4. 17.06.2005. к.п.н. (13.00.08) **Тевелевич Анна Михайловна** (Омский государственный университет). Формирование лингводидактической компетентности студентов при изучении дисциплины «Теория обучения иностранным языкам». Научный руководитель – д.п.н., проф. Наталья Николаевна Сергеева. Оппоненты – д.п.н., проф. Тамара Сергеевна Серова и к.п.н., доц. Александр Александрович Богатов. Ведущая организация – Томский государственный университет.

5. 17.06.2005. к.п.н. (13.00.02) **Хвостова Елена Викторовна** (Нижегородский государственный педагогический институт). Развитие коммуникативных умений младших школьников во внеклассной деятельности. Научный руководитель – к.п.н., доц. Ирина Семеновна Чудинова. Оппоненты – д.п.н., проф. Евгения Владиславовна Коротаева и к.п.н., доц. Михаил Юрьевич Олешков. Ведущая организация – Красноярский государственный педагогический университет.

6. 7.10.2005. к.п.н. (13.00.08) **Раскопина Лариса Павловна** (Пермский государственный технический университет). Обучение гибкому профессионально ориентированному чтению в процессе профильной подготовки переводчиков. Научный руководитель – д.п.н., проф. Тамара Сергеевна Серова. Оппоненты – д.п.н., проф. Наталья Николаевна Сергеева и к.п.н., доц. Лариса Ивановна Корнеева. Ведущая организация – Пермский государственный педагогический университет.

7. 7.10.2005. к.п.н. (13.00.08). **Уляшева Татьяна Вениаминовна** (Коми государственный педагогический университет). Обучение студентов 3 курса языкового педагогического факультета личностному самовыражению в письменной речи (на материале пейзажного описания на французском языке). Научный руководитель – к.п.н., проф. Владимир Михайлович Гурленов. Оппоненты – д.п.н., проф. Наталья Николаевна Сергеева и к.п.н., доц. Елена Павловна Белкина. Ведущая организация – Вологодский государственный педагогический университет.

8. 14.10.2005. к.п.н. (13.00.08) **Аристова Елена Алексеевна** (Пермский государственный технический университет). Формирование фонетических и фонационных навыков англоязычной речевой деятельности у студентов неязыкового вуза с использо-

ванием материала аутентичных песен. Научный руководитель – д.п.н., проф. Тамара Сергеевна Серова. Оппоненты – д.п.н., проф. Елена Витальевна Ковалевская и к.п.н., доц. Ания Хамитовна Закирьянова. Ведущая организация – Пермский государственный университет.

9. 14.10.2005. к.п.н. (13.00.08) **Леготкина Лариса Ринатовна** (Пермский государственный технический университет). Формирование профессиональных и личностных качеств будущих лингвистов-переводчиков средствами физической культуры. Научный руководитель – д.п.н., проф. Тамара Сергеевна Серова. Оппоненты – д.п.н., проф. Наталья Ивановна Медведкова и к.п.н., доц. Людмила Валентиновна Скопова. Ведущая организация – Уральский государственный технический университет.

10. 28.10.2005. к.п.н. (13.00.08) **Росновская Людмила Валентиновна** (Уральский гуманитарный университет). Основания проектирования высшего профессионального образования конструкторов одежды. Научный руководитель – д.филос.н., проф. Лев Абрамович Закс. Оппоненты – д.п.н., проф. Людмила Владимировна Моисеева и к.п.н., доц. Климов Виктор Петрович. Ведущая организация – Омский государственный технологический университет.

11. 16.12.2005. к.п.н. (13.00.08) **Макарова Елена Викторовна** (Уральский государственный педагогический университет). Подготовка студентов языкового факультета к самостоятельному совершенствованию риторического аспекта иноязычной устной речи. Научный руководитель – к.п.н., проф. И.А. Гиниатуллин. Оппоненты – д.п.н., проф. Наталья Николаевна Сергеева и к.п.н., доц. Ирина Алексеевна Бредихина. Ведущая организация – Пермский государственный технический университет.

12. 16.12.2005. к.п.н. (13.00.08) **Ковалева Татьяна Александровна**. (Пермский государственный педагогический университет). Решение коммуникативно-познавательных задач как средство обучения профессионально-ориентированному иноязычному информативному чтению будущих учителей. Научный руководитель – д.п.н., проф. Тамара Сергеевна Серова. Оппоненты – д.п.н., доц. Лариса Ивановна Корнеева и к.п.н., доц. Мария Анатольевна Югова. Ведущая организация – Удмуртский государственный университет.

Очередное заседание диссертационного совета назначено на 13.01.2006 года. Диссертацию по специальности 13.00.02 представила **Кулакова Наталья Васильевна** (Красноярский

государственный педагогический университет). **Использование словообразовательных окказионализмов как текстообразующего средства при написании сочинений младшими школьниками.** Научный руководитель – д.п.н., проф. Виктор Яковлевич Булохов. Оппоненты – д.ф.н., проф. Маргарита Львовна Кусова и д.п.н., проф. Людмила Александровна Месе-няшина. Ведущая организация – Хакасский государственный университет.

© Гинниатуллин И.А., 2006

Пирогов Н.А.
Екатеринбург

ХРОНИКА

ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ Д 212.283.02 В 2005 ГОДУ

Диссертационный совет Д 212.283.02 утвержден в Уральском государственном педагогическом университете г. Екатеринбурга приказом Минобразования Российской Федерации от 01 декабря 2000 года № 690-в.

Диссертационному совету разрешено принимать к защите диссертации

по 10.02.01 – русский язык по филологическим наукам;

по 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание по филологическим наукам.

В 2005 году Диссертационный совет Д 212.283.02 провел 35 заседаний.

По специальности 10.02.01 – русский язык были защищены 9 кандидатских диссертаций и 1 – докторская

по специальности 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание – 13 кандидатских диссертаций и 4 – докторских.

25.02.05 к.ф.н. (10.02.01) **Чудакова Наиля Мулахметовна.** (Уральский государственный педагогический университет). Метафорические модели со сферой-источником «Неживая природа» в современных СМИ (2000 – 2004 гг.). Научный руководитель – А.П. Чудинов. Эксперты – К.И. Демидова и Т.А. Гридина. Оппоненты – К.И. Демидова и Юлия Борисовна Феденева. Ведущая организация – Уральский государственный технический университет.

25.02.05 к.ф.н. (10.02.20) **Ефимов Дмитрий Константинович.** (Уральский государственный педагогический университет). Терминосфера СМИ в русском и английском языках. Научный

руководитель – З.И.Комарова. Эксперты – Валентин Иосифович Томашпольский и Элла Александровна Лазарева. Оппоненты Элла Александровна Лазарева и Олег Георгиевич Скворцов. Ведущая организация – Челябинский государственный университет.

15.04.05 к.ф.н. (10.02.01) **Слезкина Марина Геннадьевна.** (Южно-Уральский государственный университет). Семантика и символика прилагательного «Желтый» в русском языке (в семасиологическом и ономазиологическом аспектах). Научный руководитель – Ольга Александровна Турбина. Эксперты – Л.Г. Бабенко и К.И. Демидова. Оппоненты – Л.Г. Бабенко и Елена Анатольевна Нахимова. Ведущая организация – Челябинский государственный педагогический университет.

15.04.05 к.ф.н. (10.02.20) **Богуславская Елена Львовна.** (Уральский государственный педагогический университет). Конструкции с определительной семантикой в афро-американском варианте английского языка в сопоставлении с литературным английским и диалектами Британии. Научный руководитель – В.П. Хабиров. Эксперты – В.И. Томашпольский и М.Л. Кусова. Оппоненты – В.А. Виноградов и Т.А. Знаменская. Ведущая организация – Пермский государственный педагогический университет.

27.05.05 к.ф.н. (10.02.20) **Шилова Елена Владимировна.** (Уральский государственный педагогический университет). Терминологическая дефиниция как метатекст в русскоязычной и англоязычной научно-технической литературе. Научный руководитель – З.И. Комарова, Эксперты – К.И. Демидова и В.И. Томашпольский. Оппоненты – Мария Павловна Котюрова и Ю.В. Вронская. Ведущая организация – Тюменский государственный университет.

27.05.05 к.ф.н. (10.02.01) **Чижова Инна Леонидовна.** (Уральский государственный педагогический университет). Лексика художественных промыслов Среднего Урала: структурно-семантический, лексикографический, номинативный аспекты. Научный руководитель – К.И. Демидова. Эксперты – Г.Н. Плотникова и З.И. Комарова. Оппоненты – Г.Н. Плотникова и С.А. Еремина. Ведущая организация – Уральский государственный технический университет.

03.06.05 к.ф.н. (10.02.20) **Красильникова Наталия Алексеевна** (Уральский государственный педагогический университет). Метафорическая репрезентация лингвокультурологической ка-

тегории СВОИ – ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии. Научные руководители – Г.Н. Бабич и А.П. Чудинов. Эксперты – М.Л. Кусова и Т.А. Гридина. Оппоненты – Ольга Аркадьевна Леонтович и М.Л. Кусова. Ведущая организация – Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия.

03.06.05 к.ф.н. (10.02.20) **Шаова Оксана Александровна** (Уральский государственный педагогический университет). Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация. Научные руководители – О.Г. Путьрская и А.П. Чудинов. Эксперты – В.И. Томашпольский и О.А. Турбина. Оппоненты – О.А. Турбина и И.Д. Белеева. Ведущая организация – Уральский государственный экономический университет.

03.06.05 к.ф.н. (10.02.01) **Бирюкова Наталья Сергеевна** (Уральский государственный педагогический университет). Восприятие студентами прецедентных феноменов, используемых в современной политической коммуникации. Научный руководитель – Н.Б. Руженцева. Эксперты – Т.А. Гридина и Н.А. Пирогов. Оппоненты – Т.А. Гридина и А.Б. Ряпосова. Ведущая организация – Вятский государственный гуманитарный университет.

24.06.05 д.ф.н. (10.02.20) **Нифанова Татьяна Сергеевна** (Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Северодвинский филиал). Сопоставительное исследование английской и французской языковой картины мира (на материале денотативных классов из сферы «Природа»). Научный консультант – Т.В. Семашко. Эксперты – Л.Г. Бабенко, Н.В. Пестова и В.И. Томашпольский. Оппоненты – Мария Эдуардовна Рут, Т.И. Зеленина, Н.Н. Белозерова. Ведущая организация – Тамбовский государственный университет.

24.06.05 к.ф.н. (10.02.01) **Колясникова Оксана Сергеевна** (Уральский государственный педагогический университет). Мотивационная рефлексия в детской речи. Научный руководитель – Т.А. Гридина. Эксперты – М.Л. Кусова и К.И. Демидова. Оппоненты – М.Л. Кусова и С.А. Никаноров. Ведущая организация – Московский государственный областной университет.

24.06.05 к.ф.н. (10.02.20) **Мезенцева Татьяна Александровна** (Уральский государственный университет им. А.М. Горького). Лингвистические особенности репрезентации удивления в английском и русском языках: функциональный аспект. Научный руководитель – Л.Г. Бабенко. Эксперты – М.Л. Кусова и В.И. Томашпольский. Оппоненты – К.А. Андреева и М.Л. Кусова. Веду-

щая организация – Пермский государственный университет.

23.09.05 д.ф.н. (10.02.20) **Палютина Зилаира Рязовна** (Башкортостанский государственный медицинский университет). Теоретические основы цивилизационного направления в исследовании терминологии. Научный консультант – Виктор Андреевич Татаринев. Эксперты – З.И. Комарова, К.И. Демидова и А.П. Чудинов. Оппоненты – В.Ф. Новодранова, Л.М. Алексеева и З.И. Комарова. Ведущая организация – Челябинский государственный университет.

23.09.05 к.ф.н. (10.02.20) **Гашков Максим Викторович** (Уральский государственный педагогический университет). Исторические изменения в глагольной лексике основного словарного фонда романских языков. Научный руководитель – В.И. Томашпольский. Эксперты – Н.В. Пестова и А.П. Чудинов. Оппоненты – О.А. Турбина и О.Г. Путырская. Ведущая организация – Тюменский государственный университет.

21.10.05 д.ф.н. (10.02.20) **Дударева Зайтуна Мухтаровна**. (Стерлитамакская государственная педагогическая академия). Контрастивное исследование концептуальной сферы «Время» в русской и башкирской языковых картинах мира. Эксперты – К.И. Демидова, А.П. Чудинов и З.И. Комарова. Оппоненты – К.И. Демидова, доктор филологических наук, профессор Аюпова Людмила Лutfеевна, доктор филологических наук, профессор Хайруллина Раиса Ханифовна. Ведущая организация – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН.

21.10.05 д.ф.н. (10.02.01) **Белякова Светлана Михайловна** (Уральский государственный университет им. А.М. Горького). Образ времени в диалектной картине мира (на материале лексики и фразеологии русских старожильческих говоров юга Тюменской области). Научный консультант – Л.Г. Бабенко. Эксперты – М.Л. Кусова, Т.А. Гридина, К.И. Демидова. Оппоненты – К.И. Демидова, М.Э. Рут, Т.И. Ерофеева. Ведущая организация – Челябинский государственный университет.

18.11.05 д.ф.н. (10.02.20) **Лыкова Надежда Николаевна**. (Уральский государственный педагогический университет). Становление юридической терминологии в старофранцузском и древнерусском языках. Научный руководитель – В.И. Томашпольский. Эксперты – З.И. Комарова, О.А. Турбина и К.И. Демидова. Оппоненты – В.П. Григорьев, Т.В. Попова, О.А. Турбина. Ведущая организация – Челябинский государственный университет.

18.11.05 к.ф.н. (10.02.20) **Анашкина Наталья Юрьевна.** (Уральский государственный педагогический университет). Языковая картина мира, представленная в английских NURSERY RHYMES и их переводах на русский язык. Научный руководитель – Т.А. Знаменская. Эксперты – В.И. Томашпольский и Н.В. Пестова. Оппоненты – Е.В. Колотнина и Н.Н. Белозерова. Ведущая организация – Пермский государственный технический университет.

25.11.05 к.ф.н. (10.02.20) **Серебрякова Анна Юрьевна.** (Южно-Уральский государственный университет). Категория лица/персональности в научно-философском тексте (на материале произведений И. Канта и их переводов на русский язык). Научный руководитель – О.А. Турбина. Эксперты – Н.В. Пестова и Н.А. Пирогов. Оппоненты – Н.В. Пестова и Н.Ю. Кузнецова. Ведущая организация – Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия.

25.11.05 к.ф.н. (10.02.20) **Шагеева Анна Алексеевна.** (Уральский государственный педагогический университет). Когнитивные функции цитаты в естественнонаучном тексте (на материале русского и английского языков). Научный руководитель – З.И. Комарова. Эксперты – Э.А. Лазарева и Г.Н. Плотникова. Оппоненты – Э.А. Лазарева и Т.Н. Осинцева. Ведущая организация – Пермский государственный университет.

02.12.05 к.ф.н. (10.02.01) **Степанова Елена Геннадьевна.** (Уральский государственный технический университет). Морфодеривационная структура русского слова (по данным экспериментального словообразования). Научный руководитель – Т.В. Попова, Эксперты – З.И. Комарова и Г.Н. Плотникова. Оппоненты – Г.Н. Плотникова и А.В. Цыганкова. Ведущая организация – Тюменский государственный университет.

02.12.05 к.ф.н. (10.02.20) **Морозова Екатерина Ивановна.** (Уральский государственный педагогический университет). Структурно-функциональные типы и прагматические характеристики эллипсиса во французском языке в сопоставлении с английским (на материале газетно-журнальных публикаций). Научный руководитель – В.И. Томашпольский. Эксперты – О.А. Турбина и А.П. Чудинов. Оппоненты – О.А. Турбина и Т.А. Знаменская. Ведущая организация – Челябинский государственный университет.

09.12.05 к.ф.н. (10.02.01) **Шинкаренкова Мария Борисовна.** (Уральский государственный педагогический университет). Ме-

тафорическое моделирование художественного мира в дискурсе русской рок-поэзии. Научный руководитель – А.П. Чудинов. Эксперты – Н.В. Пестова и Э.А. Лазарева. Оппоненты – Э.А. Лазарева и Н.И. Коновалова. Ведущая организация – Тюменский государственный университет.

09.12.05 к.ф.н. (10.02.01) **Булатова Элина Валерьевна** (Уральский государственный педагогический университет). Прямая и косвенная коммуникация в современной печатной рекламе. Научный руководитель – Э.А. Лазарева. Эксперты – Т.А. Гридина и М.Л. Кусова. Оппоненты – Т.А. Гридина и Ю.Б. Феденева. Ведущая организация – Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия.

23.12.05 к.ф.н. (10.02.20) **Трушина Елена Валерьевна** (Уральский государственный педагогический университет). Терминосистемы криминалистики и криминологии в русском и французском языках. Научный руководитель – З.И. Комарова. Эксперты – В.И. Томашпольский и Н.В. Пестова. Оппоненты – Л.М. Алексеева и И.Д. Белеева. Ведущая организация – Тюменский государственный университет.

23.12.05 к.ф.н. (10.02.01) **Бадаев Алексей Феликсович** (Уральский государственный университет им. А.М. Горького). Функции поэтической графики в русской поэзии 18-20 вв. Научный руководитель – Ю.В. Казарин. Эксперты М.Л. Кусова и Н.В. Пестова. Оппоненты – Н.А. Кузьмина и Е.В. Дзюба. Ведущая организация – Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия.

23.12.05 к.ф.н. (10.02.20) **Стрельников Александр Михайлович**. (Уральский государственный педагогический университет). Метафорическая оценка политического лидера в дискурсе кампании по выборам президента в США и России. Научный руководитель – А.П. Чудинов. Рецензенты – Н.Б. Руженцева и Г.Н. Бабич. Эксперты – Э.А. Лазарева и Н.А. Пирогов. Оппоненты – Л.М. Алексеева и О.Г. Скворцов. Ведущая организация – Тверской государственный университет.

© Пирогов А.Н., 2006

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНТОНОВА ЮЛИЯ АНАТОЛЬЕВНА – аспирант, ассистент кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

БЕНУА Л. УИЛЬЯМ – доктор философии, профессор кафедры коммуникации Миссурийского университета (США), редактор журнала *Communication Studies*

БУДАЕВ ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ – преподаватель кафедры английского языка Нижне-Тагильской государственной социально-педагогической академии

ГИНИАТУЛЛИН ИГОРЬ АХМЕДОВИЧ – кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкого языка и методики его преподавания Уральского государственного педагогического университета, ученый секретарь Диссертационного Совета

ДЕКЛЕНКО Е.В. – кандидат филологических наук, доцент Челябинского государственного университета

ДОКУЧАЕВА РАИСА МИХАЙЛОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры преподавания русского и коми языков Коми государственного педагогического университета.

КУДАНКИНА Ольга Александровна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры языкознания Кемеровского государственного университета

МЕШКОВА Татьяна Сергеевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры языкознания Кемеровского государственного университета

НЕМИРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского и коми языков Коми государственного педагогического института

ОВЧИННИКОВА ЛЮБОВЬ НИКОЛАЕВНА – аспирант кафедры общего языкознания и современного русского языка Уральского государственного педагогического университета

ОРЛОВА Олеся Геннадьевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры языкознания Кемеровского государственного университета

ПИМЕНОВА ЕВГЕНИЯ ЕВГЕНЬЕВНА – студентка Кемеровского государственного университета

ПИМЕНОВА МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания Кемеровского государственного университета

ПИРОГОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Уральского государственного педагогического университета, ученый секретарь Диссертационного Совета

ПОКРОВСКАЯ ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Ростовского государственного университета.

ПОПОВА ЭЛЬВИРА ЮРЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

ПРОКОПЬЕВА АНАСТАСИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – аспирант, ассистент кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

СВЕТОНОСОВА ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА – преподаватель кафедры иностранных языков Псковского государственного технического университета

СОЛОПОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА – ассистент кафедры английского языка Челябинского государственного педагогического университета

УСТИНОВА ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА – аспирант кафедры русского языка Ростовский государственный университет

ШАОВА ОКСАНА АЛЕКСАНДРОВНА – преподаватель кафедры романо-германской филологии Уральского государственного университета им. А.М. Горького

ШУСТРОВА ЕЛИЗАВЕТА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английской филологии Уральского государственного педагогического университета